

Ю.А.Писарев

ТАЙНЫ

ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РОССИЯ
И
СЕРБИЯ
В 1914-1915 гг.



«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Отделение истории

Ю.А.Писарев

ТАЙНЫ **ПЕРВОЙ** **МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

РОССИЯ
И
СЕРБИЯ
В 1914-1915 ГГ.



МОСКВА НАУКА 1990

Рецензенты:

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
доктор исторических наук Т. МУСЛИМ-ОГЛЫ

Писарев Ю. А.

П 34 Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914—
1915 гг. — М.: Наука, 1990. — 221 с.

ISBN 5-02-010009-9

Почему в первые десятилетия XX в. именно Балканы стали центром европейской напряженности, заслужив прозвище «порохового погреба» Европы? Какова доля ответственности в разжигании мирового пожара Сербии и России? Кто управлял рукой Г. Принципа, сразившей наследника престола Габсбургов Франца Фердинанда и его супругу графиню Хотек? Ответ на эти и другие вопросы читатель найдет в данной книге. Автор использует обширный круг источников, в том числе подлинные документы сербских ведомств, ставшие доступными лишь в 80-х годах.

Для историков и широкого круга читателей.

0503030000—305

П ————— КБ—52—5—89

042(02)—90

ББК 66.4

ISBN 5-02-010009-9

© Издательство «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа была задумана лет 25—30 тому назад, когда я впервые посетил Австрию и Югославию. На меня, помнится, произвели большое, но разное впечатление столицы обоих государств: державная Вена, с ее роскошными дворцами, имперскими площадями и величественными памятниками — немymi свидетелями былого могущества монархии Габсбургов, и более скромная, менее официальная, чем-то похожая на Москву столица Сербии Белград, с кривыми, уходящими в гору улочками, ремесленными мастерскими и бесконечными кафанами, а также развалинами турецкой крепости Калемегдан, которая говорила о том, что этот город ранее принадлежал Османской империи и что он является собой средоточие не только «цивилизованной» Европы, но и «полуварварской» Азии.

Разные страны и разные люди... Степенные, подчеркнуто вежливые, но погруженные в себя, в свое дело и в свои раздумья австрийцы, неизменно прилично одетые в новые или слегка поношенные, но непременно отутюженные костюмы жители Вены, и, напротив, темпераментные, громогласные, пестро одетые сербы, готовые познакомиться тут же, на улице, которую они переходят где попало и как попало, нарушая движение транспорта, жители Белграда.

Каждый второй австриец копит свои деньги в «шпархзамкассе» или в банке, каждый второй серб, а может быть, и каждый первый беспечно проживает и пропивает их, залезая в долги. У австрийских немцев все рассчитано, все взвешено, у сербов, напротив, все неучтено, многое просто безалаберно. Русским, привыкшим к размаху и беспечности, ближе сербы. Так случилось, что сербов и русских объединяет одна религия, схожий язык, общий характер землепользования и, конечно, традиционная поддержка Россией Сербии в ее борьбе против османского ига.

Уже тогда, во время этой поездки, я задумался о связанности исторических судеб этих земель. Для чиновничье-буржуазной «сытой» Австро-Венгрии Сербия была всего лишь «воротами на Балканы», страной «селяков и пастухов», как полупрезрительно называл ее светлейший князь Отто Бисмарк, Сербия, в свою очередь, опасалась, что через эти «ворота» на Балканский полуостров проникнут непрощенные гости.

Существовали и другие причины для взаимного недоверия. Индустриально развитая дунайская империя старалась поглотить более отсталый сербский рынок. Сербия, в свою очередь, внушала беспокойство Австро-Венгрии тем, что являлась в глазах югославянских народов, населявших многонациональную монархию, центром притяжения одноплеменного или родственного в этническом отношении населения, своего рода «вторым Пьемонтом».

После 1903 г., когда в Белграде трон заняла прорусская династия Карагеоргиевичей, сменившая австрофильскую царствующую фамилию Обреновичей, для Вены возникла еще одна опасность: на Балканах усиливалось влияние Российской империи. Россия не располагала такими прочными позициями в экономике Сербии и на Балканах в целом, как Австро-Венгрия и начавшая ее вытеснять Германия, но тем не менее она пыталась обеспечить свое политическое присутствие в этом регионе. Для царизма Балканы, прежде всего Сербия и Черногория, а также Болгария, имели военно-стратегическое значение. Потерпев поражение в японской войне и потеряв позиции на Дальнем Востоке, царское правительство выдвинуло в 1910 г. доктрину «назад в Европу», имея в виду проникновение на Балканский полуостров и в бассейн Средиземноморья. Аннексия Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины и ее таможенная война с Сербией 1906—1911 гг. способствовали сближению России с Сербией и, напротив, ухудшению отношений монархии Габсбургов с Сербским государством.

После капитуляции перед Германией в 1909 г., когда Россия была вынуждена перед угрозой войны санкционировать аннексию, в Петербурге решили больше не отступать. Великодержавное самлюбие царизма стало брать верх над уступчивостью. Именно тогда в узком кругу придворных всероссийский самодержец произнес свою знаменитую фразу, облетевшую Европу: «Мы не можем больше позволить всякой сволочи наступать нам на ноги» («сволочь» — это Германия и Австро-Венгрия). Балканы превратились в узел международных противоречий. Сербия и Черногория пользовались поддержкой России, за спиной Австро-Венгрии стояла Германия. Обнажились и другие антагонизмы. Начавшаяся 28 июля 1914 г. война монархии Габсбургов с Сербией уже через неделю переросла в общемировую.

С учетом этой многогранности международных отношений на Балканах построена и данная работа. В ней наряду с австро-сербскими анализируются отношения сербско-русские, русско-австрийские, австро-германские, германо-русские, а также взаимоотношения России с другими государствами региона — Румынией, Грецией, Болгарией и Италией, т. е. по существу весь комплекс общемировой балканской политики того времени.

Книга посвящена начальному периоду войны — от возникновения предвоенного кризиса в июле 1914 г. до военного поражения Сербии в октябре—ноябре 1915 г. Изучение этого периода, насыщенного драматическими событиями, имеет самостоятельное

значение: в эти месяцы общеевропейской катастрофы всеми государствами были сформулированы цели войны, тогда же выкристаллизовался и характер ее, а все, что делалось потом, было продолжением начатого.

Перед автором вставал вопрос о точке отсчета. Что считать началом предвоенного кризиса? Подавляющее большинство исследователей полагает, что рубежом, когда над Европой появился первый зловещий призрак всеобщей войны, явилось Сараевское убийство 28 июня 1914 г. Сербский террорист Гаврила Принцип писал, например, итальянский историк Луиджи Альбертини, «разрядил свой пистолет не только в грудь австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда, но и целился в сердце Европы»¹.

Сараевское убийство, несомненно, сыграло важную роль в провоцировании войны, но оно само было лишь следствием, а не причиной международной напряженности. Роковой выстрел Принципа был ответной реакцией на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Французская газета «Аксон» писала: «Граф Эренталь (министр иностранных дел Австро-Венгрии.— Ю. П.) прежде чем сойти в могилу вложил пистолет в руки сербского националиста. Когда угнетают целый народ, надо ждать народного взрыва»².

Однако эта дата — аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в октябре 1908 г. — является слишком отдаленной. Боснийский кризис вызвал международную напряженность на Балканах, но все же не он привел Европу к мировой катастрофе.

Для возникновения всеевропейской войны нужны были более серьезные причины; в войне были заинтересованы более могущественные силы, чем Австро-Венгрия, которая, хотя и являлась одной из великих держав, не играла ведущей роли в мировой политике. К этому времени уже давно кануло в Лету бывшее всемогущество Австрийской империи. В Вене близ императорского дворца Хофбург возвышается громоздкий и впечатляющий памятник одной из основательниц монархии Габсбургов Марии Терезии. В ее времена империя, простираясь от Атлантики до р. Буг, определяла судьбы Европы. С тех пор минули столетия и на континенте произошли коренные изменения. Пустые глазницы бронзовой императрицы, хотя и устремляются за владения империи, но сами границы этой монархии резко сузились. В Европе появились новые силы, определяющие ее судьбу, и главными среди них стали Германия и Англия. Именно позиция этих государств, борьба за мировое господство оказали влияние на возникновение всемирной катастрофы. Другие страны (царская Россия, Франция, Италия, Австро-Венгрия, малые державы, а на Дальнем Востоке Япония и Китай) сыграли в войне значительную роль, но их вступление в войну было производным от решения основного, германо-английского конфликта.

Однако Англия и Германия оказались в неодинаковом положении. Менее готовая к войне Англия действовала более скрыто,

первоначально подставив под удар Россию и Францию; Германия, напротив, была давно нацелена на войну, но и она сначала выдвинула на авансцену Австро-Венгрию, подтолкнув ее к нападению на Сербию, что заставило выступить царскую Россию и Францию, а затем и Англию.

Такова была общая картина событий. Какой все же этап в их развитии можно считать начальным? Кто и когда непосредственно спровоцировал войну? Разумеется, этот вопрос не подменяет главного — об империалистическом характере войны вообще, но он тем не менее имеет определенное значение, помогая глубже понять причины возникновения войны³.

Новые документы, приведенные в работах видного западногерманского историка Ф. Фишера⁴, а также одного из ведущих исследователей этой проблемы в ГДР Ф. Кляйна⁵ и югославского историка А. Митровича⁶, позволяют установить рубеж, когда кайзеровская Германия взяла курс на мировую войну. Им стал 1913 г., точнее поздняя осень этого года. Еще в мае 1913 г. германский рейхстаг принял новый военный закон, превращавший немецкую армию в самую сильную в Европе. 13 августа того же года германский император Вильгельм II издал секретную инструкцию Министерству иностранных дел о подготовке к глобальной войне. В октябре начальник Генерального штаба Германии генерал Гельмут фон Мольтке (младший) представил кайзеру военно-оперативный план нападения на Францию и Россию, 16 октября того же года Вильгельм II впервые поделился своими замыслами о нападении Австро-Венгрии на Сербию с начальником Имперского генерального штаба генералом Францем Конрадом фон Гетцендорфом.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Европа торжественно отмечала столетний юбилей победы над Наполеоном в знаменитой «битве народов». На историческом поле близ Лейпцига был устроен военный парад бывших членов антинаполеоновской коалиции — Австрии, России и Пруссии. Военные оркестры трех стран исполнили государственные гимны, многочисленная публика аплодировала словам ораторов о возникшей, наконец, эре мира и спокойствия, но именно в этот день Вильгельм II, подозвав к себе генерала Конрада, поставил перед ним вопрос: «Почему бы вам не заняться своим непосредственным солдатским делом и не маршировать на Белград?» Конрад, в свою очередь, спросил императора: «А что будет делать Германия, если в поддержку Сербии выступит Россия?» Глава германского государства заверил начальника австро-венгерского генштаба в неизменной помощи. «Я пойду с вами, — сказал он, — другие государства не в состоянии ничего предпринять»⁷.

Вопрос о союзе Германии с Австро-Венгрией в будущей войне был предрешен. Конец 1913 — начало 1914 г. оказались периодом непосредственного возникновения предвоенной катастрофы. Он и стал начальным рубежом настоящего исследования.

Не менее важным для автора был вопрос о завершающей

дате работы. Формально ею должно было стать окончание войны Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией, т. е. 1 ноября 1918 г., когда последний имперский солдат покинул многострадальную землю этих стран. Но эта дата, имевшая для всех трех государств историческое значение, перекрывалась событиями более раннего периода конца 1915 — начала 1916 г., когда монархия Габсбургов аннексировала эти земли и Сербия и Черногория пошли разными путями.

Первая продолжала войну, эвакуировавшись на греческий о. Корфу, нашла в себе силы реорганизовать армию, передислоцировав ее на Салоникский фронт и развернув бои за освобождение своего государства. Черногория, напротив, капитулировала, ее правительство и ее король бежали из страны, но черногорский народ продолжал борьбу и в условиях аннексии.

С 1916 по 1918 г. война Сербии и Черногории, таким образом, из оборонительной превратилась в национально-освободительную, т. е. этот период истории обеих стран был наполнен новым содержанием, что и позволило автору данных строк вывести его изучение за рамки настоящей книги.

К тому же в 1916—1918 гг. произошли значительные изменения и в международной обстановке. Главное отличие состояло в расширении театра военных действий на Балканах. В 1915 г. в войну вступили Италия и Болгария. Первая присоединилась к Антанте, вторая к Центральной коалиции. В 1916 г. с германским блоком порвала Румыния, перейдя на сторону Тройственного соглашения. Тогда же, в 1916 г., на Балканах открылся новый фронт — Салоникский, куда Англия, Франция, Россия, Сербия и Италия послали свои войска. В 1917 г. Советская Россия вышла из войны, но две русские бригады, общей численностью в 40 тыс. человек, продолжали участвовать в боях вплоть до 1918 г. В войну на стороне Антанты вступила и Греция. Все эти события требуют специального анализа и должны быть вынесены за пределы настоящей книги.

Данная работа была написана благодаря всесторонней помощи и содействию архивных учреждений Советского Союза и ряда зарубежных стран. Большую поддержку автор получал от советских, югославских, венгерских, австрийских и немецких историков. Он выражает всем им свою глубокую благодарность и признание.

¹ Albertini L. The origines of the war. L., 1953. Vol. 1. P. 53.

² Action. 1914. 23.VI.

³ В 30-е годы этот вопрос был поставлен академиком Е. В. Тарле, за что был подвергнут необоснованной критике профессором Ленинградского университета Н. П. Полетикой, обвинившим Тарле в игнорировании империалистического характера первой мировой войны для всех государств. См.: Полетика Н. П. Возникновение первой мировой войны. М.; Л., 1934.

⁴ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962.

⁵ Deutschland im Ersten Weltkrieg. B., 1970. Bd. 1.

⁶ Mitrović A. Prodor na Balkan i Srbija, 1908—1918. Beograd. 1980.

⁷ Conrad von Hötzendorff F. Aus meinen Dienstzeit, 1906—1918. B., 1921. Bd. 3. S. 473—477.

ВВЕДЕНИЕ

В мировой истории имеются периоды, которые неизменно привлекали и продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Главным образом это этапы переломного характера, когда в эволюционном процессе развития общества происходят коренные сдвиги, ломаются старые устои и рушатся отжившие государственные режимы или когда сами события имеют действительно значительный, а порой и драматический характер и на долгие десятилетия оставляют след в памяти поколений.

Таким периодом была первая мировая война. Явившись порождением империализма, она привела к революционному крушению целых четырех могучих некогда империй — Российской, Германской, Австрийской и Османской.

Вместе с тем война явилась величайшей трагедией человечества. Только на полях сражений сложили свои головы 10 млн солдат — русских, немцев, французов, сербов, англичан, австрийцев, венгров и др. Для большинства стран катастрофическими были и ее последствия. В Сербии, например, количество военных инвалидов превысило одну треть населения страны, а ее народное хозяйство в течение двадцати послевоенных лет переживало затаянный экономический кризис.

Первая мировая война закончилась с неодинаковыми итогами для разных государств. Небольшая и слабая в военном отношении Сербия с населением около 4 млн человек, несмотря на все потери и экстремальные трудности, вышла из нее победительницей, отстояв свою национальную независимость, тогда как ее противница — монархия Габсбургов, где проживало более 53 млн человек, развалилась на части, не выдержав испытания времени.

В настоящей работе анализируются причины этого феномена, показывается, какое значение имело всенародное сопротивление Сербии агрессору, с одной стороны, и нежелание народов многонациональной дунайской империи вести эту чуждую современным их интересам войну — с другой.

Сербия воевала не одна. Ее поддерживали Россия и другие государства Тройственного соглашения, в то время как на стороне Австро-Венгрии выступала Германия. Обе коалиции преследовали своекорыстные, империалистические цели на Балканах, что также является предметом рассмотрения данной книги.

Большое внимание в монографии уделяется проблеме происхождения конфликта Австро-Венгрии с Сербией, который пере-

рос в мировую войну. Известный западногерманский историк Эммануил Гейс придавал этому конфликту большое значение, разделяя историю войны на три этапа: локальную войну Австро-Венгрии с Сербией, вступление в войну Германии, России, Франции и Англии («континентальный этап») и вовлечение в войну остальных держав мира¹. Его коллега Франц Фишер, считая эту периодизацию искусственной, напротив, утверждал, что Германия даже на первом этапе фактически участвовала в войне, так как разжигала австро-венгеро-сербский конфликт. Кайзеровская Германия с самого начала войны, писал он, поставила перед собой задачу обеспечения мирового господства². Сходной концепции придерживаются историки ГДР (Ф. Кляйп, В. Гутше и др.)³. Покойный итальянский историк Луиджи Альбертини в своем трехтомном исследовании происхождения первой мировой войны особо подчеркивал значение сараевского убийства⁴. Событие в Сараеве, хотя и явилось лишь предлогом к войне, и последовавший за ним июльский кризис 1914 г. заслуживают особого освещения, так как сыграли важную роль в возникновении войны. Вышедшая на эту тему литература необозрима и продолжает нарастать, так как впервые за последнее двадцатилетие на Западе открылись многие (не все!) архивные фонды, находившиеся ранее за семью печатами.

Один вопрос, однако, в силу ряда обстоятельств изучен недостаточно. Речь идет о русско-сербских отношениях в годы первой мировой войны.

Хотя Россия и преследовала в войне империалистические цели, ее помощь Сербии объективно сыграла положительную роль. В Сербии и на Балканах потеряли жизнь тысячи русских солдат. Общественность России оказывала сербскому и черногорскому народам всестороннюю моральную и материальную поддержку. Ее демократические круги высоко оценивали оборонительную, а с 1915 г. освободительную войну Сербии против германо-австрийской агрессии⁵.

В королевской Югославии об этих отношениях главным образом писали русские эмигранты; оставили свои воспоминания и сербские дипломаты — Йован Йованович, служивший посланником в Цетинье и в Вене и являвшийся помощником министра иностранных дел, а также бывшие посланники Сербии в Петербурге Дмитрий Попович и Мирослав Спалайкович⁶. Равноценность их мемуаров не одинакова. Воспоминания Йовановича и Поповича интересны и в своей основе достоверны, чего нельзя сказать о мемуарах и корреспонденции Мирослава Спалайковича. Ему не доверял сам глава правительства Н. Пашич, который был вынужден послать в Петербург своего личного эmissара профессора Радослава Йовановича. Последний, являясь сотрудником сербской миссии, перепроверял донесения посланника⁷.

Однако переписка Спалайковича с Пашичем, хранящаяся в Государственном архиве Секретариата иностранных дел Югославии, все же представляет собой определенный интерес. Послан-

ник не мог исказить сами факты, ненадежны лишь комментарии к ним.

Весьма любопытными и ценными для исследователя являются воспоминания российского посланника в Сербии в 1914—1918 гг. князя Григория Николаевича Трубецкого, которые были опубликованы в Канаде в 1983 г.⁸ Мемуарист не только описал внутриполитические события того времени, непосредственным очевидцем и свидетелем которых он был сам, но и привел множество ценнейших материалов о деятельности вверенной ему миссии.

Сохранились для истории воспоминания посланников в Белграде в 1914 г. баронов Владимира Гизля (Австро-Венгрия) и Юлиуса Гризингера (Германия)⁹. Небезынтересны дневниковые записи представителей военных кругов обеих противоборствующих сторон — военного министра Сербии Душана Стефановича и помощника начальника сербского штаба Верховного командования Живоина Павловича¹⁰, начальника генерального штаба австро-венгерской армии генерала Франца Конрада фон Гетцендорфа, начальника штаба группы балканских войск Августа фон Макензена, генерала фон Эккта, переписка начальников Большого генерального штаба Германии Гельмута Мольтке-младшего и сменившего его на этом посту генерала Эриха Фалькенгайна с руководителями имперской армии государственными деятелями Германии.

Ценным историческим источником, который, однако, требовал проверки, как, впрочем, и другие воспоминания и дневниковые записи, были мемуары видных государственных деятелей той поры — царских министров С. Д. Сазонова, В. Н. Коковцова и В. А. Сухомлинова, переписка Николая II с Вильгельмом II, воспоминания ведущих дипломатов того времени князей Бернгарда Бюлова и Карла-Макса Лихновского, барона Иштвана Буриана и многих других. Их характеристики уже давались в литературе, и нет надобности повторять сказанное.

Для обоснования значения настоящей книги надо, скорее, остановиться на характеристике архивных данных и других первоисточников, показав, что нового читатель найдет на ее страницах.

Прежде всего следует сказать о принципиально важном издании в Югославии в 1980—1982 гг. семитомной публикации «Документы о внешней политике Королевства Сербии», предпринятой Отделением исторических наук Сербской академии наук и искусств (САНИ) при участии Секретариата иностранных дел Югославии¹¹. Издание состоит из 15 частей и охватывает период с января 1903 по август 1914 г., т. е. тот этап в истории международных отношений на Балканах, когда последние стали привлекать к себе возросшее внимание великих держав в связи с изменением в этом регионе расстановки политических сил после переориентации внешней политики Сербии с Австро-Венгрии на Россию, а также после ряда других важных событий на Балка-

нах в Ближнем Востоке: младотурецкой революции 1908 г., боснийского кризиса 1908—1909 гг., итало-турецкой войны 1911—1912 гг., Балканских войн 1912—1913 гг. и политического кризиса 1913—1914 гг., вызванного направлением в Турцию германской военной миссии генерала Отто Лимана фон Сандерса. По определению современников, Балканы в тот период превратились в «пороховой погреб» Европы, в один из центров международной напряженности.

Между тем изучение истории этих событий до выхода в свет названной публикации не было обеспечено солидной документальной базой, что породило немало противоречивых концепций и даже вымыслов. Чтобы в полной мере оценить значение новой публикации, обратимся к предшествующим изданиям сербских дипломатических документов. Единственной публикацией официальных бумаг МИД Сербии была «Белая книга», изданная в ноябре 1914 г. в Нише, куда из Белграда под угрозой австро-венгерского вторжения переехало сербское правительство. Она ставила своей задачей подтвердить источниками миролюбивый характер политики Сербии. Всего эта публикация содержала 52 документа за период от 29 июня до 16 августа 1914 г. по старому стилю¹². Выпущенное небольшим тиражом издание стало библиографической редкостью.

Вместо него многие исследователи оперировали теми версиями сербских документов, которые были подготовлены оккупационными властями Четверного союза, захватившими в конце 1915 г. территорию Сербии и Черногории. Сербское правительство, эвакуировавшись на о. Корфу, не смогло взять с собой архивные материалы МИД. Единственное исключение составили бумаги главы сербского правительства Н. Пашича, которому удалось вывезти часть наиболее важных документов. Но «Секретное досье» Пашича, как были названы в литературе эти документы, оставалось в его частной коллекции вплоть до его кончины в 1926 г.

Документы МИД Черногории и архивы Черногорского двора в своем большинстве погибли. Зарытые в землю по распоряжению черногорского короля Николая I перед его бегством за границу в январе 1916 г., они пострадали от сырости¹³. Только в 1925 г., после реорганизации в Югославии архивных учреждений, началось восстановление черногорских архивов, которое продолжается и поныне.

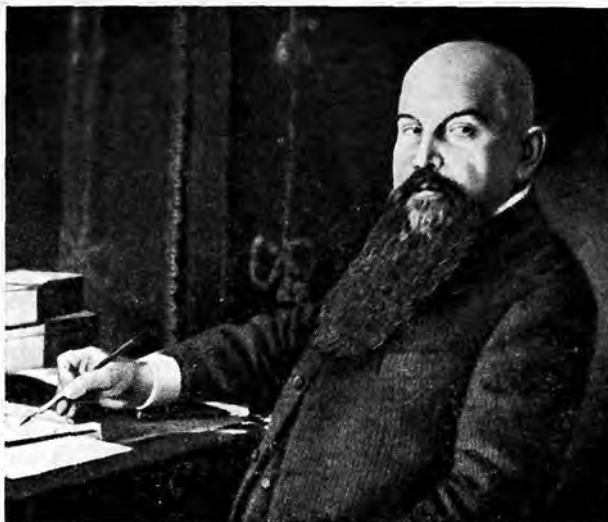
Оккупанты похитили от 10 до 90% документов МИД Сербии за период с 1871 по 1914 г., вывезя их в Вену, где для их обработки была создана специальная комиссия во главе с полномочным министром Р. Погачаром¹⁴. Расхищению подверглись также архивы военного ведомства Сербии, которые были отправлены оккупационными властями в Сараево и Терезиенштадт (Тешин), где в ту пору находились центры информационной службы австро-венгерской армии. С целью контрпропаганды имперским верховным командованием было принято решение об

использовании сербских документов для доказательства «подрывной деятельности» Сербии против монархии Габсбургов. Австрийский военный разведчик того времени Макс Ронте в своей книге «Мастер шпионажа» описал, как происходила «стилизация» этих материалов: захваченные в Сербии документы произвольно сокращались, в них делались купюры, часть материалов фальсифицировалась¹⁵.

В 1916 г. в венском офицозе «Нойе фрайе прессе», в венгерской газете «Пештер Ллойд» и в органе оккупационных властей Сербии газете «Београдске новине» были опубликованы фальшивки: «Секретное письмо Николая II Романова сербскому королю Петру I Карагеоргиевичу», «Конфиденциальная рукопись русского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига» и серия материалов под названием «Тридцать лет тайной дипломатии России на Балканах»¹⁶. Это были обычные для желтой прессы газетные утки, не имеющие ничего общего с подлинными фактами, но тем не менее они вошли в 1919 г. в официальное издание МИД Австрии¹⁷. Ими долгое время некритически пользовались зарубежные исследователи.

В 20-е годы появились новые тенденциозные материалы об австро-сербских отношениях накануне войны и сараевском убийстве, послужившем предлогом к нападению монархии Габсбургов на Сербию. Профессор Белградского университета С. Станоевич, находившийся в оппозиции к королевскому правительству, напечатал в Германии книгу¹⁸, в которой пытался доказать соучастие сербского и царского правительств в сараевском заговоре. С той же версией выступил бывший министр внутренних дел Сербии Л. Йованович, сводивший личные счеты с Пашичем. В своей статье Йованович привел вымышленные данные об активной помощи главы сербского правительства заговорщикам¹⁹. Английский историк Р. В. Ситон-Уотсон в специальном исследовании²⁰ доказал беспочвенность этих утверждений. Однако версия, пущенная в ход С. Станоевичем и Л. Йовановичем, была некритически воспринята рядом историков.

В конце 20-х — начале 30-х годов в Германии вышла в свет трехтомная публикация, основанная на тех же «сербских трофейных документах»²¹. Ее составитель М. Богичевич не остановился перед прямым извращением документов, что было доказано экспертизой, проведенной в 1929 г. главным архивариусом Дипломатического архива Королевства Югославии. В ноте от 30 января 1929 г., подписанной заместителем министра иностранных дел Королевства К. Кумануди, говорилось: «Этот сборник составлен из похищенных у нас архивных материалов. Его документы тенденциозно препарированы, переведены с приблизительной точностью (с сербскохорватского на немецкий язык.— Ю. П.), произвольно датированы и снабжены как купюрами, так и авторскими дополнениями. Публикация основана на абсолютно недостоверных данных»²². Для ознакомления общественности с содержанием ноты ее копия была направлена через югославские



Н. Г. Гартвиг, российский посланник в Сербии
в 1909—1914 гг.

посольства во Францию и Англию, а полный текст перепечатан в белградской газете «Политика»²³. Однако названная публикация так и не была изъята из обращения, став для историков главным источником.

В 30-е годы в Германии появилось «ревизионистское» направление историков, группировавшихся вокруг специального журнала, посвященного проблемам ответственности за войну²⁴. Многие из них, как показал советский историк Ф. И. Нотович, сомкнулись с нацизмом²⁵. В 1941 г. Гитлер использовал публикацию М. Богичевича и работы этих историков, чтобы обосновать фашистскую агрессию против Югославии и Советского Союза доводами геополитического порядка вроде «славянской опасности». В директиве о походе против Югославии он повторил ряд положений австро-венгерского ультиматума Сербии от 23 июля 1914 г.²⁶

В годы второй мировой войны югославские архивы были еще раз разграблены гитлеровскими оккупантами. Помимо архивов МИД и военного ведомства, из страны были вывезены материалы Архива Королевства Югославии, где хранились внешнеполитические документы королевского двора Сербии. По заданию Геббельса и Риббентропа и при финансовой поддержке правительства третьего рейха нацистскими историками Г. Юберсбергером, Л. Биттнером и А. Хаеком подготавливалось восьмитомное издание сербских дипломатических документов с 1908 по 1914 г. Однако группе Юберсбергера удалось опубликовать только один (3-й) том из запланированной серии²⁷. Изданная венским Рейх-

сархивом публикация содержала фальсифицированные материалы, которые должны были доказать, что будто бы борьба народов Боснии и Герцеговины за освобождение от гнета Габсбургов была спровоцирована извне, из Сербии. Не вошедшие в этот сборник материалы частично были приведены в работах Г. Юберсбергера, а после его смерти — в сочинениях его жены Х. Флайшбаккер-Юберсбергер.

Писания Юберсбергеров отличает крайне пренебрежительное отношение к источникам, тенденциозный подбор материалов, а нередко и прямое их извращение. Печальную известность приобрел факт использования Г. Юберсбергером «Секретного рапорта» руководителя сербской конспиративной организации «Объединение или смерть» («Черная рука») полковника Д. Дмитриевича-Аписа председателю военного трибунала в Салониках, рассматривавшего в 1917 г. дело об этой организации²⁸. Этот документ был обнаружен нацистами в Архиве Королевства Югославии в 1942 г., переведен на немецкий язык и направлен для ознакомления руководством фашистской Германии. По заданию Риббентропа Г. Юберсбергер написал статью об ответственности Сербии и России за первую мировую войну. Историк извратил документ, придав ему прямо противоположный смысл²⁹. Грубая подделка документа была разоблачена многими исследователями: К. Б. Виноградовым, Л. Альбертини (Италия), С. Гавриловичем (США)³⁰ и др.

Однако реакционные историки продолжают и поныне использовать материалы Юберсбергера. На них построена книга американца И. Римэка³¹. Фальсификаторские утверждения нацистских историков повторили С. Поссоны (ФРГ) и Ф. Вюртле (Австрия)³². Первый гальванизировал давно опровергнутые наукой версии об участии генерального штаба России в сараевском заговоре, второй пытался оправдать агрессивную политику монархии Габсбургов и кайзеровской Германии на Балканах, представив дело так, будто Центральные державы оборонялись от происков Сербии и России. Его книга, изданная огромным тиражом одновременно в ФРГ, Австрии и Швейцарии и переизданная венским издательством «Ф. Мольте и К^о» как «величайшее открытие века», не опирается, однако, на солидные источники. В ней используются в основном материалы сомнительного свойства.

Выход в свет «Документов о внешней политике Королевства Сербии»³³ не оставляет камня на камне от концепции С. Поссоны, Ф. Вюртле и других реакционных историков. Новая публикация содержит ценные материалы, которые способствуют объективному освещению истории международных отношений на Балканах в предвоенные годы. Всего в последние два тома (пять полутомов) этого издания³⁴, охватывающие предвоенные годы (с 1 января 1913 по 4 августа 1914 г.), включено 2014 документов, которые по своему происхождению состоят из двух групп. К первой из них относятся опубликованные ранее документы, перепечатанные после установления их аутентичности. Так, в VI т. из сборника М. Богичевича (за 1913 г.) включено только 138 до-

кументов (от № 256 до № 394). Все остальные материалы этой публикации, как выявила проверка составителей коллекции, оказались недостоверными. К той же группе источников относятся документы упоминавшейся выше сербской «Белой книги» и коллекция, подготовленная в свое время к печати профессором Белградского университета В. Чоровичем³⁵. Ее издание запретил ориентировавшийся на Германию принц-регент Павел из опасений, что материалы публикации, раскрывающие подлинную роль Центральных держав в провоцировании мировой войны, могут ухудшить отношения Югославии с Германией³⁶. Ко второй группе документов, опубликованных в новом издании, относятся источники, обнаруженные в югославских архивах, и материалы, которые удалось вернуть в страну из Австрии после второй мировой войны.

Для исследователей наибольший интерес имеют бумаги из «Секретного досье» Пашича, а также документы сербского посольства в Петербурге (Петрограде). «Секретное досье» не сразу стало достоянием государства. После смерти Пашича его семья не возвратила эти материалы в архив МИД³⁷. Дипломатическому архиву Секретариата иностранных дел Югославии лишь недавно удалось частично вернуть утраченное. Что касается документов бывшего сербского посольства в Петрограде, то они, напротив, сохранились почти полностью за период с 1883 по 1918 г. и представляют собой ценнейший источник для исследования русско-сербских отношений того времени.

Советское правительство, как известно, создало благоприятные условия для работы сербского посольства в Петрограде (с 1918 г. — в Москве), разрешив ему не только отправить в Сербию всю документацию миссии, но и ознакомиться с архивами бывшего МИД царской России по югославянской проблеме³⁸. Эмиссар сербского правительства в Советской России Р. Йованович копстатировал: «Я как представитель сербской миссии получил от Советской власти „личные гарантии“: мог свободно разъезжать по всей России, за границу и обратно. Руководитель Восточного отдела НКВД А. Вознесенский сказал мне, что я — единственный официальный представитель, кому революционная Россия верит во всем»³⁹. По инициативе НКВД сотрудникам сербского посольства в РСФСР были переданы материалы секретного Лондонского договора 1915 г. России, Англии и Франции с Италией, согласно которому Италия должна была получить часть югославянских территорий на восточном побережье Адриатического моря. Сербское правительство использовало этот документ в защиту национальных интересов своей страны⁴⁰.

По-иному сложилась судьба переписки сербских миссий в Лондоне, Париже и Вене с Белградом. Почти все бумаги, хранившиеся в архивах этих посольств, были расхищены частными лицами, а в самом МИД Сербии сохранились лишь те материалы, которые посылались в эти страны внешнеполитическим ведомством в Белграде. Таким образом, документы, вошедшие в рассмат-

риваемую публикацию, далеко не полностью отражают деятельность МИД Сербии. Комиссия САНИ в связи с этим продолжает работу по выявлению новых источников.

Чем же интересны материалы публикации? Что нового найдет в ней исследователь? В VI т. напечатаны малоизвестные документы об отношениях Сербии с сопредельными странами⁴¹. Хотя в литературе обстоятельно изучен июльский кризис 1914 г., но и по этому вопросу исследователь найдет в публикации немало нового. Интересны, в частности, неизвестные ранее материалы об отношении к этому кризису балканских государств (ч. II, № 346, 445, 465) и Турции (№ 385, 412), а также Англии, Италии и Франции (№ 413, 414, 427, 450, 469, 486).

В VII т. публикации приводятся важные документы по предвоенному периоду, которые доказывают несостоятельность концепций немецкой и австрийской историографии о том, что монархия Габсбургов начала войну против Сербии в ответ на антиавстрийскую деятельность последней. На самом деле, как это видно из документов, Австро-Венгрия еще в апреле—мае 1914 г., т. е. задолго до сараевского убийства, приступила к концентрации войск на границе с Сербией (ч. I, № 568, 594, 603; ч. II, № 184, 205), преследуя цель захватить не только ее, но и Нови-пазарский санджак с дальнейшим выходом к Салоникам (ч. I, № 498, 502). 30 мая 1914 г., по данным сербского военного министерства, генеральным штабом Австро-Венгрии был утвержден военно-оперативный план нападения на Сербию (ч. II, № 184), а 2 июня того же года (за 26 дней до Сараева!) командующий австро-венгерскими войсками в Боснии генерал О. Потioreк издал секретный приказ о непосредственной подготовке вторжения этих войск на территорию Сербии (ч. II, № 205).

Важными новыми источниками о роли Балкан в возникновении мировой войны 1914—1918 гг. являются два документа, обнаруженные один югославским историком А. Митровичем в фондах германского политического архива иностранных дел в Бонне и другой автором этих строк в советских архивах. Первый документ — секретная инструкция Вильгельма II статс-секретарю по иностранным делам от 16 августа 1913 г. — помогает определить, когда произошел переход кайзеровского правительства в балканской политике от нейтралитета к курсу на войну. «Ныне, — говорилось в документе, — может быть отодвинута на задний план важнейшая задача нашей политики: сохранить в Европе мир». В инструкции ставилась задача создания на Балканах под эгидой Германии военно-политического блока, а в случае неосуществимости этого плана — завоевания Балкан⁴². Любопытна история хранения этого документа. Сначала он находился в сейфах МИД, затем — в канцелярии Вильгельма II в Потсдаме, а после его бегства в Голландию был передан в боннский архив, где и хранится по настоящее время. Опытной рукой он был запрятан среди второстепенных бумаг отдела «Оксфорд» и только случайно попал в руки исследователя.

Другой документ — секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику Генерального штаба России от 8 февраля 1914 г. — хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР. В нем сообщалось, что на состоявшемся 24 января 1914 г. в Вене заседании Генерального штаба Австро-Венгрии был зачитан меморандум германского министерства иностранных дел о новом направлении балканской политики Германии. В документе также идет речь о целесообразности превентивной войны на Балканах и в Европе с целью срыва программы перевооружения русской армии⁴³.

Эти документы подтверждают содержащийся в коллективном труде немецких историков⁴⁴ вывод о том, что германский империализм взял курс на войну уже осенью 1913 г., а не вел политику ее оттяжки, как продолжают утверждать некоторые историки. 8 июня 1914 г., за 20 дней до сараевского убийства, Вильгельм II заверил Вену в поддержке Германии в случае, если Австро-Венгрия нападет на Сербию. «Скоро начнется третья балканская война, в которой мы примем участие»⁴⁵, — писал он. Монархия Габсбургов, уверовав в помощь Германии, решилась на войну с Сербией задолго до печально знаменитого ультиматума от 23 июля 1914 г. «Мы начали войну раньше», — записал в своем дневнике от 3 июня того же года министр финансов Австро-Венгрии Л. Билинский⁴⁶.

В публикации и в нашей книге приводятся новые материалы об обсуждении австро-венгерского ультиматума сербским правительством (Т. VI, ч. 3. № 537, 538) и об отношении европейских держав к ответу Сербии на эту ноту. Однако составители сборника использовали не все документы по этому вопросу. Так, они не привели материалы о беседах заместителя премьер-министра Сербии Л. Пачу и регента Александра с временным поверенным в делах России В. Н. Штрандтманом, состоявшихся до вручения официального ответа Сербии австро-венгерскому посланнику в Белграде барону В. Гизлю. Их содержание изложено в известной советской публикации документов «Международные отношения в эпоху империализма». Там же составители могли найти протокольную запись чрезвычайного заседания Совета министров России от 24 июля 1914 г. по сербскому вопросу⁴⁷. Царское правительство в интересах Сербии предлагало передать ноту Австро-Венгрии на международный арбитраж.

Вместо этого важного документа в публикации воспроизведено недостаточно точное изложение беседы сербского посланника в Петербурге М. Спалайковича с С. Д. Сазоновым. В публикации имеется ряд других неточностей. Не все документы приводятся полностью. Некоторые из них из-за неудовлетворительного хранения похищенных австро-венгерскими оккупационными властями материалов были настолько испорчены, что не могли быть прочитаны составителями издания.

Помимо названных публикаций, мемуарной литературы и других печатных источников, в книге широко использованы архив-

ные документы из советских, югославских, венгерских и австрийских (в фотокопиях) архивов.

Как уже упоминалось, задуманная книга начала писаться давно, и автору посчастливилось встретиться с участниками или очевидцами событий тех лет. Весьма интересные детали о сараевском убийстве рассказал мне член «Млады Босны» академик Васо Чубрикович, проживавший в Белграде. Содержательный характер имели мои беседы с сербским принцем Георгием Карагеоргиевичем, который скончался в 1970-х годах, а также с одним из функционеров Народного веча Государства словенцев, хорватов и сербов Срджаном Будисавлевичем, передавшим мне перед своей кончиной рукописи.

В ноябре 1988 г. я получил письмо младшего сына российско-го военного агента в Сербии Виктора Алексеевича Артамонова — Николая Викторовича, проживающего ныне в Южной Калифорнии (США). Он тоже был современником описываемых в книге событий и любезно прислал мне целый ряд ценнейших фотографий и сообщил о малоизвестных для меня подробностях событий, происходивших в Белграде накануне первой мировой войны. Я благодарен судьбе, которая свела меня с этими интересными людьми.

Мне повезло также с выявлением документов о деятельности тайных организаций «Млада Босна» и «Черная рука», считавшихся утерянными. В Государственном архиве Социалистической республики Босния и Герцеговина благодаря помощи югославских друзей автором этих строк было обнаружено донесение генерал-губернатора провинций генерала О. Потioreка имперскому министру финансов графу Л. Билинскому о политическом положении в Сараеве в первые дни после покушения⁴⁸.

Еще более неожиданной оказалась находка документов о «Черной руке» в Белграде. Они хранятся в отделе рукописей Института земледелия и народного хозяйства на Македонской улице.

В Архиве Социалистической республики Сербии среди неразобранных еще бумаг фонда «Мирослав Спалайкович» нетронутыми лежат пачки русских денег, собранных общественностью России для оказания помощи сербским воинам и инвалидам войны. Они были присланы в посольство Сербии в Петрограде, но пересланы в Белград только после окончания войны (в октябре 1915 г. Сербия была оккупирована Центральной коалицией).

Однако самая уникальная находка — коллективное письмо русских солдат, воевавших на Салоникском фронте, председателю Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленину. После издания советского Декрета о мире русские (на Балканах воевали две бригады общей численностью около 40 тыс. человек) солдаты запросились домой, но были интернированы войсками держав Антанты. Они воспользовались единственной возможностью связаться с Родиной — отправили петицию по Черной реке, протекавшей через лагерь. Для этого была использована бутылка из-под

вина. К несчастью, она была выловлена французским жандармским постом, и документ так и не попал в Россию. Он был передан французами сербам, хранится ныне в Архиве Военно-исторического института Югославской народной армии. Я снял с документа фотокопию. Судьба солдат русского экспедиционного корпуса на Салоникском фронте была не одинакова, о чем я пишу в следующей книге, посвященной периоду после оккупации Сербии войсками Четверного союза. Там же будет опубликован и этот документ.

В настоящей книге идет речь о предыстории войны и самом ее начале, т. е. о периоде от сараевского убийства 28 июня 1914 г. до военного поражения Сербии в октябре—ноябре 1915 г.

То было время исторических решений. На Европу надвигалась война. Ее хотела прежде всего империалистическая Германия, которая, закончив к 1913 г. перевооружение своей армии, стремилась упредить другие государства в борьбе за мировое господство.

За войну, но в разные сроки и по разным причинам, стояли и другие великие державы. Австро-Венгрия хотела сначала раздать слабую Сербию; Франция, опираясь на царскую Россию, пыталась обеспечить свои позиции в Западной Европе; Российская империя не хотела потерять свои военно-стратегические и политические позиции в Восточной Европе и на Балканах, Англия — в колониальном мире.

Малые страны вроде Сербии боролись за свое существование, но шовинистическая буржуазия мечтала о большем: великодержавные тенденции балканских монархий обнаружились уже в предвоенный период.

В предлагаемой читателю книге анализируются сложные исторические процессы и события, приведшие Сербию, Россию и другие государства к войне.

Вдовствующая российская императрица, узнав о распоряжении Николая II объявить всеобщую мобилизацию, которая вела к войне, написала своему сыну лаконичное письмо: «Подумай о Боге. Мать».

Так думали в это время все матери России и Франции, Германии и Австро-Венгрии, Англии и Сербии.

Правящие круги многих стран опасались войны, народы этих стран не хотели ее. И все-таки война началась! В книге делается попытка дать ответ на вопрос о том, как это произошло и почему начало трагедии, подобной которой еще не знало человечество, положили Балканы? В монографии уделяется большое внимание тайной дипломатии, которая сыграла зловещую роль в развязывании войны.

Книга написана в виде очерков — такой способ изложения помогает осветить главное, опустив второстепенные детали. Автор учитывал при этом еще два фактора: невозможность исследования всех вопросов, связанных с возникновением войны в рамках одной книги, во-первых, и наличие огромного количества сочинений

о войне, к которым можно отослать читателя, во-вторых. К их числу, например, следует прежде всего отнести книгу югославского историка Н. Поповича «Сербско-русские отношения в годы первой мировой войны». По сходной теме в 1985 г. в Белграде была проведена научная конференция ведущих югославских историков, доклады которых опубликованы в 1986 г. в сборнике «Сербия в 1915 г.»⁴⁹

Разрешение труднейшей из задач — освещение сложной истории возникновения войны и роли в этих событиях России и Сербии — стало возможным потому, что о главных вопросах этой темы уже написана подлинно научная литература, принадлежащая перу серьезных историков, как советских, так и зарубежных. Ключом к пониманию многих процессов, происходивших в ту пору, явились теоретические наблюдения таких их современников, каким был В. И. Ленин. Он определил не только причины самой войны, разразившейся в эпоху империализма, когда противоречия между двумя противоборствующими коалициями приняли настолько антагонистический характер, что война стала неотвратимой, но и установил одну непреложную закономерность: даже в экстремальных условиях решающую роль в конечном счете играют народные массы. Для Сербии и Черногории, подвергшихся неспровоцированному нападению агрессора, война носила оборонительный, а после их оккупации национально-освободительный характер. Познав все тяготы господства на своей земле чужестранных захватчиков, сербский и черногорский народы все же вновь обрели свою родину. Этому способствовали не только военная победа держав Антанты, но и революция в Австро-Венгрии, движение Сопротивления на оккупированных территориях Сербии и Черногории.

В книге рассматриваются лишь начальные события. Она задумана как первая часть исследования. В перспективе автор собирается осветить события, связанные с пребыванием сербских войск на чужбине, рассказать о том, как сербский и черногорский народы отстаивали свою землю и какую роль в этом сыграли народы России.

Работу несколько затрудняло то, что используемые документы и пресса датируются по разным стилям — старому и новому. Автором было принято следующее решение: документы государств, пользовавшихся старым стилем, т. е. России, Сербии, Черногории и Болгарии, цитируются по старому стилю, всех остальных стран — по новому. В некоторых случаях, когда документы или события обозначены двойными датами, сохраняется датировка по оригиналу.

¹ *Geiss J. J. Julkrise und Kriegsursprung, 1914: Eine Dokumentensammlung. Hannover, 1943. Bd. 1.*

² *Fischer F. Juli 1914: Wir sind nicht hineingeschlittent. Reinbek bei Hamburg, 1983.*

- ³ Julkrise und Kriegausbruch, 1914. Hannover, 1983; *Gutsche W.* Sarajevo, 1914: Vom Attentat zum Weltkrieg. B., 1984.
- ⁴ *Albertini L.* The origins of the war of 1914. L., 1952. Vol. 1.
- ⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 16.
- ⁶ См. список источников и литературы.
- ⁷ *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије, 1914. Београд, 1973.
- ⁸ *Грубецкој Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983.
- ⁹ См. список источников и литературы.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: Там же.
- ¹² Дипломатска преписка о српско-аустријском сукобу. Ниш, 1914.
- ¹³ Некоторые материалы за годы первой мировой войны были изданы черноморским историком Д. Вуксаном. См.: Записи. Цетиње, 1937. Кн. 8. С. 171–180.
- ¹⁴ ДСП. Књ. VII, св. 1. С. 14.
- ¹⁵ *Ronge M.* Meister der Spionage. Leipzig, 1935. S. 102–107.
- ¹⁶ См. вырезки из газет: ЦГИА СССР. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 21. Л. 278.
- ¹⁷ *Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges*, 1914. Wien, 1919. Bd. 1–3.
- ¹⁸ *Stanojević S.* Die Ermordung des Erzherzogs Franz Ferdinand. Frankfurt a. M., 1923.
- ¹⁹ *Јовановић ЈБ.* После Видовдана 1914 // Крв. словенства: Споменица десетогодишњице светског рата, 1914–1924. Београд, 1924.
- ²⁰ *Setan-Watson R. V.* Sarajevo. Zagreb, 1925.
- ²¹ *Bogitschewitsch M.* Die Auswärtige Politik Serbiens, 1905–1914. B., 1928–1931. Bd. 1–3.
- ²² ДАСРС. Ф. МС. № 133.
- ²³ Политика. 1929. 7.11.
- ²⁴ ВМ.
- ²⁵ *Ноговић Ф. И.* Фашистская историография о «виновниках» мировой войны // Против фашистских фальсификаторов истории. М.; Л., 1939.
- ²⁶ Auswärtiges Amt, 1939–1941. B., 1941. N 7: Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland.
- ²⁷ Grosserbsische Umrtriebe vor und nach dem Ausbruch des ersten Weltkriegs. Wien, 1944.
- ²⁸ *Писарев Ю. А.* За кулисами суда в Салониках над организацией «Объединение или смерть» (1917) // ННИ. 1979. № 1.
- ²⁹ *Übersberger H.* Das entscheidende Aktenstück zur Kriegsschuldfrage 1914 // ВМ. 1943. Н. 7.
- ³⁰ *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962. С. 164; *Albertini.* Op. cit. P. 256; *Gavrilović S.* New evidence on the Sarajevo assassination // J. Modern History. 1955. Vol. 27, N 4. P. 410–414.
- ³¹ *Remek J.* Sarajevo: The Story of a political murder. N. Y., 1959.
- ³² *Possony S.* Zur Bewältigung der Kriegsschuldfrage. Köln, 1968; *Würthle F.* Die Spur führt nach Belgrad: Hintergründe des Dramas von Sarajevo. Wien etc., 1975.
- ³³ См. список источников и литературы.
- ³⁴ Редактор VI тома – В. Чубрилович, редакторы VII тома – М. Бартош и В. Дедиер. О предыдущих томах см.: *Писарев Ю. А.* Новое издание сербских дипломатических документов о подготовке и возникновении первой мировой войны // ННИ. 1978. № 3.
- ³⁵ *Боровић В.* Дипломатска преписка Краљевине Србје, 1902–1914. Београд, 1935.
- ³⁶ По распоряжению властей была запрещена и книга того же автора «Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку» (Београд, 1936).
- ³⁷ *Mihajlović-Sila Z.* Istorija Rade Pašića // Reporter. Beograd, 1983. 3.XI. N 874.
- ³⁸ См.: *Писарев Ю. А.* Советско-сербские отношения в период Бреста и югославянская проблема // ВИ. 1973. № 8. С. 30–31.

³⁹ АСАНУ. № 9829.

⁴⁰ Документ хранится в ДА ДСИП. ПО. Ф. Српско посланство у Петрограду.

⁴¹ См. список сокращений.

⁴² Цит. по: *Mitrović A.* Prodor na Balkan i Srbija, 1908–1918. S. 149–150.

⁴³ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 4. Д. 4. Л. 4.

⁴⁴ Deutschland in ersten Weltkrieg. В., 1970. Bd. 1. S. 139–145.

⁴⁵ Цит. по: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 58.

⁴⁶ Цит. по: *Kann R.* Kaiser Franz Josef und der Ausbruch des Weltkrieges: Eine Betrachtung über Quellenwert der Aufzeichnung von Dr. Heinrich Konnac. Wien, 1971. S. 16.

⁴⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. V, № 19.

⁴⁸ См. главу 1.

⁴⁹ Историјски институт. Зборник радова. Србија 1915 године. Београд, 1986. Књ. 4.

САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО

О сараевском убийстве написана поистине бескрайняя литература. Только по самым приблизительным подсчетам к 1974 г. на эту тему было опубликовано около 3 тыс. работ, в том числе более 300 книг почти на всех языках мира¹. С тех пор появились новые сочинения и их поток не уменьшается. Автор этих строк также участвовал в изучении названной проблемы, что позволяет ему отослать читателя к прежним его работам, ограничившись здесь лишь самыми общими положениями².

Чем объясняется повышенный интерес историков к событиям более семидесятилетней давности? В 1910—1914 гг. в Европе произошло около 40 покушений на государственных и военных деятелей³, но ни одно из них не привлекло к себе такого пристального внимания, как убийство австрийского престолонаследника.

Две главные причины лежали в основе этого «литературно-исторического бума»: политической характер заговора или, точнее, то одиозное толкование убийства, которое придала ему австро-венгерская сторона, во-первых, и загадочность многих обстоятельств, сопутствовавших покушению, во-вторых.

Долгое время оставались неизвестными важные детали рокового события, отсутствовал ряд достоверных источников. Так, оказались пропавшими протоколы судебного процесса над участниками покушения, вывезенные из Сараева в Вену по распоряжению австрийского министерства внутренних дел. Они не найдены до сих пор. Не оставила после себя письменных свидетельств и конспиративная организация «Млада Босна» («Молодая Босния»); члены которой убили эрцгерцога. Мало сведений сохранилось также о другом тайном обществе «Объединение или смерть» («Черная рука»), которое действовало в Сербии и которое тоже обвиняли в соучастии в заговоре. Сэр Эдуард Грей, статс-секретарь Великобритании по иностранным делам, высказал даже пессимистическое предположение, что тайна Сараева не будет раскрыта никогда. «Миру, вероятно,— писал он,— никогда не будет сказано все о подлинной стороне убийства эрцгерцога Франца Фердинанда. Судя по всему, мы никогда не будем иметь ни одного человека, который знал бы все, что надо было бы знать»⁴.

Все это породило массу слухов и прямых вымыслов. Австро-венгерские власти, заинтересованные в оправдании агрессии против Сербии, распространяли фальшивки, скрывая правду о

«преступлений века». Накануне войны и во время нее появились сфабрикованные имперской контрпропагандой материалы, о которых уже говорилось, вышел в свет ряд тенденциозно написанных работ.

Положение коренным образом изменилось лишь после открытия в Австрии архивов, недоступных ранее исследователям, и еще более — после установления в Югославии народной власти. В 1925 г. английский историк Роберт Уильям Ситон Уотсон, изучив архивные фонды Австрии, Боснии и Герцеговины, убедительно доказал, что покушение на эрцгерцога было осуществлено сараевской организацией «Млада Босна»⁵. Его дело продолжили француз Альбер Мюссе⁶, итальянец Луиджи Альбертини⁷ и другие историки, в том числе советские⁸. В 1954 г. Государственным архивом Боснии и Герцеговины был обнаружен и опубликован стенографический отчет о сараевском судебном процессе, который велся корреспондентом газеты «Хрватски народ»; в том же году в Югославии была издана переписка младобоснийцев⁹, в 1957 г. югославским историком Н. Тршичем опубликованы секретные письма министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Леопольда Берхтольда начальнику Управления Боснии и Герцеговины при имперском министерстве финансов графу Леону Билинскому. Все это приоткрыло завесу над обстоятельствами сараевского дела¹⁰.

В настоящее время можно с большим, чем ранее, основанием интерпретировать события 28 июня 1914 г. в Сараеве, когда был убит австрийский престолонаследник Франц Фердинанд. Этот акт, который послужил поводом для нападения Австро-Венгрии на Сербию, был осуществлен обществом «Млада Босна».

«Млада Босна»

Что же представляла собой эта организация?

Она возникла в 1912 г., вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, и явилась ответом на нее. На создание организации большое влияние оказали также другие события на Балканах: младотурецкая революция 1908 г., боснийский кризис 1908—1909 гг., едва не переросший в войну Австро-Венгрии с Сербией, образование в Белграде в 1908—1910 гг., культурно-просветительского антиавстрийского общества «Народна одбрана» («Народная оборона»), а в 1911 г. — националистического союза «Черная рука», создание революционных национальных организаций «Препород» («Возрождение») и «Ковачей» («Кузнецов») в Словении, освободительная война Балканского союза против Османской империи в 1912—1913 гг. и ряд других событий.

Непреходящее значение для младобосанцев имело распространение в Европе революционных идей — русского народолюбия, бакунинско-кропоткинского анархизма, нигилистического романтизма, утопического и научного социализма.

Вследствие общей экономической, культурной и общественно-политической отсталости бывших турецких провинций, слабости боснийского рабочего класса, темноты и забитости местного крестьянства, младобосанцы не верили в революционные возможности народных масс. Мелкобуржуазные революционеры, какими они по существу являлись, проповедовали теорию «героев и толпы», придерживались тактики индивидуального террора, полагая, что устранение ненавистных им высших сановников монархии и членов Габсбургской династии может привести к изменению положения дел в аннексированных Австро-Венгрией Боснии и Герцеговине¹¹.

Молодые патриоты мечтали о создании независимого югославянского государства, видя наиболее верный путь к этому воссоединении провинций с Сербией. В состав тайного общества, помимо сербов, входили хорваты, словенцы и отуреченные сербы (они называли себя мусульманами), но и для них сербское государство было своего рода центром притяжения, вторым Пьемонтом.

Младобосанцы не задумывались над формой этого государства, главная их цель состояла в освобождении от гнета австрийской империи. «Идеалом молодежи,— показал на суде Гаврила Принцип,— было объединение югославянских народов — сербов, хорватов и словенцев,— но не под властью Австрии, а в виде какого-нибудь государства, республики, или чего-нибудь в этом роде. Я считал, что если Австрия окажется в затруднительном положении, то произойдет революция. Но для такой революции сначала надо было подготовить почву, создать настроение... Убийство могло создать такое настроение»¹².

В 1910—1914 гг. «Млада Босна» и идентичные организации в других югославянских землях Австро-Венгрии осуществили ряд таких покушений: на генерал-губернатора Боснии и Герцеговины генерала Мариана Варешанина, министра финансов Австро-Венгрии графа Леона Билинского, королевского комиссара в Хорватии Славко Цуваля, его преемника Ивана Шкерлеца.

Особую ненависть у боснийцев возбуждал Франц Фердинанд, т. к. эрцгерцог считался лидером австрийской военной партии, настоявшей на аннексии провинций. Во властолюбивом и заносчивом, не раз высказывавшем свои гегемонистские взгляды эрцгерцог, они видели одного из своих главных противников. Многие опасались, что после своего восшествия на престол он будет проводить великодержавную политику и лишит неавстрийские области остатков самостоятельности.

Из газет стало известно, что эрцгерцог собирается поехать на военные маневры в Боснию, близ границы с Сербией, а затем посетить Сараево. «Я был убежден, что проектируемые в Боснии маневры являются предтечей к военному нападению Австрии на Сербию во главе с генерал-инспектором австрийских войск престолонаследником Францем Фердинандом, и в душе боялся этого»,— признался начальник осведомительного отдела Генерально-

го штаба сербской армии полковник Д. Димитриевич в беседе со своим единомышленником Чедомиром Поповичем¹³.

«Брошенной перчаткой» многие считали и намерение принца прибыть в Сараево в день св. Вида — 28 июня, когда сербы отмечали годовщину битвы на Косовом поле. В 1389 г. турецкий султан Мурад I в этот день разбил сербские войска, и Сербия на многие века попала под власть османов. Сам Мурад I, однако, был убит сербским воином Милошем Обиличем, ставшим национальным героем. В Сараево среди экзальтированной молодежи были свои Обиличи, и приезд эрцгерцога только подогрел их чувства.

У боснийского населения была еще одна причина для беспокойства. В Сараево давно муссировались слухи о планах Франца Фердинанда превратить Австро-Венгрию в триалистическое государство. Принц, как считали многие, взойдя за престол, мог назначить одного из своих сыновей наместником или даже королем южнославянской части триединой монархии Габсбургов¹⁴. Торжественный въезд престолонаследника в Сараево с супругой расценивался как первый шаг к осуществлению этого плана. Слухи, один сенсационнее другого, носились по боснийской столице, вызывая возбуждение.

За организацию покушения взялись Данило Илич, Гаврило Принцип и их товарищи. В 11 часов утра 28 июня приговор «Млады Босны» был приведен в исполнение.

Минули десятилетия, прежде чем стали известны подробности этого заговора. Австрийская пропаганда обвиняла в нем Сербию, замалчивая деятельность «Млады Босны», забвению были преданы даже имена террористов. Гаврило Принцип и его два единомышленника Неделько Чабринович и Трифко Грабеж скончались в австрийской тюрьме в Терезиенштадте. Их трупы были тайно зарыты на тюремном кладбище, и могилы сравнены с землей¹⁵. Из книг и школьных учебников были изъяты упоминания о «Младе Босне». Состоявшийся в октябре 1914 г. процесс над террористами носил тенденциозный характер. Защитник обвиняемых социалист Рудольф Цистлер, пытавшийся доказать, что младобосанцы отстаивали национальные интересы, был отстранен от участия в процессе. Суд назвал обвиняемых «сербскими агентами». Прокуратура, как видно из секретного письма министра иностранных дел Берхтольда графу Билинскому от 1 октября 1914 г., преднамеренно инкриминировала подсудимым государственную измену. «Прежде всего, — инструктировал Берхтольд, — при вынесении приговора необходимо руководствоваться интересами Австро-Венгрии. Судебное разбирательство, которое не отвечало бы этим соображениям, имело бы для нашей внутренней и внешней политики самые неблагоприятные последствия, так как тем самым были бы скомпрометированы все данные боснийско-герцеговинских властей, а заодно и дипломатическая акция, на них основывающаяся. Мало того, тем самым было бы поставлено под сомнение то, что оправдывало начало конфликта, который развился до мировой войны»¹⁶.



Эрцгерцог
Франц Фердинанд Габсбург,
наследник австрийского престола
(1863—1914)



Л. Берхтольд,
австро-венгерский министр
иностраных дел
в 1912—1915 гг.

В ходе расследования генерал-губернатор Боснии и Герцеговины генерал Оскар Потioreк ежедневно информировал Вену, откуда в Сараево летели встречные телеграммы с требованием ускорить получение обличительных материалов¹⁷. Однако дело не ладилось. «Упрямые молокососы», как назвал подсудимых начальник генерального штаба австро-венгерской армии генерал Франц Конрад фон Гётцендорф, держались стойко и, несмотря на пытки, отказались дать ложные показания. «Нас никто не понимал. Мы любили свой народ и знали, в каких тяжелых условиях он живет. Это — правда, и я ничего другого не скажу», — заявил на суде Принцип¹⁸. Мало что дала и специальная комиссия Министерства иностранных дел Австро-Венгрии, посланная для расследования обстоятельств покушения в Сараево. Ее председатель доктор Фридрих фон Визнер, так и не найдя компрометирующих Сербию материалов, с пустыми руками вернулся в Вену¹⁹.

По указанию военного министра генерала А. Кробатина в связи с начавшейся войной, в Боснии и Герцеговине было объявлено чрезвычайное положение, а граф Билински издал распоряжение о закрытии ряда неблагонадежных школ (в Мостаре, Тузле и других городах)²⁰. В секретном порядке повсеместно была проведена чистка среди учащихся и преподавательского состава. Наряду с «Младой Боснией» был запрещен так называемый Ферияльный союз (председатель — словенец Иван Ендлихер)²¹. После сараевского покушения перестал созываться боснийский провин-

циальный парламент — Сабор. В 1915 г. он был распущен до конца войны.

Однако монархии Габсбургов не удалось похоронить память о боснийских национальных революционерах. В 1934 г. югославское правительство добилось перенесения останков Г. Принципа, Н. Чабриновича и Т. Грабежа на кладбище в Боснии. В Сараево был открыт музей «Млада Босна», на наружной стене которого установлена мемориальная доска с именами национальных патриотов, а на тротуаре, где стоял Принцип, стреляя в эрцгерцога, вмонтирована плита с изображением его ступней.

Жители Сараева чтут и другой исторический памятник — дом одного из руководителей «Млады Босны» — Данилы Илича. В 1914 г. он был казнен по приговору австрийского суда²². Так полузабытые события снова стали достоянием истории.

«Черная рука»

Другая конспиративная организация, которую обвиняли в причастности к сараевскому убийству, находилась в Сербии и называлась ее членами союзом «Объединение или смерть», а в простонародье — «Черной рукой». Она напоминала «Младу Босну» по своей структуре и тактике, но расходилась с ней в программных положениях.



Печать организации
«Объединение или смерть»

В отличие от «Млады Босны» «Черная рука» придерживалась великодержавных планов, считая, что вновь созданное югославянское государство может и должно стать «Великой Сербией». Офицерский союз критиковал сербского короля Петра I и его правительство за нерешительность действий в национальном вопросе²³. «Король должен управлять, а не только царствовать», — заявлял орган союза газета «Пьемонт», которую выпускал радикально настроенный Любомир Йованович-Чупа.

Газета выдвигала и другие передовые для того времени идеи, а член союза Владимир Попович, брат секретаря сербской социал-демократической партии Душана Поповича, придерживался взглядов, близких к социалистам. Но таких, как они, было немного и не они играли главную роль в организации.

Основная часть «Черной руки» проповедовала тактику индивидуального террора. Союз не имел четкой программы. Газета социал-демократической партии Сербии «Радничке повине» писала по этому поводу 29 октября 1911 г.: «Получили мы и „Черную руку“! Это — мистическая организация сербских патриотов, группа офицеров и интеллигентов с патриотической, а может быть, и с шовинистической идеологией».



Н. Пашич,
председатель Совета министров
и министр иностранных дел Сербии
в 1912—1918 гг.

Иронизируя над ее методами, газета отмечала: «Само название страшно... Действуют только избранные. На какой основе избирают — это тайна. Как организовано (общество. — Ю. П.) — еще большая тайна. Где они и кто они — самая главная тайна! Чего хотят...?»²⁴

Во главе союза стояла Верховная центральная управа из 11 человек. Только ее члены подписывались полными именами, все остальные имели лишь порядковый номер и должны были слепо подчиняться своему руководству. На печати организации были изображены череп и кости, кинжал, бомба и сосуд с ядом. При вступлении в союз в письменном виде давалась торжественная клятва верности его идеям. Она подписывалась кровью. Нарушение обета каралось смертной казнью.

Лидерами союза были полковник Драгутин Димитриевич-Апис, являвшийся одновременно начальником осведомительного отдела Генерального штаба сербской армии, а также майоры Велимир Вемич и Воислав Танкосич. Это были смелые люди, готовые к решительным действиям и не затрудняющиеся в выборе средств. 29 мая 1903 г. они организовали дворцовый переворот, убили короля Александра и королеву Драгу Обреновичей и возвели на престол династию Карагеоргиевичей²⁵. В проскрипционных списках союза числились также болгарский царь Фердинанд, король Греции Константин, черногорский монарх Николай, австрийский престолонаследник Франц Фердинанд²⁶.

Российский военный агент (атташе) в Сербии полковник Виктор Алексеевич Артамонов в своем рапорте помощнику Первого оберквартирмейстера Главного управления генерального штаба генералу Н. А. Монкевицу от 9 ноября 1911 г. перечислил следующие причины возникновения «Черной Руки»: 1) разочарование армии в правительстве, которое оказалось неспособным противостоять экспансии Австро-Венгрии; 2) внутривластный

кризис в стране и стремление военных создать сильную власть; 3) намерение офицерства вести более решительную внешнюю политику, направленную на присоединение к Сербии «единоплеменных народов»²⁷.

В. А. Артамонов, которого австрийская контрпропаганда зачисляла в сторонники «Черной руки», отрицательно относился к тайной организации. В телеграмме генералу Монкевицу от 17 января 1912 г. он писал: «Не скрою, что „Черная рука“ через одного офицера сделала попытку войти в сношения со мной. Конечно, я немедленно и решительно отклонил приглашение переговорить с членами тайной организации, чтобы не дать им возможности примешивать при агитации имя России»²⁸.

Генерал-квартирмейстер русской армии генерал Ю. Н. Данилов, посчитав важным это сообщение, предложил проинформировать о нем царя. Военный министр В. А. Сухомлинов направил 25 февраля 1912 г. Николаю II «Всеподданнейшую записку о тайной политической организации в Сербии с участием в ней офицеров»²⁹, царь дал указание министерству иностранных дел тщательно следить за ее деятельностью³⁰.

Царское правительство отрицательно отнеслось к созданию организации «Объединение или смерть». Одной из причин этого явился ее заговорщический характер. Николай II еще в 1903 г., при посещении Петербурга королем Петром I, предостерег сербского монарха от преторианской гвардии, которая могла поколебать его трон. В 1910 г. во время повторного визита сербского монарха в Россию царь снова напомнил королю об этом.

Другая причина недоверия российского правительства к «Черной руке» состояла в авантюрной внешнеполитической деятельности этой организации. Экстремистские планы общества подрывали намерения российского министерства иностранных дел возродить Балканский союз, а его установка на насильственные аннексии югославянских территорий Австро-Венгрии могла вызвать военный конфликт, к которому Россия еще готова не была.

Те же соображения лежали в основе противоречий между «Черной рукой» и сербским правительством. После двух разорительных балканских войн Сербия нуждалась в мирной передышке. «Сегодня в наших интересах,— писал Н. Пашич,— чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25—30 лет, пока мы на юге не освоим все настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»³¹.

Пашич был противником методов «Черной руки», считая, что заговоры против монархов соседних государств могут привести к дискредитации Сербии в глазах Европы. Ссылаясь на исторический пример 1903 г., когда после дворцового переворота в Сербии английское правительство отозвало своего посланника и Белграда, Н. Пашич указывал на опасность насильственных внешнеполитических действий тайного союза. Сербский премьер выступал и против вмешательства «Черной руки» во внутренние дела государства. Он настаивал на ее роспуске, на что, однако, не ре-

шился король Петр I. **Офицерский союз**, в свою очередь, конфликтовал с главой правительства, требуя его отставки.

В 1914 г. конфликт достиг своего апогея, и Папича спасло только вмешательство царского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига. 9 июня Гартвиг явился к королю Петру I и посоветовал ему сохранить кабинет Папича, заявив, что Россия полностью доверяет сербскому правительству³².

Сараево и сербское правительство

Сараевское убийство застигло Сербию врасплох. Заместитель Гартвига временный поверенный в делах России в Белграде В. Н. Штрандтман информировал об этом 6 июля 1914 г. Петербург, указав на полную неподготовленность Сербии к военным действиям. «Сербия,— писал он,— сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года, и то при активной помощи союзников». «Сараево,— резюмировал В. Н. Штрандтман в депеше от 10 июля,— спутало все карты Сербии и поставило на очередь возможность (военного) столкновения в самый неблагоприятный для Сербии момент»³³. В. А. Артамонов в своем рапорте генеральному штабу, который был отослан в Петербург в начале июля, сделал идентичные выводы³⁴. Сербское правительство не хотело войны и опасалось осложнения отношений с Австро-Венгрией.

Между тем уже после окончания войны в историографии появилась версия о том, что Сербия, напротив, будто бы спровоцировала конфликт с Австро-Венгрией, приняв участие в сараевском заговоре. Ее автором совершенно неожиданно стал сам член сербского правительства, министр просвещения (в 1917 г.— министр внутренних дел) Любомир Йованович-Патак. В 1924 г., сводя личные счеты с Н. Папичем (Йованович хотел стать лидером Сербской радикальной партии вместо заболевшего Папича), он опубликовал в сборнике «Кровь славянства» статью «После дня св. Вида»³⁵, которая вызвала в Европе сенсацию.

Еще бы! Мину под сербское правительство на этот раз подложил бывший соратник Папича. Л. Йованович прямо заявил, что сербское правительство знало о готовившемся покушении на Франца Фердинанда и не приняло мер, чтобы предупредить его.

Учитывая важность этих материалов и то, что на них продолжают ссылаться многие исследователи, приведем воспоминания Л. Йовановича полностью, опустив лишь второстепенные детали.

В начале статьи Л. Йованович рассказал об одном из заседаний Совета министров, на котором Папич будто бы сообщил присутствующим о готовящемся покушении на Франца Фердинанда. «Не помню,— писал Йованович,— было ли это в конце мая или в начале июня, когда нам в один прекрасный день сказал господин Папич (он об этом больше говорил со Стояном Протичем, ми-

нистром внутренних дел, но также и нам остальным), что некоторые люди собираются поехать в Сараево, чтобы убить Франца Фердинанда, который должен туда прибыть на торжественную встречу в Видов день. Как мне позже сообщили, это (покушение.— Ю. П.) подготовили люди из среды тайно организованных и патриотических студенческих кругов боснийцев и герцеговинцев в Белграде. Н. Пашич и мы продолжали разговаривать, а Стоян издал распоряжение пограничным властям по р. Дрине помешать переходу молодежи, которая для этого отправилась из Белграда. Однако пограничные власти сами были в организации и не выполнили распоряжения Стояна, ему же сообщили, а он потом нам, что это распоряжение прибыло слишком поздно и оmlадинцы уже перешли границу. Так не осуществилась попытка правительства помешать подготовке покушения».

Далее Л. Йованович описал реакцию, которую вызвало у него лично сараевское убийство. «На Видов день я после полудня был в Сенижаке. Около 5 часов мне позвонил по телефону один чиновник из пресс-бюро о том, что произошло в Сараеве. И хотя я знал, что там подготавливается, я, держа телефонную трубку, почувствовал неожиданный удар, а когда вести подтвердились, меня начали мучить страшные предчувствия».

По словам Л. Йовановича, он подумал о неизбежности войны с Австро-Венгрией. «Меня,— писал министр,— обуяли мрачные мысли. Они возникли в 5 часов в воскресенье на Видов день и продолжались весь день и ночь до вторника, перед полуднем. В это время ко мне пришел молодой приятель майор N, и он был озабочен, но не отчаивался, как я. Я высказал ему свои мысли — просто и откровенно. Он мне отвечал своим обычным прекрасным, тихим, но чисто конспиративным тоном: „Господин министр, я считаю, что не надо отчаиваться. Пусть нам Австро-Венгрия объявит войну. Это случилось бы рано или поздно. Сейчас очень неблагоприятный момент для нашего столкновения. Но не в нашей власти выбирать момент. А если она его выбирает — пусть так и будет! Может быть, для нас все кончится плохо, но, кто знает? может быть и по-другому“».

И странное дело! Любомир Йованович, как он об этом сам писал, полностью успокоился. «Я,— сообщал он,— боялся, что европейские дворы почувствуют себя пораженными пулей Принципа и под давлением монархических и конституционных элементов покинут нас. Я знал, что Франция, а тем более Россия не готовы вступить в войну с Германией и ее дунайским союзником, так как их подготовка (к войне) будет закончена не ранее 1917 г.»

Статья Л. Йовановича при тщательном ее разборе полна противоречий. Прежде всего вызывает сомнение его заявление о том, что Пашич действительно сказал об этом уже «в конце мая или в начале июня», так как эрцгерцог в это время еще не планировал поездку в Сараево, а был занят подготовкой к встрече с Вильгельмом II в Конопинште, которая состоялась 23—24 июня³⁶.

Биограф Франца Фердинанда, начальник его военной канцелярии полковник К. Бардольф писал в воспоминаниях, что программа пребывания принца в Сараеве была составлена лишь после Конопишта и что о ней, следовательно, не мог знать Пашич, в названные Йовановичем сроки³⁷. Небезынтересно, что о предстоящей поездке эрцгерцога не был осведомлен даже начальник Управления Боснией и Герцеговиной граф Леон Билинский, который должен был обеспечить охрану августейшего визитера. В своем письме императору Францу Иосифу, написанному уже после покушения, он сообщал, что узнал о событиях в Сараеве из газет. 28 июня, писал Билинский, выходя из церкви, он подумал о престолонаследнике: «Было это ровно в 11 часов утра. Как раз в тот момент! Разве это не свидетельство телепатии!»³⁸

Император, по словам Билинского, «принял это объяснение очень милостиво», посчитав ответственным за поездку одного только эрцгерцога. Министр свалил вину за случившееся в Сараеве на генерал-губернатора Поттиорека, который должен был выставить жандармерию по всему пути следования престолонаследника.

Абсолютно бездоказательным является и заявление Л. Йовановича о том, что сербское правительство якобы знало о предполагавшемся покушении на эрцгерцога, но не предупредило об этом австро-венгерские власти.

На самом деле все было иначе. Пашич, даже не зная о заговоре (его участники тщательно скрывали свои планы!), был осведомлен об антиавстрийских настроениях в Сараеве и дал поручение посланнику в Вене Йовану Йовановичу предупредить начальника Управления провинций Л. Билинского об опасной ситуации. 5 июня, т. е. за 23 дня до трагических событий, посланник явился к Билинскому и сказал ему в общей форме об этом. «Среди сербской молодежи могут найтись люди, которые зарядят ружье или револьвер боевыми патронами»³⁹. При беседе Йовановича с Билинским присутствовал пресс-шеф Управления Пауль Фландраж, который 28 апреля 1926 г. подтвердил этот факт в газете «Нейес виенер журнал»⁴⁰.

Наконец, нельзя признать достоверным утверждение Л. Йовановича о том, что Стоян Протич опоздал с приказом пограничному посту на р. Драве задержать террористов⁴¹. В 1916 г., во время оккупации Сербии австро-венгерскими войсками, был обнаружен дневник начальника заставы Косты Тодоровича, в котором было записано, что распоряжение министра пришло вовремя и что сам Тодорович, состоя в организации, пропустил заговорщиков⁴².

Об алиби сербского правительства говорит и материал, обнаруженный автором этих строк в Государственном архиве Боснии и Герцеговины. Генерал-губернатор генерал Поттиорек прямо признал, что власти Сербии не несут ответственности за оружие, доставленное в Боснию. «Оно,— писал Поттиорек,— прибыло без согласия сербского правительства»⁴³.

26 марта 1924 г. в сербской газете «Политика» была опубликована статья члена правительства Джурдже Еленича с опровержением концепции Л. Йовановича. В 1926 г. группа членов сербской радикальной партии потребовала исключения Л. Йовановича за клевету из этой организации ⁴⁴.

Однако эта фальсификация все же сделала свое дело. В Англии материалы Л. Йовановича использовала публицистка Эдит Дурам, которая выступила с докладом о сараевском убийстве на заседании Британского института по международным вопросам, перепечатанным позже в ряде толстых журналов ⁴⁵.

В декабре того же года идентичный доклад на собрании членов Американского исторического общества в Ричмонде сделал известный историк Сидней Фей, в 1925 г. он же опубликовал на эту тему несколько статей ⁴⁶.

Но особую активность в распространении названной версии проявили историки из так называемой ревизионистской школы немецкого профессора Альфреда Вегерера, которые в своем стремлении пересмотреть решения Парижской мирной конференции 1919 г. об ответственности Германии за развязывание первой мировой войны стремились переложить ее на Россию и Сербию. В течение многих лет со страниц журнала этой «школы» «Ди Кригсшультдфраге» («Ответственность за войну») не сходили материалы самого сомнительного свойства. В тридцатые годы многие историки-ревизионисты перешли на службу к Гитлеру ⁴⁷.

Из советских историков статью Л. Йовановича не критически восприняли М. Н. Покровский ⁴⁸ и Н. П. Полетика ⁴⁹.

Секретный рапорт руководителя «Черной руки» полковника Аписа

Единственным достоверным документом, сохранившимся для истории, является знаменитый рапорт руководителя этой организации полковника Драгутина Димитриевича-Аписа председателю военного трибунала в Салониках полковнику Петру Мишину от 1917 г.

Что представлял собой этот документ? Он был написан в тюремной камере, когда шел судебный процесс над участниками тайного союза «Черная рука», которому было предъявлено обвинение в антигосударственной деятельности (Апис обвинялся также в организации покушения на принца-регента Сербии Александра).

«Главные участники покушения на эрцгерцога,— писал Димитриевич-Апис,— находились на моей службе и имели небольшой гонорар, который я посылал им» ⁵⁰. Не приходится сомневаться в подлинности документа: проведенная позже тщательная экспертиза подтвердила аутентичность подписи Аписа.

И все же «рапорт Аписа» вызывает немало сомнений. Прежде всего возникает вопрос: почему он был написан? Трудно

поверить, что такой стойкий человек, каким был руководитель организации «Объединение или смерть», по своей воле раскрыл тайну. Даже за менее серьезные нарушения члены союза подвергались самым серьезным наказаниям, вплоть до смерти.

В рапорте существует ряд неточностей. Дмитриевич сообщал, что Принцип и его товарищи, находясь в Белграде, получили от него «небольшой гонорар». Но младобосанцы на суде и после него категорически отрицали это. Перед отъездом из Сербии Принцип заложил пальто в ломбард, о чем сохранилась квитанция, а Трифко Грабеж обратился за помощью к своей родне⁵¹. В документе названы не те образцы оружия, которое приобрели в Белграде террористы, и уже совсем невероятным является утверждение Дмитриевича о том, что члены общества «Млада Босна» находились на «его службе» и получали от него инструкции⁵².

Факты говорят о противном. Так, нет ни одного свидетельства того, что Дмитриевич встречался с Принципом или с кем-либо из его товарищей, когда они в мае 1914 г. были в Белграде. Такое свидание вряд ли могло вообще состояться: Дмитриевич занимал слишком ответственный пост, чтобы пойти на встречу с незнакомыми молодыми людьми.

Группа Принципа обучалась стрельбе не Аписом, а Танкосичем, который, обладая необузданным характером, действовал по собственной инициативе. Заседание Центральной управы «Черной руки», на котором будто бы Аписом было принято решение об участии организации в заговоре, состоялось в июне, т. е. через две недели с лишним после отъезда группы Принципа.

Весьма сомнительным является утверждение Аписа о том, что младобоснийцы «были его агентами». Данило Илич на суде в Сараеве прямо заявил, что «в заговор никто не вступал насильно, а все пошло добровольно, из-за идеи»⁵³. Идентичные показания дал Н. Чабринович: «Мы осуществили покушение из чистого идеализма»⁵⁴. Г. Принцип с негодованием отверг обвинения, что он был связан с «Черной рукой»⁵⁵. И после судебного процесса он никогда не вспоминал об Аписе. Доктор Антош Марш, лечивший в 1916 г. Принципа в тюремной больнице, писал в мемуарах, что Принцип даже в горячечном бреде ни разу не упомянул об офицерском союзе, хотя тюремный врач и пытался выведать у него тайну⁵⁶.

Почему же тогда Дмитриевич написал все это?

Югославский ученый М. Живанович, крупнейший знаток истории «Черной руки» (он работал над этой темой многие годы), высказал следующие предположения. Под тяжестью чудовищных обвинений в государственной измене Дмитриевич пережил психический надлом. Он, всю жизнь посвятивший делу возвеличения Сербии, обвинялся в тайных сношениях с Австро-Венгрией и подготовке покушения на верховного командующего сербской армией Александра Карагеоргиевича. У Дмитриевича не было надежды на справедливое решение суда: процесс, проходивший в

Салониках, проводился с грубым нарушением законности. Подсудимые были изолированы от всего мира и не могли прибегнуть к защите. Их пытали, и один из обвиняемых, Раде Малобабич, сломленный истязаниями, оговорил себя. Но самым страшным было то, что военный трибунал оклеветал организацию «Объединение или смерть», инкриминировав ей антигосударственную деятельность. Дмитриевич понимал, что он простится с жизнью, неся клеймо изменника.

В это время, пишет М. Живанович, тюрьму посетил начальник личной гвардии Александра Петар Живкович, пообещав Апису помилование в случае, если он даст показания, что в сараевском заговоре участвовала его организация. Это была ловко подстроенная ловушка: регент Александр зондировал возможность заключения сепаратного мира с Австро-Венгрией и Германией и хотел иметь документ, который перекладывал бы всю ответственность за покушение в Сараеве на «Черную руку»⁵⁷.

Отправив рапорт, Апис тем самым подписал свой смертный приговор. Александр и Пашич решили избавиться от столь опасной личности и навсегда покончить с непокорным офицерским союзом: полковник Дмитриевич, майор Любомир Вулович и Раде Малобабич были приговорены к расстрелу, остальные члены организации — к различным срокам тюремного заключения. 16 июня Апис направил регенту Александру прошение о помиловании, но не получил ответа. На рассвете 26 июня 1917 г. Дмитриевич, Вулович и Малобабич были расстреляны в овраге на окраине Салоник. Принц-регент придумал для них жестокую казнь. Все трое стояли более часа перед уже выкопанной могилой, пока зачитывался приговор, ожидая помилования, которого, однако, не последовало. Первыми были расстреляны Вулович и Малобабич, Дмитриевич только после третьего залпа. Последними его словами были: «Да здравствует Сербия! Да здравствует Югославия!»⁵⁸

В версии о кончине Аписа, как и в истории о всей его жизни, много легендарного. Прав ли М. Живанович? Или ближе к истине те, кто считал, что в могилу вместе с Дмитриевичем ушла и тайна организации «Объединение или Смерть»?

Ответ на этот вопрос отчасти дал повторный судебный процесс над «Черной рукой», состоявшийся в 1953 г. в Югославии. Он кассировал приговор Салоникского военного трибунала 1917 г., сняв с Аписа и членов его организации обвинение в антигосударственной деятельности как несостоятельное⁵⁹.

На белградском процессе среди прочих документов фигурировали материалы члена организации «Черная рука» Чедомира Поповича о его беседе с Дмитриевичем, состоявшейся в 1915 г., во время войны⁶⁰. Руководитель тайного союза откровенно рассказал Поповичу о событиях, предшествовавших сараевскому убийству.

«Ты ведь знаешь, — сказал Апис, — что по несчастию тогда (в 1914 г. — Ю. П.) положение в стране было очень сложным и

шла внутривнутриполитическая борьба. Какова была наша военная ситуация, тебе тоже известно. Мы могли направить в Сербию (из Македонии.— Ю. П.) лишь одну-две конные дивизии, и когда бы наши войска прибыли из южных районов, Сербия была бы уже завоевана. Весь мир и мы оказались бы перед совершившимся фактом. И поэтому, когда ко мне в канцелярию однажды пришел Танкосич и сказал: имеется несколько оmlадинцев-босанцев, которые меня просят разрешить им отправиться в Боснию, пустить ли их? Я, недостаточно подумав в тот момент, ответил: да пусти их! Танкосич мне тогда сказал, что оmlадинцы по договоренности с друзьями из Боснии хотят (организовать.— Ю. П.) покушение на Франца Фердинанда. Скажу тебе правду: в тот момент я подумал, что трудно предположить, что такое покушение может быть осуществлено. Я был уверен, что австрийский престолонаследник будет так охраняться, что ничего не может произойти. И уж во всяком случае я никак не мог предположить, что этот заговор станет поводом к войне против Сербии. Но когда я после некоторого времени проанализировал это более или менее серьезно, то решил вернуть отосланных оmlадичей и помешать покушению, но было уже поздно...»⁶¹.

Начальник военного пресс-бюро при Верховном командовании сербской армии Слободан Йованович в статье «Мои современники: Урош Петрович, Йован Скерлец и Апис», опубликованной в 1962 г. в журнале «Голос канадских сербов», подтвердил эту версию Чедомира Поповича⁶². Гаврило Принцип на суде в Сараеве в октябре 1914 г. заявил, что Воислав Танкосич действовал по своей инициативе. «Участие Танкосича в заговоре,— сказал Принцип,— было его личным делом и не имело никакой связи с Сербией»⁶³.

Такова правда. Возможно, появятся новые данные (работа над темой продолжается), но уже сейчас можно сделать два вывода: о незаинтересованности сербского правительства в военном конфликте с Австро-Венгрией и о неучастии руководства «Черной руки» в сараевском заговоре.

¹ *Imamović M.* Nekoliko metodoloških napomena za istraživački pristup Mladoj Bosni // *Pregled*. 1974. N 78. S. 797.

² *Писарев Ю. А.* Сараевское убийство 28 июня 1914 г. // *ННИ*. 1970. № 5. С. 49–66.

³ *The British annual register*. L., 1962.

⁴ *Grey of Fallodon*. Twenty life years, 1892–1916. L., 1926. Vol. 2. P. 308.

⁵ *Seton-Watson R. V.* Sarajevo.

⁶ *Mousset A.* Un drame historique. P., 1930.

⁷ *Albertini L.* The origins of the war. Vol. 2. P. 84.

⁸ См. список источников и литературы.

⁹ *Mlada Bosna: Pisma i prilozi*. Sarajevo, 1954.

¹⁰ *Тршић А.* Берхтолдов утицај на судије у процесу проти Принципа и другова // *Живот*. Сарајево, 1957. Књ. X, св. 7/8. С. 73–74.

¹¹ *Маслеша В.* Млада Босна. Београд, 1945; *Писарев Ю. А.* «Млада Босна» и другие организации югославянской оmlадины // *КСИС*. М., 1960. Вып. 29. С. 66–84.

¹² *Sarajevski atentat. Stenogram Glavne rasprave proti Gavrila Principa i drugih* 1914. Sarajevo, 1954. S. 72–73.

- ¹³ Поповић Ч. Организација «Уједињење или смрт» («Црна рука») // Нова Европа. Загреб, 1927. 11.VI.
- ¹⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5135. Л. 21.
- ¹⁵ После окончања војны тюремцик чех Франтишек Лебљ показал это место.
- ¹⁶ Тршић А. Указ. соч. С. 73–74.
- ¹⁷ АВН. ZMF. Präs. 1914. S. 2.
- ¹⁸ Српске новине. 1914. 22.VII.
- ¹⁹ ОУА. Bd. VIII. N 10252, 10233.
- ²⁰ Kapidžić A. Austrougorske centralni vlasti i omladinski pokret u Bosne i Hercegovine neposredno posle sarajevskog atentata // Glasnik arhivskin radnika Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1964–1965. Knj. IV/V. С. 238–240.
- ²¹ Шурмин Б. Докуменат за Видов дан 1914 // ЛМС. 1929. Св. 2. С. 210–225.
- ²² Из Швейцарије в Боснију были перевезены останки идеолога организацији Владимира Гачиновића. См.: Слиенћевић П. Помин Гачиновићу // Преглед. 1934. Књ. X, св.128. С. 354–380.
- ²³ Поповић Ч. Указ. соч. С. 394–412.
- ²⁴ Радничне новине. 1911. 29.X.
- ²⁵ Писареv Ю. А. Образование югославского государства. М., 1975. С. 26–34.
- ²⁶ Станојевић С. Убијство ерцгерцога Франца Фердинанда. Београд, 1923. С. 42.
- ²⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4371. Л. 28–30. В. А. Артамонов – Н. А. Монкевицу. Белград, 1911. 9.XI. № 167.
- ²⁸ Там же. Л. 36. В. А. Артамонов – Н. А. Монкевицу. Белград, 17.I. 1912. № 17.
- ²⁹ Там же. Л. 40.
- ³⁰ Там же. Л. 49–50.
- ³¹ Споменица Николе П. Пашић, 1845–1925. Београд, 1925. S. 721.
- ³² ДА ДСИП. Ф. Председник Министарског савета, 1918. Д. Црна рука. Милош Доронтичић (фамилија неразборчива). – Н. Пашичу. Солун, 1918. 15.I.
- ³³ АВПР. Ф. ПА. Д. 532. Л. 272; Д. 533. Л. 49.
- ³⁴ АВПР. Ф. Канцеларија. 1914. Д. 51, ч. II. Л. 316.
- ³⁵ Јовановић Љ. После Видовдана. С. 9 и след.
- ³⁶ ОУА. Bd. VIII, N 9943, 9973.
- ³⁷ Bardolff K. Soldat im alten Österreich. Wien, 1938. S. 131–140.
- ³⁸ Bilinski K. O sarajevskom atentatu i generalu Potioreku // Pregled. 1936. Knj. XII, sv. 130. S. 311–315.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Neues Wiener J. 1924. 28.VI.
- ⁴¹ Политика. 1925. 17.IV.
- ⁴² Ronge M. Meister der Spionage. Leipzig, 1935. S. 90–95.
- ⁴³ АВН. ZMF. Präs. 1914. S. 2. О. Потнорек – Л. Билинскому. Сараево, 1914. 3.VII.
- ⁴⁴ Политика. 1924. 26.III. № 6437.
- ⁴⁵ Durham E. Foreign affairs // Contemporary review. L., 1924.
- ⁴⁶ См.: Current History. 1925. N 9.
- ⁴⁷ См. стајје в журнале: «Die Kriegsschuldfrage», «Berliner Monatshefte».
- ⁴⁸ Покровскиј М. Н. Как началась война: (вступ. ст.) // Каутскиј К. Как возникла мировая война. М., 1924. С. 13. 37.
- ⁴⁹ Полетика Н. П. Сараевское убийство как дипломатический повод к мировой войне // Историк-марксист. 1929. № 11.
- ⁵⁰ Писареv Ю. А. Сараевское убийство 28 июня 1914 г. С. 58–62.
- ⁵¹ АВПР. Ф. Канцеларија. 1914. Д. 50. Л. 23. Н. Г. Гартвиг – С. Д. Сазонову. Белград, 1914. 5.VII.
- ⁵² Дебијер В. Сарајево, 1914. Београд, 1966. С. 685.
- ⁵³ Крнчевић А. Успомене еднoг учесника у Сарајевском атентату. Сарајево, 1954. С. 115–118.
- ⁵⁴ Лубибратић Д. Гаврило Принцип. Београд, 1959. С. 207.
- ⁵⁵ См.: Цистлер О. Како сам бранио Принципа и другове, 1914. Љубљана, 1937.
- ⁵⁶ Marsch A. Prinzip in Teresienstadt // Die Zeit. 1917. 29.VI.
- ⁵⁷ См.: Живановић М. Пуковник Апис. Београд, 1955.
- ⁵⁸ Писареv Ю. А. Сараевское убийство 28 июня 1914 г. С. 62.
- ⁵⁹ Нешковеић Б. Истина о солунском процесу. Београд, 1953.
- ⁶⁰ Поповић Ч. Указ. соч. С. 407, 408.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Jovanović S. Moji savremenici: Uroš Petrović, Jovan Skerlec, Apis // Glasnik srba. Vindsor, 1962. 2–16.VII, 18.X.
- ⁶³ Seton-Watson R. V. Sarajevo. S. 101.

ЕВРОПА ДО И ПОСЛЕ САРАЕВА

Первые отклики в Европе на события в Боснии

Накануне сараевской драмы ничто, казалось, не предвещало надвигающейся военной грозы. В Европе стояла солнечная погода — первая за последние несколько месяцев. 27 июня 1914 г. в Швеции начались балтийские спортивные игры, на открытие которых прибыл король, во Франции в присутствии президента соревновались гимнасты, греческий король Константин I отбыл на конные состязания, император Вильгельм II — на морские гонки по Кильскому каналу, итальянский монарх Виктор-Эммануил I совершал увеселительную прогулку по Средиземному морю, российский император на яхте «Штандарт» путешествовал по Финскому заливу и, коротая время, играл в карты с царицей и ее фрейлиной Анной Вырубовой. В отпусках или в служебных командировках в ту пору находились многие государственные и военные деятели. Так, начальник Морского генерального штаба России вице-адмирал А. И. Русев пребывал в Тулоне, министр иностранных дел России С. Д. Сазонов и посол Германии в Петербурге граф Фридрих Пурталес проводили свой отпуск в Царском селе¹.

Выстрел в Сараеве вначале не произвел особого впечатления. К политическим преступлениям подобного рода на континенте уже стали привыкать. Франция, например, была занята своим убийством: супруга премьер-министра Кайо застрелила из пистолета редактора газеты «Фигаро» Жозефа Кальметта, защищая свою репутацию. Парижские газеты сообщили о сараевском заговоре и вскоре забыли о нем.

В Англии в печати появились официальные отчеты о соболезновании, которые выразил статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдуард Грей австро-венгерскому послу графу Менсдорфу по поводу кончины престолонаследника², были опубликованы сентиментальные статьи о трагической судьбе династии Габсбургов, понесшей за последние десятилетия уже пятую утрату³. Правительство Великобритании отменило придворный бал, назначенный на 30 июня, парламент выразил свое сожаление по поводу случившегося, в стране был объявлен десятидневный траур⁴.

Общественность Великобритании, как, впрочем, почти всех стран Европы, в своем большинстве осудила «разбойников-сербов». Пацифистская газета «Джон Буль» в статье «К дьяволу Сербии!» потребовала разрыва с ней дипломатических отноше-

ний⁵, но Форин оффис продолжал хранить загадочное молчание, не давая оценки балканским событиям⁶.

Благопристойная и респектабельная британская публика объясняла сараевское убийство общим падением нравов в Европе. В Лондоне не успели прийти в себя от шока после появления толп полуобнаженных суффражисток, одна из которых даже пробралась в Бэкингемский дворец и потребовала свидания с королем Георгом V. Личной охране монарха потребовалось немало усилий, чтобы защитить царственную особу от назойливой визитерши. В газетах горячо обсуждался вопрос о мерах безопасности, которые предстояло принять в связи с будущей поездкой в начале июля короля в Эдинбург. На всякий случай было решено заменить открытую коляску закрытым автомобилем. Брат Вильгельма II Генрих Прусский, собравшийся было сопровождать британского монарха в Шотландию, считал за лучшее отказаться от поездки. Ему повсюду мерещились головорезы-боснийцы, даже в женских платьях...

В России к событиям в Сараеве отнеслись с большим вниманием и большей настороженностью. Царь, едва узнав из секретного пакета об убийстве австрийского престолонаследника, отдал распоряжение о срочном возвращении в Кронштадт. Здесь, у причала, население крепости и Петербурга залпами из орудий известили о случившемся⁷. Царский министр С. Д. Сазонов, прервав отпуск, посетил австро-венгерское посольство и сделал в книге запись об осуждении «безумного злодейства». Он уведомил временно исполняющего обязанности посла Отто Чернина (посол Ф. Сапари был в отъезде) о том, что императорское правительство осуждает терроризм, но категорически опроверг вместе с тем лживую версию Вены о том, что в заговоре участвовало сербское правительство. «Непричастность Сербии к сараевскому преступлению для нас очевидна», — заявил министр⁸.

Позже руководитель внешнеполитического ведомства на Певческом мосту в Петрограде неоднократно повторял ту же мысль, считая нелогичным участие во внутреннем заговоре какого-либо иностранного государства. «Мне лично представлялась особенно нелепой попытка венского кабинета связать убийство наследного эрцгерцога с заграничным заговором», — писал он⁹.

Так думали в ту пору многие государственные деятели и дипломаты. Бывший рейхсканцлер Германии князь Бернгард Бюлов, например, записал в своих воспоминаниях, изданных массовым тиражом в 1930 г. в Германии и переведенных на английский и русский языки: «Хотя это страшное убийство — дело одного сербского объединения, которое имело филиалы всюду по странам, многие детали подтверждают, что сербское правительство его не инспирировало и не желало. Сербы истощились за последние две войны. И самые умные среди них должны были остановиться перед мыслью о войне с сильной Австро-Венгрией, что было особенно потому, что в тылу они имели Болгарию, готовую к реваншу, и Румынию, к которой было мало доверия»¹⁰.



Николай II, российский император

По словам российского посла в Вене Н. Н. Шебеко, такой же точки зрения придерживался посол Германии в Австро-Венгрии Генрих фон Чиршки, который не считал сараевское убийство «слишком трагическим событием» и был убежден, что для провоцирования войны нужны более веские аргументы. Но тот же Чиршки поддержал сараевскую версию, взвалив ответственность за нее не только на Сербию, но и на Россию.

В Белграде убийство австрийского престолонаследника было встречено нервозно. Здесь с первых же дней стало ясно, что Вена будет спекулировать на «славянской опасности». Уже 28 июня правительство получило известие о массовых погромах сербских мастерских и торговых лавок в Вене и Будапеште. В Сараеве толпы прогермански настроенных шовинистов варварски разрушили гостиницу «Европа», принадлежавшую зятю сербского посланника в России М. Спалайковича Глигорию Ефтановичу. Семидесятилетний Ефтанович был арестован и брошен в тюрьму.

Однако сербское правительство не растерялось. Председатель Совета министров Н. Пашич предписал дипломатам не отвечать на провокации. Органам печати было поручено не поднимать бос-

нийскую тему, для охраны имперского посольства в Белграде были выделены дополнительные полицейские посты, а Вене предложено совместное разбирательство сараевского дела. Как и повсюду в Европе, в Сербии был объявлен национальный траур, а в кафедральном соборе отслужена панихида, на которой присутствовали король Петр I, правительство и дипломатический корпус¹¹. «Сербия,— констатировал Сазонов,— сделала не только все, что мы от нее ожидали, но пошла гораздо дальше в этом направлении»¹².

В Черногории реакция на сараевское убийство была двойкой. Население, враждебно относившееся к Австро-Венгрии, организовало демонстрацию у здания имперского посольства, в которой участвовала почти треть жителей столицы, король Николай и правительство, напротив, разогнали демонстрацию, распорядившись отслужить молебен в церкви. «Он (король.— Ю. П.) два раза пригласил меня к себе и с нескрываемой симпатией к монархии говорил о сараевском несчастье»,— информировал Вену австро-венгерский посланник в Цетинье барон Эдуард Отто. Дипломат, однако, предостерегал правительство от слишком поспешных выводов насчет подлинной позиции коварного черногорского владыки. «Я не уверен в истинных чувствах лукавого черногорского монарха,— писал он.— Хотел ли король ввести нас в заблуждение или стремился показать, что меняет свое отношение к Сербии?»¹³ Французский посланник Деларош-Верне высказался более определенно, утверждая, что Николай в очередной раз «разыграл комедию»¹⁴. Небезынтересно, что двойственную политику Николай Черногорский продолжал и позже. Объявив о поддержке Сербии во время войны, он отрекся от нее после ее окончания. В письме президенту США Вудро Вильсону, которое было отправлено в 1919 г., бывший король заявил, что убийство эрцгерцога было организовано Сербией и «Черной рукой»¹⁵.

На «две лошади» поставил и премьер-министр Румынии Иоэль Брэтиану. Осудив преследования сербов Австро-Венгрией, он признал вместе с тем «закономерность действий имперского правительства против виновных»¹⁶.

В Италии правящие круги встретили известия из Сараева с облегчением. «В Риме,— сообщал российский посол А. Н. Крупенский,— негодуют против покушения, но вместе с тем и радуются: итальянцы освободились от нависшего над ними страха. Франц Фердинанд не любил Италию, итальянцы боялись, что он начнет против них военные действия. Со смертью эрцгерцога в Риме стали смотреть на мир спокойнее. Этим можно объяснить и повышение курса бумаг на бирже после полученных известий из Сараева. То же самое наблюдалось в самой Австрии. В Триесте, например, венгерская золотая рента, которая до убийства котировалась в 70 золотых крон, вскочила до 100 золотых крон»¹⁷.

Министр иностранных дел Италии Сан-Джулиано заявил иностранным дипломатам: «Злодеяние ужасно, но мир от этого не

пострадает». Председатель итальянского парламента, в свою очередь, сказал: «Никто в Италии не скрывает, — ни в газетах, ни на собраниях, что с кончиной Франца Фердинанда ушел из жизни влиятельный принц, проникнутый клерикализмом, враг Италии, командующий одной из сильнейших армий, которая была воинственно расположена»¹⁸. В том же духе высказался германский кайзер Вильгельм II. Эрцгерцог, заявил он, был «слишком клерикален и сильно настроен против Италии»¹⁹.

В общественных кругах Италии царило оживление. В воскресенье, вспоминали современники, были переполнены кинотеатры и концертные залы, и, когда собравшиеся узнали о покушении, все запели итальянский народный гимн.

Австрийский военный атташе в Италии полковник Септички сообщал, что Франца Фердинанда никто не считал сторонником Италии, напротив, в нем видели опасность для страны. «Нам стало легче, когда мы узнали, что его не стало, большинство итальянцев говорило: „Слава богу, что террорист оказался не итальянцем“»²⁰.

Аналогичные настроения царили в Венгрии. Английский генеральный консул в Будапеште писал сэру Грею, что 28 июня в Будапеште жизнь протекала, как обычно. Ни одно представление не было отменено. На следующее утро в городе были проведены спортивные состязания более массовые, чем обычно.

В дни траурной мессы в будапештском кафедральном соборе присутствовали только официальные чиновники, не было ни одного представителя высшей мадьярской аристократии.

Граф Сеченьи, австро-венгерский посол в Берлине, сказал князю Бюлову: «Я как христианин и венгерский аристократ выражаю сожаление по поводу судьбы эрцгерцога и его супруги, но с политической точки зрения думаю, что устранение наследника престола явилось божьей благодатью. Если бы он остался жив, дело дошло бы до внутренних противоречий или до гражданской войны. Во внешней политике его фанатизм, энергия и упорство создали бы для Германии плохого союзника. Пусть ему будет вечный мир и покой!»²¹

Загадка похорон Франца Фердинанда

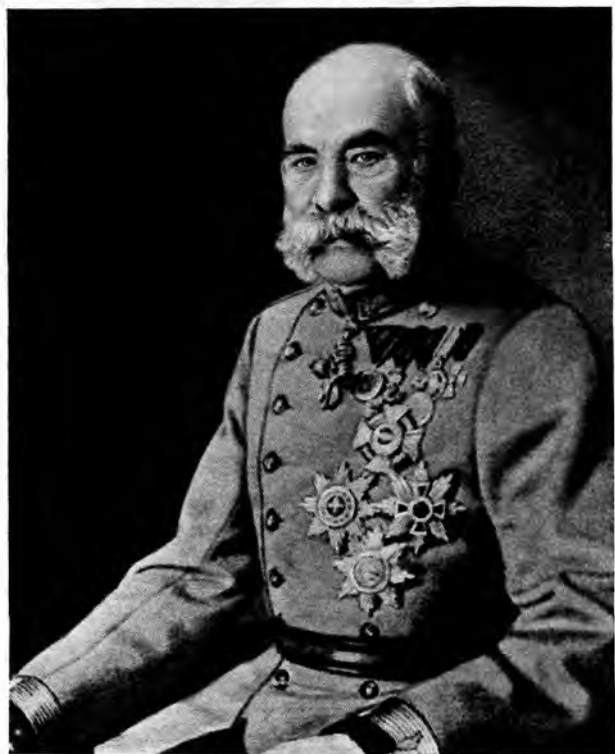
В исторической литературе долгое время не могли определить каким в действительности было отношение правящих кругов Австрийской империи к престолонаследнику Францу Фердинанду. Югославский публицист В. Дедиер в книге «Сараево 1914»²² собрал воедино все версии — от правдоподобных до самых сомнительных. Большое внимание автор уделил «странному характеру» похорон эрцгерцога, вызвавших недоумение уже у современников.

Такого погребения августейшей особы не помнила Европа. Всех удивила прежде всего сама обстановка похорон и их поспешность. Тела убитых Франца Фердинанда и его супруги от

морганатического брака Софии Хотек герцогини Гогенберг прибыли в Вену в 10 часов вечера из Триеста 2 июля и уже на следующий день были преданы земле. Жители города, а также представители иностранных держав не получили возможности проститься с покойными. Министр иностранных дел граф Леопольд Берхтольд, ссылаясь на опасность «повторного покушения», не рекомендовал дипломатам присутствовать при погребении. Блеститель средневековых обычаев семьи Габсбургов маршал двора Монтенуово настаивал на раздельном отпевании: эрцгерцога — в дворцовой капелле, Софии Гогенберг — в обычной церкви, и только по распоряжению самого императора была отправлена совместная панихида. Она состоялась во дворце Хофбург и произвела на немногочисленных присутствующих тягостное впечатление. В капелле не было венков, из близких родственников покойных оказались приглашенными только их дети, гробы усопших были выставлены на разных уровнях — саркофаг принца на возвышении, простой гроб матери его детей — прямо на полу. На гробу эрцгерцога лежали все его ордена и знаки отличия, на крышке гроба Софии Хотек только черные перчатки и черный веер — атрибуты придворной дамы. И перед смертью они не были равны!²³

Подчеркнуто официальный и крайне холодный характер носило отпевание. По обе стороны от гроба эрцгерцога безмолвно стояли высшие государственные деятели во главе с императором и новым престолонаследником племянником эрцгерцога принцем Карлом. Сын Франца Фердинанда Максимилиан писал позже в воспоминаниях, что на него гнетущее впечатление произвела фигура графа Тисы, врага его отца: «Он стоял слева от саркофага в черном балахоне венгерского покроя, устремив свой ястребинный взор на тело усопшего. Судорожно плетя пальцы, он не проронил ни слова. Император, напротив, почти не поднимал головы и после короткой зауспокойной мессы покинул капеллу». Не присутствовал Франц Иосиф и на похоронах. Траурный кортеж двинулся не к усыпальнице Габсбургов в соборе Капуцинов, а к мавзолею в маленьком местечке Арштеттен, построенному самим Францем Фердинандом. Погребение состоялось поздней ночью 3 июля²⁴.

На следующий день в Вене и Будапеште были вывешены государственные флаги — на этот раз в честь нового престолонаследника двадцатилетнего принца Карла Габсбурга. Обеспокоенная венгерская газета «Вилаг» писала: «Во главе нашей монархии отныне стоит восьмидесятичетырехлетний император и двадцатилетний наследник — комбинация, которая не сулит ничего хорошего. Ни одного принца, пользующегося авторитетом, ни одного действительно крупного государственного деятеля у нас нет. Страна же переживает внутренние и внешнеполитические трудности». Газета отмечала развитие в многонациональном государстве ирредентистского движения и указывала на рост социальных противоречий. Говоря о международной обстановке,



Франц Иосиф I Габсбург,
император Австрии, король Венгрии

она делала пессимистический вывод: «Наше счастье, что Россия еще не закончила своего перевооружения, иначе уже сегодня перед нами встала бы проблема: жизнь или смерть»²⁵.

В Австрии «странные похороны» вызвали осуждение среди аристократических кругов. В траурной процессии в знак протеста против решения двора участвовало более ста представителей знатных фамилий (Лихтенштейны, Шварценберги, принц Гогенлоу, Сечени, Фюрстенберг, Турн унд Таксисы и др.).

В венгерском парламенте оппозиция сделала запрос по поводу плохой охраны престолонаследника полицией во время его поездки в Сараево в «это тревожное время», а также в связи с неуважительным характером похорон августейшей особы. Тиса, отвечая на запрос, вынужден был признать наличие антиавстрийского настроения у населения Боснии и предупредил об опасности новых погромов сербов распускавшими шовинистами. «Неразборчивые репрессии» против сербов, сказал он, могут привести к революционным последствиям, выступив таким образом не против террора по отношению к сербам вообще, а за более «гибкую

тактику» репрессивной политики правительства. Отвечая на второй запрос, министр-президент Венгрии, поддержал решение двора не устраивать слишком пышные похороны эрцгерцога, сказав, что он сам посоветовал поступить так Францу Иосифу²⁶. Эти объяснения, однако, не удовлетворили никого. «Загадкой века» назвали журналисты странные похороны принца и его супруги.

Дворянская историография объясняла произошедшее личной антипатией, которую испытывали друг к другу наследник престола и император, австрийский принц и глава венгерского правительства граф Иштван Тиса. В таком духе писали биографы Франца Фердинанда граф О. Чернин, публицисты Т. Сосноски и Л. Хлумеcki, начальник осведомительного отдела генерального штаба А. Урбански фон Остримец, биограф императора А. Маргутти и многие другие²⁷. Последний в доказательство правильности этой версии сослался на дневник дочери Франца Иосифа принцессы Мари-Валери. Узнав о событиях в Сараеве, император, по ее словам, вздохнул с облегчением. «Для меня,— отметила принцесса в дневнике за 28 июня,— одной большой заботой стало меньше»²⁸.

Эту запись подтверждал австро-венгерский посол в Берлине граф Сеченьи, один из самых близких к монарху придворных. Он зафиксировал следующее: Франц Иосиф, узнав о кончине своего племянника, сказал: «Высшая сила навела порядок, который я тщетно пытался поддерживать. Бог, наконец, направил все на верный путь, и теперь я смогу спокойно умереть»²⁹.

Еще больше радовались кончине эрцгерцога в Будапеште. Немецкий историк Герман Вендель писал, что Тиса был удовлетворен известием из Сараева. «Господь Бог этого желал, и мы за все должны быть благодарны господа Богу»,— заявил он³⁰.

Нельзя не отметить поверхностный характер этих суждений. Натянутые взаимоотношения престолонаследника с Тисой и Францем Иосифом были не случайными. Они явились следствием более глубоких политических противоречий, что блестяще показали в своих работах советский историк Т. М. Исламов и венгерский историк И. Галантай³¹.

Франц Фердинанд был сторонником реорганизации устаревшей системы дуализма и стремился обуздать венгерский сепаратизм. Тиса не хотел идти на уступки немадьярским народам, Франц Иосиф опасался перемен. Можно согласиться с выводом посланника Австро-Венгрии в Бухаресте, будущего ее министра иностранных дел графа Оттокара Чернина, что многие из правящих кругов опасались возможности восшествия на трон Франца Фердинанда. «При дворе в Вене и в общественных кругах Будапешта,— писал Чернин,— было больше довольных, чем огорченных; многие из сановников вздохнули с облегчением, так как опасались, что при Франце Фердинанде произойдет основательная чистка среди придворных»³².



Вильгельм Гогенцоллерн,
император Германии, король Пруссии

Небезынтересна версия о причинах прохладно-равнодушного отношения к кончине эрцгерцога германского императора Вильгельма II, который называл себя большим другом австрийского принца: кайзер не прекратил гонок яхт по Кильскому каналу и не участвовал в похоронах престолонаследника.

Сын Франца Фердинанда Максимилиан Гогенберг в своем интервью газете «Пари суар диманш» от 4 июля 1937 г. обвинил германскую секретную службу в соучастии в сараевском убийстве²⁹. Несмотря на малую достоверность этой версии, Макс Гогенберг был прав в одном: власти действительно плохо охраняли Франца Фердинанда, выделив для этой цели лишь трех детективов, хотя в городе насчитывалось более сотни полицейских и, кроме того, были расквартированы австрийские войска.

Престолонаследник и кайзер придерживались разных взглядов по вопросу о роли Австро-Венгрии в международных отношениях и ее месте в мире. Франц Фердинанд стремился поднять престиж дунайской империи и даже мечтал о воссоздании Великой Австрии, какой она была до австро-прусской войны 1866 г.; Виль-

гельм II, напротив, хотел подчинить себе Австро-Венгрию, считал ее лишь младшим партнером в составе Центральной коалиции.

В 1914—1915 гг. германский империализм выдвинул план создания «Срединной Европы», имея в виду включение Австро-Венгрии в сферу своего экономического влияния. Этому противился эрцгерцог.

Накануне второй мировой войны Гитлер, аннексировав Австрию, выполнил программу Вильгельма II. Известно также, что младший сын Франца Фердинанда князь Эрнст фон Гогенберг и 150 представителей австрийской знати отказались участвовать в делегации, вручившей в 1938 г. ключи от Вены фюреру — сыну мелкого лавочника Шикельгрубера. Злопамятный ефрейтор, ставший властелином Германии и почти всей Европы, отправил их всех в концлагерь. Эрнст Гогенберг находился сначала в Дахау, потом в Бухенвальде и был выпущен только в 1943 г. Он умер в 1954 г.³⁴ Старший сын эрцгерцога Максимилиан также одно время находился в концлагере в Матхаузене и в 1945 г. четырехсторонней контрольной комиссией союзников, в том числе советской стороной, был утвержден бургомистром Арштеттена. Он умер в 1962 г. Оба похоронены на том же кладбище, что и их родители. На могильной плите Эрнста высечены слова: «Он был стойкий и верный австриец», на плите Максимилиана надпись: «Максимилиан герцог Гогенберг» и начальные буквы фразы «Австрия будет существовать вечно». На похоронах Максимилиана присутствовал представитель сына последнего императора Австрии Карла I Отто Габсбурга эрцгерцог Хуберт Сальватор. Австрийская социал-демократическая газета «Арбайтер Цайтунг» написала по поводу смерти Максимилиана: «Его мировоззрение было монархистским. Его жизнь безупречной». На плите между саркофагами Франца Фердинанда и его супруги Софии Хотек герцогини Гогенберг написано: «Объединенные в браке, они объединились и в судьбе»³⁵. Дольше всех жила дочь австрийского престолонаследника София. Она вышла замуж за одного из известных политических деятелей графа Ностиц-Рейнека и проживала в имении близ Зальцбурга. Во время нашей встречи в 1964 г. я спросил ее, собирается ли она писать мемуары о своем отце и своих братьях, София Гогенберг-Ностиц ответила отрицательно, сказав, что, когда погиб отец, она еще была мала, а жизнь ее братьев была слишком трагичной, чтобы это интересовало «веселую Вену». В то же время она любезно показала советскому историку «Политическое завещание Франца Фердинанда», которое я, впрочем, знал и раньше. В имении Ностиц-Рейнека особых архивов не было. Часть бумаг фамилии Габсбургов хранится в замке Швертберг, принадлежавшим семье графа Гойос, большая часть — в летней резиденции императора, местечке Ишль. Долгое время их ревностно хранила принцесса Стефания, но и после ее кончины историки не получили к ним доступа. А между тем эти архивы фамилии Габсбургов могли бы рассказать многое.

- ¹ ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1757. Л. 2–4. Сообщения Пресс-бюро ПТА.
- ² *Butterfeld H.* Sir Edward Grey in July 1914 // *Hist. Stud.* 1965. N 5. P. 1–25.
- ³ 18 июня 1867 г. в Мексике повстанцами был расстрелян брат Франца Иосифа Максимилиан. 20 января 1889 г. покончил самоубийством сын императора Рудольф, в 1898 г. террористом была убита его жена Елизавета, в 1900 г. скончался второй брат монарха, отец Франца Фердинанда принц Карл Людвиг. См.: ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1757. Сообщение агентства Рейтер.
- ⁴ *Watt D.* The British reactions to the assassination in Sarajevo // *Europ. Stud. Rev.* 1971. N 1. P. 233–247.
- ⁵ *Seton-Watson R. W.* Sarajevo. S. 85.
- ⁶ Животиновић Д. Нека питања британске политике према Србије у другој половини 1914 године // Србија 1915 године. С. 149–151.
- ⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 2. Д. 1757. Л. 2–4. Прессбюро.
- ⁸ Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 81.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Bülow B.* Memoirs of prince von Bülow. Boston, 1931. Vol. 3. P. 151.
- ¹¹ Писарев Ю. А. Сараевское убийство 28 июня 1914 г. С. 56.
- ¹² Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 222.
- ¹³ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 120, 124. А. А. Гирс – С. Д. Сазонову. Цетинье, 1914. 12.VII.
- ¹⁴ Јовановић Ј. Аустријска тајна архива 1914 // Записи. Цетинье, 1931. Књ. VIII. С. 33–34.
- ¹⁵ Николо Петровић и његов двор. Сарајево, 1919. С. 31.
- ¹⁶ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 116–119. С. А. Поклевски-Козелл – С. Д. Сазонову. Бухарест, 1914. 25(12).VII, № 162.
- ¹⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1757. Л. 2–4.
- ¹⁸ Цит. по: Јовановић Ј. Руска хроника из 1914 // СКГ. 1933. № 2. С. 126–127.
- ¹⁹ ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1757. Л. 2–4.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ АВПР. Ф. Канцеларија. 1914 г. Оп. 47. Д. 178. Л. 20.
- ²² Дедијер В. Сарајево, 1914.
- ²³ *Pauli H.* Das Geheimnis von Sarajevo, Wien; Hamburg, 1966. S. 14–16.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1757. Л. 2–4.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См. список литературы.
- ²⁸ *Pauli H.* Op. cit. S. 14, 343; *Margutti A.* Kaiser Franz Joseph. Wien, 1924.
- ²⁹ АВПР. Ф. Канцеларија. 1914 г. Оп. 470. Д. 178. Л. 20.
- ³⁰ *Wendel H.* Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit. Frankfurt a. M., 1925. S. 646.
- ³¹ Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, 1903–1904. М., 1972; *Galantai J.* Istvan Tissa und der erste Weltkrieg. Budapest, 1933.
- ³² Чернин О. В дни мировой войны. М., 1923. С. 61–62.
- ³³ Писарев Ю. А. Образование Югославского государства. М., 1975. С. 61–62.
- ³⁴ *Kalmar R.* Zeit ohne Grade. Wien, 1946.
- ³⁵ *Pauli H.* Op. cit. S. 362–368.

ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС 1914 г. И «СЛАВЯНСКАЯ ОПАСНОСТЬ»

Антисербские планы австрийской империи

Июльский кризис вызвал и продолжает вызывать повышенный к себе интерес. Драматические события той поры нашли отражение в воспоминаниях, дневниковых записях, личной переписке многих современников — дипломатов, военных и государственных деятелей, лидеров политических партий. На ту же тему написано огромное количество сочинений¹ и опубликованы источники². Многие из них говорят о том, что правящие круги монархии Габсбургов, стремясь разжечь войну против Сербии использовали в этих целях версию о так называемой славянской опасности, будто бы угрожавшей самому существованию австро-венгерского государства.

Уже 30 июня 1914 г., т. е. всего лишь через два дня после покушения Гаврилы Принципа на Франца Фердинанда, венская полуофициозная газета «Райхспост» опубликовала сенсационную статью, сообщив о том, что убийство австрийского престолонаследника было запланировано в Белграде и Петербурге. «Сербской агитацией руководила Россия, пора с ней рассчитаться», — говорилось в статье³.

Немецкая газета «Ляйпцигер неусте нахрихтен» пошла еще дальше, предсказывая, что события в Боснии могут стать поворотным пунктом в истории не только австро-сербских отношений, но и всей Европы: «У гроба Франца Фердинанда стоит сама судьба Австрии. У этого же гроба Австро-Венгрия должна решить, даст ли она и дальше возможность славянству душить германство или примет серьезные меры защиты»⁴.

Вслед за прессой версию о «славянской опасности» подхватили правящие круги Австро-Венгрии и Германии, а затем и буржуазные публицисты. Впервые на уровне глав государств мысль о необходимости «разделаться» с Сербией была высказана в письме австрийского императора Франца Иосифа I императору Германии Вильгельму II, написанном 4 июля. «Покушение на моего бедного племянника, — говорилось в послании — прямой результат агитации русских и сербских панславистов, единственной целью которых является ослабление Тройственного союза и разрушение моей империи. Согласно всем показаниям, сделанным до сих пор, то, что произошло в Сараеве, было кровавым деянием не одного человека, но хорошо организованным заговором, нити которого тянутся в Белград, и хотя, вероятно, будет невозможно доказать соучастие сербского правительства, нельзя,

по-видимому, сомневаться в том, что политика последнего, направленная на объединение всех южных славян под сербским флагом, только способствует подобным преступлениям и что сохранение такого положения вещей составляет постоянную опасность для моего дома и для моих стран». Франц Иосиф настаивал на экзекуции Сербии, называя Белград «гнездом революционеров и разбойников». «Усилия моего правительства, — подчеркивал он, — должны быть направлены отныне к изоляции и умалению Сербии»⁵.

Письмо Франца Иосифа полно противоречий. С одной стороны, его автор заявлял, что нити сараевского заговора тянутся в Белград, с другой — он же писал о невозможности доказать соучастие в нем сербского правительства. Обвиняя Сербию в проведении подрывной агитации против дома Габсбургов, император Австрии игнорировал вопрос о внутренних причинах недовольства южнославянского населения монархии системой дуализма. Наконец, письмо в искаженном виде трактовало вопрос об отношении правящих кругов дунайской империи к самому факту убийства австрийского престолонаследника. По словам Франца Иосифа, для двора это была «невосполнимая утрата». Однако в действительности кончина Франца Фердинанда, который намеревался реорганизовать милую сердцу монарха систему дуализма, как было сказано выше, не вызвала у главы государства особых горестных чувств⁶.

Политический обозреватель лондонской «Таймс» Генри Уикхэм Сид, комментируя эту часть письма монарха, обвинил его в неискренности. «Эрцгерцога похоронили, как собаку», — констатировал он⁷.

Эксплуатируя имя престолонаследника, правящие круги Австро-Венгрии и военщина преднамеренно развернули шовинистическую антиславянскую кампанию. «Кровь эрцгерцога и его супруги вопиет к небу», — писала «Райхспост» 30 июня⁸. 1 июля та же газета в статье «До каких пор» призывала «культурный Запад» к войне против «возмутительного варварства славян»⁹.



Франц Иосиф роет могилу Сербии.
Карикатура из газеты
«Вечернее время» (1914 г.)

Выдвигая версию о славянской опасности, правящие круги Австро-Венгрии преследовали две цели: стабилизировать при помощи войны внутреннее положение в империи и одновременно обосновать экспансионизм монархии во внешней политике.

В стране при кажущейся стабильности режима наблюдались все возрастающие кризисные явления, одним из проявлений которых было обострение национального вопроса. «Мы живем в эпоху национальных объединений, и сквозь всю нашу политическую жизнь проходит национальный дух», — отмечал посланник Австро-Венгрии в Бухаресте граф Оттокар Чернин, имея в виду развитие центробежных движений не только среди славян, но и среди других народов многонациональной монархии Габсбургов¹⁰.

«Лоскутная империя», как называли ее современники, была своего рода понсенсом в ряду других государственных образований Европы. Ее особенностью являлось то, что проживавшие на ее территории народы (хорваты, словенцы, сербы, чехи, словаки, поляки, украинцы, румыны), составляя абсолютное большинство населения (почти две трети), находились в подчинении у меньшинства — австрийцев и венгров. Они не только не имели с ними равных прав и политических свобод, но и подвергались со стороны последних эксплуатации. При этом не было полного равенства и между самими господствующими нациями: австрийские немцы фактически имели больше преимуществ, чем венгры, хотя формально обе половины монархии считались в правовом отношении равными, располагая своими собственными национальными правительствами. Особенно заметно противоречия в рамках дуализма сказывались в экономической сфере, а также в военном строительстве, в области народного просвещения, языка и культуры. Более сильный австрийский империализм господствовал на мадьярском рынке, кадровый состав верхушки имперской армии формировался главным образом из австрийского дворянства, немецкий язык имел общегосударственное значение, двор императора находился в Вене, а не в Будапеште, куда австрийский монарх (он же король Венгрии) посылал наместника. (Венгрия имела при дворе министра — представителя королевства Св. Иштвана.) Для решения общеимперских проблем созывались совместные заседания правительств обеих частей монархии, при принятии бюджета государства и утверждении законов организовывались встречи австрийской и венгерской делегаций). Кроме того, имелись три общегосударственных министерства — иностранных дел, военное министерство и министерство финансов Австро-Венгрии, которое ведало также управлением Боснии и Герцеговины, считавшихся «общей территорией» Австрии и Венгрии. Они со своими учреждениями тоже находились в Вене, в которой, таким образом, был сосредоточен огромный чиновничье-бюрократический аппарат, оказавший влияние на политическую жизнь страны.

Сложная и алогичная дуалистическая система порождала противоречия в экономической и политической сферах. Австрий-

ский рейхсрат, венгерский парламент, местные ландтаги, саборы и сеймы превращались в арену острых схваток представителей различных политических партий, фракций и общественных течений¹¹. «Ни в одном деревенском кабаке не происходит таких диких сцен, как в нашем парламенте», — отмечал редактор журнала «Эстеррейхише рундшау» Л. Хлумецки¹². Весной 1914 г. рейхсрат был распущен и с тех пор не созывался вплоть до мая 1917 г. Вскоре была прекращена работа провинциальных парламентов. в частности, во всех южнославянских землях, кроме Хорватии. Наступил крах буржуазного парламентаризма как государственной системы¹³.

В стране нарастали также социальные антагонизмы, массовый характер принимало забастовочное движение рабочего класса¹⁴. «В настоящее время, — констатировал орган австрийских промышленных и финансовых кругов журнал „Эстеррейхише фолксвиртшафт“, — рабочий вопрос и вопрос о национальностях Австро-Венгрии приобрели исключительное значение. От их разрешения зависит судьба самой империи»¹⁵.

Правящие круги видели два выхода из создавшегося положения: во избежание революции осуществить реформу дуализма или ужесточить режим для подавления национальных и социальных движений. Сторонниками первой точки зрения были покойный престолонаследник и его группа, получившая название «бельведерской» по имени резиденции принца. Другой позиции придерживались пангерманисты и большинство военных во главе с начальником генерального штаба Австро-Венгрии генералом Францем Конрадом фон Гетцендорфом. «Нам нужны не реформы, а твердость в национальной политике», — с таким заявлением, например, выступил 7 мая 1914 г. в рейхсрате лидер пангерманистов Карл Герман Вольф¹⁶. Генерал Конрад настаивал на превентивной войне с Сербией, утверждая, что только она может привести к консолидации наций и укреплению внутреннего положения в стране.

Орган австрийской крупной буржуазии и военщины журнал «Эстеррейхише рундшау» писал за две недели до Сараева: «Наше внутреннее положение вынуждает нас подчеркнуть нашу силу вовне». И далее: «Внутренняя политика ожидает спасения от могучего, идущего извне, толчка»¹⁷, т. е. войны. Военная кампания против Сербии, по мнению правящих кругов монархии, способствовала бы также осуществлению внешнеполитических целей австро-венгерского империализма на Балканах. «Будущее Австро-Венгрии — на Балканах», — утверждал Конрад¹⁸. Идентичную точку зрения выражала буржуазная печать, в том числе венгерская. «Завоевание Сербии, — писала, например, газета „Будапешти хирлап“, — обеспечит нашей торговле свободный путь на Балканы»¹⁹.

Военная кампания против Сербии преследовала еще одну задачу — помешать сербскому государству объединить вокруг себя югославянские земли.

Унионистское движение среди хорватов, словенцев и сербов, проживавших в Австро-Венгрии, набирало силу, а Сербия после побед, одержанных ею в балканских войнах 1912—1913 гг., все больше превращалась в центр притяжения для австрийских славян, во второй Пьемонт. Министр-президент Австрии граф Карл Штургк откровенно предупреждал правительство об этой опасности. «Падение нашего престижа весьма ощутимо,— констатировал он.— Ослабление сил нашей монархии и неожиданные успехи балканских государств, произвели на наше югославянское империаментное население самые сильные впечатления. Среди населения растет неверие в силы монархии: многие считают, что Далмация и Приморье будут потеряны империей»²⁰.

Милитаристские круги резко критиковали правительство за нерешительные действия во время балканских войн, когда Австро-Венгрия упустила возможность осуществить интервенцию в Сербию. «Наша политика была глупой и фальшивой, теперь она стала еще и трусливой»,— заявил бывший начальник военной канцелярии эрцгерцога майор Александр Броош²¹. Сам эрцгерцог незадолго до своей смерти произнес знаменитую фразу, облетевшую двор: «Мы сошли со сцены как великая держава... Скоро мы станем тем, что в нас видят южные славяне — гнилой монархией»²².

Удобным предлогом к войне явилось сараевское убийство. Об этом прямо заявляли военный министр генерал Александр Кробатин и Конрад фон Гётцендорф. С ними солидаризовался министр иностранных дел и императорского двора граф Леопольд Берхтольд, т. е. глава австро-венгерского правительства. В венских салонах ходила поговорка «Besser ein Ende mit Schrecken als Schrecken ohne Ende» («Лучше конец со страхом, чем страх без конца»)²³.

В пользу немедленной войны с Сербией, по мнению сторонников «конца со страхом», говорили неподготовленность к войне покровительницы Сербии России и, напротив, сверхготовность вступить в нее союзной Германии. «Момент для нас благоприятен,— писала газета „Милитерише рундшау“ 2 июля 1914 г.— Если мы не решимся на войну теперь же, то война, которую мы вынуждены будем вести не позже, чем через два—три года, начнется при гораздо менее благоприятных для нас обстоятельствах. Теперь инициатива находится в наших руках. Россия к войне не готова. Моральный фактор и право — на нашей стороне, так же, как и сила. Поскольку ранее или позже, мы все равно вынуждены будем вступить в войну, то лучше вызвать ее сейчас же»²⁴.

Представители военной партии действовали напористо. 30 июня, т. е. всего лишь через два дня после покушения в Сараеве, к Берхтольду явился генерал Кробатин и предложил объявить частичную мобилизацию войск в приграничных с Сербией районах. На вопрос Берхтольда: готова ли армия, он ответил утвердительно, хотя вооруженные силы страны были еще не готовы

ж войне²⁵. Аналогичные заверения первый министр получил от генерала Конрада²⁶.

Однако, прежде чем решиться на войну с Сербией надо было прояснить два вопроса: какую позицию займут Россия и Германия в австро-венгро-сербском конфликте и как отнесется к войне с Сербией глава венгерского правительства граф Иштван Тиса. Последний имел значительный авторитет у императора, и от его позиции зависело многое.

Граф Тиса лавирует

О роли Тисы в политической жизни австро-венгерского государства и его особой точке зрения на австро-сербский конфликт написана значительная литература, принадлежавшая перу как его современников, так и более поздних летописцев. Важнейшими источниками о деятельности министра-президента Венгрии являются «Письма графа Тисы», изданные в Берлине²⁷ и «Протоколы общего министерского совета Австро-венгерской монархии», опубликованные в Будапеште.

Кроме того, как утверждает современный венгерский историк Антал Йожа, сохранились также семейные архивы Тисы, которые, однако, не разобраны до сих пор, так как по существующей на Западе традиции являются собственностью семьи графа, а не государства.

Чем же отличалась позиция этого видного государственного деятеля, которого называли «некоронованным королем Венгрии»? Его авторитет и влияние действительно были велики, о чем говорит, например, следующее высказывание эрцгерцога Франца Фердинанда: «Когда Тиса где-нибудь появляется, все ползает перед ним на брюхе»²⁸. Тиса, в свою очередь, заявлял: «Если престолонаследник, став императором, выступит против Венгрии, я подниму против него национальную революцию»²⁹.

Родители Тисы и в молодости он сам разделяли идеи Лайоша Кошута. В юности Иштван Тиса, отличаясь вспыльчивостью характера, часто дрался на дуэлях, позже ограничивался словесными поединками с оппозицией, что тоже, впрочем, требовало мужества: в венгерском парламенте туристам до сих пор показывают пулю, засевшую в стене после выстрела в графа его политического противника.

К концу жизни Тиса однако сильно поправел и стал лидером монархизма и консерватизма. Во время революции 1918 г. граф был убит повстанцами в своем доме.

Как и другие представители правящих кругов дунайской империи, граф Тиса объяснял внутривосточный кризис многонациональной монархии центробежными движениями славянских народов и румын, и даже в большей степени, чем австрийские национальности, выступал против предоставления югославам и румынам равных прав с господствующими нациями.

Отрицательное отношение министра-президента Венгрии к войне с Сербией объяснялось рядом причин. Одной из них являлось опасение, что в результате присоединения территории Сербии к монархии произойдет усиление славянского элемента, что может привести к реорганизации дуалистической системы в триалистическое или федеративное государство.

Тиса считал, что для объявления войны с Сербией необходимо дать более веское обоснование, не ограничиваясь надуманным обвинением ее правительства в организации сараевского убийства. Наконец, Тиса выражал сомнения в готовности вооруженных сил монархии к войне, которая может перерасти в конфронтацию с Россией. Вот почему он высказывался за решение спора с Сербией дипломатическим путем.

Впервые эту точку зрения граф Тиса высказал в личном письме Францу Иосифу от 30 июня. В письме говорилось: «Только что я получил возможность побеседовать с графом Берхтольдом, который заявил о своем намерении использовать ужасное сараевское злодеяние, чтобы окончательно рассчитаться с Сербией. Я не скрыл от графа Берхтольда, что это было бы, по моему мнению, фатальной ошибкой и что я не могу ни в коем случае взять за это ответственность на себя. Пока что мы не имеем достаточных доказательств виновности Сербии, чтобы объявить ей войну. Мы оказались бы в самом невыгодном положении перед Европой, которая могла бы взвалить на нас ответственность за нарушение мира»³⁰.

Тиса рекомендовал сначала добыть доказательства виновности Сербии в организации сараевского заговора, а потом вручить ей ультиматум, заставив Белград пойти на дипломатическое унижение перед лицом всей Европы.

Идентичный совет он дал участникам объединенного заседания правительства Австро-Венгрии, состоявшегося 2 июля³¹, и отдельно в конфиденциальном письме имперскому министру финансов графу Билинскому от того же числа³². Тиса упрекнул Билинского в том, что по распоряжению военного генерал-губернатора генерала Оскара Потioreка и с санкции министра в провинции было введено чрезвычайное положение, обострившее и без того критическую ситуацию, при которой администрации так и не удалось добыть доказательства виновности Сербии.

Этому вопросу глава венгерского правительства придавал большое значение, о чем свидетельствует его строго секретное письмо бану Хорватии барону Ивану Шкерлецу от 10 июля. Тиса по собственной инициативе поручал бану во чтобы то ни стало добыть столь необходимые ему компроматериалы. «Мы,— писал он,— собираем точные данные об агитации Сербии против нас, факты, которые могут подтвердить ее участие или участие сербских официальных кругов (в работе) против монархии. Прошу тебя прислать мне их немедленно, а то никто ничего не знает об этих материалах... Особенно важны компрометирующие документы»³³.

В Сараево со специальным заданием уличить сербское правительство в соучастии в заговоре выехал начальник юридического отдела МИД Австро-Венгрии Фридрих фон Визнер, но, несмотря на все старания, он так и не сумел добыть нужные документы. Вернувшись ни с чем в Вену, Визнер заявил, что «прямых свидетельств соучастия Белграда в сараевском заговоре найти не удалось»³⁴. Это не помешало ему уже после окончания войны опубликовать в журнале «Берлинер монатсхефте» сенсационную статью о связях заговорщиков с принцем-регентом Сербии Александром. Автору, однако, снова не удалось привести в пользу своей версии доказательств³⁵.

Долгое время (вплоть до середины июля) Тиса продолжал стоять на своем, доказывая рискованность для Австро-Венгрии начала войны «при неблагоприятных международных условиях».

Имперская армия, несмотря на легкомысленные заверения военного министра, и в правду не была готова к затяжной войне. Она стояла на последнем месте среди ведущих армий Европы по техническому оснащению и артиллерии. По данным командующего Восточной группы войск генерала А. Краусса, запас артиллерийских снарядов на одно орудие в имперской армии составлял в 1914 г. 500 штук, т. е. столько, сколько имела слабо вооруженная русская армия до японской войны³⁶. Австро-венгерские войска были плохо обучены современному военному искусству: из 9 млн мобилизованных в армию военное обучение получили только 3 млн³⁷. Явно недостаточными были экономические ресурсы дунайской империи. В стране не имелось топливно-сырьевой базы, способной обеспечить военную промышленность. Сельское хозяйство, правда, находилось в несколько лучшем состоянии, но и оно не покрывало внутренние потребности страны³⁸.

Существенной слабостью австро-венгерских вооруженных сил были национальные противоречия в армии. Командный состав состоял главным образом из представителей господствующей австрийской нации, отчасти венгров, еще в меньшей степени из «мадьяризованных» хорватов; солдатскую же массу представляли не только австрийцы, но и неравноправные народы, которым были чужды интересы господствующих слоев населения³⁹.

Уже первые бои показали правоту Тисы и генерала Краусса: Сербии и России добровольно сдавались в плен нередко целые воинские подразделения, укомплектованные югославянами, чехами, поляками и венграми.

Тиса справедливо опасался и неблагоприятной реакции на агрессивные действия Австро-Венгрии со стороны не только держав Антанты, но и собственных союзников Италии и Румынии.

7 июля в очередной раз он высказал свои сомнения на заседании объединенного Совета министров Австрии и Венгрии⁴⁰, о чем свидетельствует его конфиденциальное письмо императору от 8 июля: «Все вчерашние участники заседания Совета министров согласились с необходимостью расправиться с Сербией, нашим старым неприятелем. Я, однако, не мог принять это предло-

жение. Нападение на Сербию может вызвать интервенцию России и привести к мировой войне... Во всяком случае мы начали бы войну при очень неблагоприятных условиях, если сейчас приступим к сведению счетов с Сербией... Надо предоставить Сербии возможность избежать войны ценой ее великого унижения». Тиса писал далее, что необходимо предотвратить столкновение Австро-Венгрии с Италией, обеспечить симпатии Англии, а также сделать все для того, чтобы Россия осталась сторонним наблюдателем. Правительство монархии, советовал Тиса, во всяком случае должно выступить с заявлением, что дунайская монархия не стремится уничтожить Сербию и аннексировать ее ⁴¹.

Только 14 июля Тиса изменил свою первоначальную точку зрения и дал санкцию на войну ⁴². Этому способствовали три причины: переход подавляющей части депутатов венгерского парламента (в том числе оппозиции) на сторону военной партии ⁴³, решительная поддержка милитаристских настроений Вены Германией и иллюзорное представление самого Тисы о том, что царская Россия все же не осмелится вступить в войну с Германией и ограничится в конечном счете одними угрозами ⁴⁴.

Русско-австрийские отношения в начале июльского кризиса

Первое время официальные отношения между Веной и Петербургом не вызывали каких-либо серьезных осложнений. В обеих столицах не собирались обострять обстановку, в Вене попытались даже воздействовать на легитимистские чувства царя и Сазонова, убедив их в необходимости организации единого фронта монархической Европы против сербов-революционеров. На эту тему с царским министром иностранных дел неоднократно говорил австро-венгерский посол в Петербурге граф Фридрих Сапари фон Сапар, а в Вене — Берхтольд с князем Н. А. Кудашевым, заменившим посла Н. Н. Шебеко. «Существование Австро-Венгрии, — заявил Берхтольд Кудашеву, — необходимо для европейского равновесия, в этом, как я думаю, убеждены и государственные люди России, которые не желают развала Австро-Венгрии и должны поступать в интересах сохранения монархического равновесия» ⁴⁵.

Однако царское правительство не клюнуло на эту удочку. Монархические чувства царя отступали на второй план перед империалистическими интересами. После неудачи на Дальнем Востоке Петербург выдвинул доктрину: «Назад, в Европу!». Балканы стали играть все возрастающую роль в экономических, политических и военно-стратегических планах Российской Империи. Бурное развитие капитализма на юге страны делало Черноморские проливы основной торговой артерией. Через Босфор и Дарданеллы в 1914 г. Россия вывозила свыше 47% своей продукции, в том числе товарного хлеба. Балканский полуостров

занимал видное место в военно-стратегических планах царизма.

Российский империализм, хотя и не восстановил еще полностью свои силы после Цусимы, нацелился на Средиземное море, северо-восточную Африку, Малую Азию и Персию.

Сербия, являвшаяся по образному выражению венгерской газеты «Уйвидеки хирлаа» воротами на Балканы, занимала важное место в экспансионистских замыслах Петербурга⁴⁶. Она, по расчетам царского министра иностранных дел С. Д. Сазонова, могла стать центром возрожденного Балканского союза, в состав которого в перспективе предполагалось включить Турцию и Румынию. В случае мировой войны этот союз стал бы левым флангом для русских армий, обеспечив Антанте стратегическое преимущество в борьбе с австро-германским блоком. Но эти планы пока что были лишь «хрустальной мечтой» царского министра. Сначала надо было сохранить то, что имелось: позицию в Сербии и союз с Черногорией. Их потеря была бы равносильна окончательной утрате позиций, занятых Россией на Балканах. В последнее время положение Российской Империи в этом регионе и без того было безрадостным. Греция после восшествия на престол в 1913 г. короля Константина I, женатого на сестре Вильгельма II Софии, могла вот-вот примкнуть к германскому блоку, в Румынии престарелый, но все еще властвующий король Карл I Гогенцоллерн-Зигмаринген придерживался прогерманской ориентации, а коварный премьер Румынии Иоэль Брэтиану вел себя двусмысленно. Еще более ненадежен был болгарский царь Фердинанд I Кобург, который, по данным российского посланника в Софии А. А. Савинского, вел закулисные переговоры с Австро-Венгрией и Германией. Словом, отступать было некуда.

Это хорошо понимали в Петербурге. «Отступление, — заявил Сазонов, — не только позорно, но и опасно». Эта фраза облетела всю Европу...⁴⁷

Российское правительство решило действовать при помощи давно испытанных средств — от скрытого давления до военных угроз и гласных посулов. С одной стороны, оно посоветовало Сербии вступить в переговоры с Австро-Венгрией по поводу улучшения в ее пользу условий экономических связей. В результате Никола Пашич предложил Берхтольду пересмотреть соглашение о юго-восточных железных дорогах, разрешив австрийцам провозить на льготных для себя условиях товары в Салоники через территорию Сербии. С другой стороны в Петербурге дали ясно понять, что в случае военного нападения Австро-Венгрии на Сербию Россия не останется равнодушной, а выступит в поддержку последней⁴⁸. Пригласив временного поверенного в делах Австро-Венгрии в России Отто Чернина, Сазонов сказал: «Не вступайте на этот путь — он опасен»⁴⁹. По его поручению посол в Вене Н. Н. Шебеко высказал то же самое неофициально в кулуарах одного из дипломатических приемов, рассчитывая, что его слова станут известны графу Берхтольду. «Российская Империя, — сказал Шебеко, — не может остаться мирной и не под-

пять оружия в защиту Сербии... Сербская война перерастет в общеевропейскую⁵⁰. Идентичное предупреждение, но тоже не прямое, а через итальянского посла в Петербурге маркиза Карлотти сделал начальник канцелярии МИД барон М. Ф. Шиллинг. В беседе с Карлотти он заявил, что «Россия не может остаться в стороне, если Австро-Венгрия нарушит целостность и независимость Сербии», и спросил, какова будет позиция Италии в случае войны. Карлотти увернулся от прямого ответа, сказав, что в Вене, по имеющимся данным, не только не собираются воевать, но и надеются на то, что и Россия не ввяжется в конфликт. При этом итальянский посол посоветовал Шиллингу предупредить о настроениях русского правительства непосредственно Вену, а не использовать для этого Италию. «Было бы полезней,— сказал он,— чтобы в Вене знали о том, как поступит (в случае военного конфликта.— Ю. П.) Петербург». «Почему бы вам не сказать этого прямо?» — задал Карлотти коварный вопрос.

Барон Шиллинг, в свою очередь, ушел от ответа, заметив, что Австро-Венгрия расценила бы этот шаг как ультиматум, что привело бы к обострению и без того острой ситуации. «Все-таки будет лучше, если это скажут в Риме», — сказал он.

Карлотти, как и следовало ожидать, не дал каких-либо обещаний, и взаимный зондаж закончился ничем⁵¹.

Впрочем, в Италии из разговора Шиллинга с Карлотти все же сделали выводы, но совсем не те, на которые рассчитывали в Петербурге. Воспользовавшись усилением напряженности в австро-русских отношениях, в Риме решили оккупировать албанский порт Валону. 18 июля граф Сапари телеграфировал Берхтольду: «Намерение Италии вторгнуться в южную Албанию здесь (в Петербурге.— Ю. П.) встречено с тревогой и связывают с нашими шагами против Сербии»⁵².

Царское правительство, в свою очередь, предприняло меры по оказанию Сербии помощи военными материалами. 3 июля глава сербского правительства Пашич получил известие из военного министерства России за подписью генерала Беляева, и. о. начальника Генерального штаба о том, что Россия готова направить в Сербию 120 тыс. ружей и 120 млн штук патронов (на это была получена санкция царя). Однако генерал Беляев воздержался от отправки в Сербию артиллерийских орудий, о чем просил российское правительство Н. Пашич в письме от 2 февраля. «Артиллерия,— писал генерал,— крайне нужна самой русской армии»⁵³.

Названные документы свидетельствуют, что в середине июля Россия еще воздерживалась от широкой военной помощи Сербии, рассчитывая на мирный исход австро-сербского конфликта. Царское правительство ограничивалось в это время «решительными заявлениями» самого общего характера.

Покойный Франц Фердинанд был прав, сказав Вильгельму II на встрече в Конопиште, состоявшейся в октябре 1913 г., что Россия вряд ли решится на войну с Австро-Венгрией и Германией. «Внутренние затруднения (в России.— Ю. П.) слишком ве-

лики. — заметил эрцгерцог, — чтобы она смогла вести наступательную внешнюю политику»⁵⁴.

Это обстоятельство следует иметь в виду при оценке деятельности царской дипломатии в первый период июльского кризиса, который продолжался вплоть до 23 июля, т. е. до того дня, когда Австро-Венгрия, вручив Сербии ультиматум, «бросила перчатку» и самой России. Позиция Петербурга определялась также еще одним фактором — неуверенностью в поддержке Англии. Последняя вела двойственную политику, не давая ответа на вопрос о том, какую позицию она займет в случае войны Франция и России с державами германского блока.

Непревзойденными мастерами такой политики были статс-секретарь по иностранным делам Великобритании сэр Эдуард Грей и его помощник Артур Никольсон. Последний на какое-то время сумел убедить маловерчивого посла России в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа, что Австро-Венгрия будет проводить менее агрессивную политику, чем в 1913 г., сославшись на кончину лидера военной партии Франца Фердинанда. У австрийского императора, сказал он, теперь нет людей, которые могли бы возглавить армию⁵⁵.

Грей, отвергая всякую мысль о посредничестве в сербско-австрийском споре, подталкивал в то же время Россию к вмешательству в разгоравшийся конфликт. Это ему принадлежала идея личного обращения царя к австрийскому императору. Он же советовал Сазонову проявлять «гибкую твердость» в отношении Австро-Венгрии, т. е. не останавливаться перед угрозой военного столкновения в случае упорства Вены. «На месте Сазонова, — толковывал он Бенкендорфу, — я бы пригласил к себе австро-венгерского посла и, ссылаясь на сообщения печати о предполагаемом шаге (Вены. — Ю. П.) в отношении Белграда, предупредил бы его о сербофильских настроениях в России и о возможных его результатах (т. е. войне. — Ю. П.), если дело дойдет до кризиса, грозящего непредсказуемыми последствиями. Тем самым Россия могла бы удержать Австро-Венгрию в рамках разумности»⁵⁶.

Статс-секретарь по иностранным делам Великобритании заявил, что он дал английскому посланнику в Белграде де Гра



Э. Грей, английский министр иностранных дел в 1905—1916 гг.

указание выяснить насколько справедливы обвинения, предъявляемые Австро-Венгрией Сербии: «Если австрийцы докажут, что заговор, который привел к убийству Франца Фердинанда, был подготовлен на территории Сербии и приведут основательные аргументы в пользу своих жалоб на Сербию, то де Гра должен настоять на том, чтобы сербское правительство дало серьезные гарантии того, что идентичные заговоры против Австро-Венгрии больше не повторятся». Говоря об австро-русских отношениях, Грей повторил Бенкендорфу о желательности локализовать конфликт участием в нем Сербии и Австро-Венгрии, а если это не удастся, то Сербии и России, с одной стороны, и Австро-Венгрии и Германии — с другой. Британия, заявил Грей, не хочет ввязываться в конфронтацию.

Такая позиция руководителя британского внешнеполитического ведомства мало устраивала Сазонова, который хотел бы знать не то, что Грей предпринял бы, «находясь на его месте», а что он собирается сделать сам в своем собственном кабинете.

В эти полные тревог и волнений июльские дни «темнили» не только англичане, но и австрийцы и немцы.

В Петербурге и Белграде знали, что в Вене что-то готовится, но австро-венгерское правительство, а также Берлин сохраняли олимпийское спокойствие, заверяя Европу в отсутствии у германского блока каких-либо воинственных намерений.

18 июля из отпуска в Петербург прибыл австро-венгерский посол граф Фридрих Сапари фон Сапар и первым делом посетил российский МИД. Сапари, рассказывал С. Д. Сазонов М. Ф. Шиллингу о своей беседе с ним, был «кроток, как ягненок»⁵⁷. Однако не прошло и пяти дней, как этот «ягненок» обнажил свои волчьи зубы — 23-го того же месяца Австро-Венгрия вручила Сербии ультиматум.

На Балльхаузплатце в тиши кабинетов полным ходом шла разработка этой ноты, а правительство все делало для того, чтобы ввести в заблуждение Сербию и Россию. В газетах было объявлено об уходе в отпуск военного министра генерала Кробатина и начальника генерального штаба генерала Конрада. Из Вены в загородную резиденцию в Ишле отбыл император Франц Иосиф, там же безвылазно находился и первый министр граф Берхтольд. Австрию и Германию наводнили русские туристы-путешественники, на воды в чешский Мариенбад (Мариански Лазни) собирался приехать сам глава правительства сербского государства Н. Пашич.

20 июля, за три дня до отправки ультиматума, прозвучал первый тревожный сигнал, заставший Сазонова врасплох. В германском полуофициозе, газете «Норд дойче аллгемайне цайтунг», было напечатано сообщение о том, что в скором времени Европе станут известны подробности участия Сербии в организации сараевского убийства, что позволит Австро-Венгрии предъявить сербскому правительству конкретные обвинения⁵⁸.

Небезынтересно, что одновременно Сазонов получил от Н. Па-

пища письмо (от 19 июля) о готовности Сербии вступить в переговоры с Австро-Венгрией на двусторонней основе⁵⁹. В нем говорилось, что сербское правительство может пойти «навстречу всем требованиям Австро-Венгрии, если они не задевают честь и национальное достоинство сербского государства»⁶⁰.

Рано утром за один день до ультиматума Сазонов направил Н. А. Кудашеву телеграфное предписание следующего содержания: «Согласно сведениям, которые поступают ко мне с разных сторон, Австро-Венгрия готовится предъявить Белграду разные требования в связи с сараевскими событиями. Предупредите дружески, но со всей определенностью министра иностранных дел об опасных последствиях, которые может вызвать такой шаг, если он будет направлен для Сербии (т. е. касаться Сербии — Ю. П.) с точки зрения ее достоинства. Из моих разговоров с Вивиани видно, что и Франция сильно озабочена развитием австро-сербских отношений и что она так же не склонна допустить неоправданное унижение Сербии⁶¹. Французскому посланнику в Вене поручено преподать австро-венгерскому правительству совет — проявить умеренность. И в Лондоне серьезно обсуждают намерение Австро-Венгрии довести дело до международного конфликта из-за сараевских событий. Английское правительство поручило своему послу в Вене предпринять шаги в этом направлении. Я еще надеюсь, что в Вене победит течение противников войны и что великие державы предостерегут Австро-Венгрию от непоправимого шага. Прежде чем предпринять этот демарш перед графом Берхтольдом, согласуйте ваши действия с французским и английскими коллегами, но имейте в виду следующее: чтобы избежать нежелательного обострения вопроса, ваш демарш не должен быть ни объединенным, ни одновременным»⁶².

Князь Кудашев в строгом соответствии с этим поручением направился в министерство иностранных дел Австро-Венгрии, но не застал на месте Берхтольда, который, по словам его помощника барона Макио, уехал к императору в Ишль. Сам Макио, сославшись на отсутствие у него полномочий, отказался принять этот документ, и Кудашев был вынужден передать его содержание Берхтольду по телеграфу. До сих пор остается загадкой, дошла ли эта телеграмма до министра.

Австрийский историк Хуго Ханч в книге «Леопольд граф Берхтольд: Вельможа и государственный деятель» утверждал, что имперский министр так и не получил этого предупреждения Сазонова⁶³. Но у нас нет оснований обвинять в плохой работе австрийский телеграф. Он всегда находился на высшем европейском уровне.

Н. А. Кудашев известил С. Д. Сазонова о выполненном им поручении 22 июля в 14 часов пополудни. Министр провел спокойно лишь одни сутки. На рассвете 24 июля его разбудила срочная телеграмма из Петербурга о вручении Австро-Венгрии ультиматума Сербии. К этому шагу монархию Габсбургов подтолкнуло правительство немецкого кайзера.

Миссия Гойоса и позиция Германии

Как уже говорилось, для австро-венгерского правительства решающее значение имела поддержка его действий Германией. С этой целью в Берлин 5 июля была направлена специальная миссия во главе с начальником канцелярии министра иностранных дел графом Александром Гойосом. О переговорах писали еще современники, но многие подробности этих встреч стали известны сравнительно недавно, после того, как австрийскому историку Ф. Фелльнеру удалось ознакомиться с секретным досье Гойоса, хранящимся в его фамильном архиве в замке Швертберг⁶⁴.

Судя по всему, семья графа, принадлежавшая к одной из самых знатных фамилий, пользовалась особым доверием императора. Франц Иосиф передал, например, в этот архив наиболее деликатные документы Габсбургов, в том числе бумаги о загадочном самоубийстве его сына Рудольфа в Маерлинге в 1889 г.

Гойос был заметной фигурой в министерстве, через его руки проходила вся дипломатическая переписка, он подготавливал материалы для министра, в его непосредственном подчинении находились многие чиновники внешнеполитического ведомства на Балльхаузплатце.

Гойос и его единомышленники из группы так называемых молодых львов придерживались крайних взглядов, высказываясь за войну с Сербией⁶⁵. Для достижения этой цели они готовы были пойти на любые средства, вплоть до подготовки провокаций. Так, не веря в причастность Сербии и России к сараевскому заговору, Гойос тем не менее ратовал за расправу с Сербией. «Я, — признавался он, — никогда не верил в то, что убийство эрцгерцога Франца Фердинанда было подготовлено и осуществлено при участии правящих кругов Белграда и Петербурга»⁶⁶. Это, однако, не помешало тому же Гойосу активно поддерживать официальную версию об ответственности Сербии за сараевскую трагедию.

Таких же взглядов придерживался и другой лидер группы «молодых львов» секретарь министерства барон Александер Мусулин, один из авторов ультиматума. Начав карьеру при покойном министре А. Эрентале, он снискал сомнительную славу составителя провокационных документов. В 1909 г. Мусулин разработал проект ультимативной ноты Сербии, которая едва не привела к войне; в 1914 г. он снова взялся за прежнее ремесло. Экстремистские элементы из группы «молодых львов» играли значительную роль в министерстве, оказывая влияние на самого министра графа Леопольда Берхтольда.

Но вернемся непосредственно к берлинским переговорам. В конце войны в Германии была предпринята попытка преуменьшить их значение, свалив ответственность за конфликт Австро-Венгрии с Сербией только на одну габсбургскую монархию. В таком духе, например, выступил в рейхстаге в 1917 г. канцлер Германии Георг Михоэлис, утверждавший, будто Германия удержи-

вала Австро-Венгрию от агрессивных действий на Балканах, но австрийская империя предприняла их на свой страх и риск⁶⁷. Документы опровергают эту лживую версию. Так, граф Гойос в письме бывшему австро-венгерскому послу в Италии Каэтану Мерею, написанном в июле 1917 г., подтвердил, что в ходе июльских переговоров заместитель статс-секретаря Германии по иностранным делам Артур Циммерман заверил Гойоса в безусловной поддержке Германией планов Австро-Венгрии. Не ограничившись этим, он дал понять, что его правительство даже заинтересовано в приближении сроков войны⁶⁸. «Если войне суждено быть, пусть она вспыхнет сейчас, а не через один-два года, когда Антанта станет более опасной», — заявил он⁶⁹. Позиция Германии на переговорах была раскрыта также австро-венгерским послом в Берлине Ладислаусом Сегеньи. В депеше Берхтольду от 12 июля он писал: «Император Вильгельм и все руководящие здесь лица не только твердо стоят как верные союзники за монархию, но и самым решительным образом подбадривают нас не упустить нынешний момент»⁷⁰.

По словам Сегеньи, германская сторона аргументировала свою позицию тремя соображениями: 1) неподготовленностью России к войне, 2) стремлением Англии сохранить нейтралитет и 3) благоприятным для Центральной коалиции предложением к войне, каким было сараевское убийство. «Германское правительство, — резюмировал Сегеньи, — считает момент наиболее подходящим (для войны. — Ю. П.) в политическом отношении»⁷¹.

Ф. Фелльнер в упомянутой выше работе сделал вывод, что не только Германия, но и Австро-Венгрия объективно подталкивали Европу к мировой войне. Это признавал и А. Гойос. 5 июля 1914 г. он записал в дневнике: «Мы сознаем, что такая политика может вызвать мировую войну»⁷².

Как свидетелиствуют документы, правительство кайзера было осведомлено о подготовке Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Впервые эти данные привел еще в 1925 г. видный английский историк Р. Ситон Уотсон в книге «Сараево»⁷³, в которой он опровергал утверждение немецкой историографии о том, что в Берлине ознакомились с текстом венской ноты только за один день до ее вручения.

Историк сослался на «Белую книгу», опубликованную министерством иностранных дел Германии, в которой говорилось, что первоначальный вариант венской ноты был доставлен Вильгельму II 10 июля 1914 г., а 17 июля с исправленным и дополненным текстом ультиматума ознакомился А. Циммерман, специально занимавшийся вопросами австро-сербского конфликта. Просмотрев текст, Циммерман одобрил его и сказал: «Требования Вены настолько серьезны, что Сербия вряд ли сможет их принять. Следствием этого будет война»⁷⁴.

Ситон Уотсон привел также следующее заявление Циммермана, сделанное австро-венгерскому послу в Берлине Ладислаусу Сегеньи: «Венское правительство известило нас о своей позиции

и запросило наше мнение. С открытым сердцем мы готовы дать нашей союзнице... заверение, что акция, которую она считает необходимой предпринять против Сербии... встречает наше одобрение. При этом мы хорошо понимаем, что в перспективе военные действия Австро-Венгрии против Сербии могут привести к выступлению России и вовлечь нас в войну в связи с нашими обязательствами по договорам. Исходя из жизненных интересов Австро-Венгрии, мы не можем не посоветовать нашей союзнице не уступать более, чтобы не потерять достоинство, и пообещали прийти ей на помощь и в этих тяжелых условиях. В связи со сказанным мы предоставляем ей свободу рук в отношении Сербии» ⁷⁵.

Однако, подталкивая Австро-Венгрию к войне, Германия не собиралась удовлетворять все ее интересы на Балканах, так как последние были предметом ее собственных вожделений.

17 июля 1914 г. руководитель германской дипломатии Готлиб фон Ягов предложил послу в Вене Генриху фон Чиршки разузнать подлинные планы Австро-Венгрии в отношении Сербии. «Вследствие дипломатической подготовки столкновений с Сербией,— предписывалось в инструкции,— важно знать, какие идеи имеют австро-венгерские государственные деятели. Это может оказать существенное влияние на позиции Италии, а также Англии» ⁷⁶.

Двойственная политика Германии по отношению к своему союзнику порождала недоверие в правящих кругах монархии Габсбургов. Скрытым противником курса на безусловное подчинение Германии был молодой престолонаследник Карл, который хотя еще и не имел решающего влияния при дворе, однако уже создал вокруг себя группу единомышленников, выступавшую за проявление Австро-Венгрией большей самостоятельности во внешней политике ⁷⁷.

Не доверял Германии и начальник имперского генерального штаба генерал Конрад. «Я убежден, что немцы равнодушны к нашим интересам,— сетовал он.— Германия лишь использует нас в своих целях в борьбе против Франции и России» ⁷⁸. Аналогичную позицию занимал и граф Иштван Тиса. Выражая интересы венгерской крупной буржуазии и аграриев, он был противником немецкой экономической экспансии на внутриимперском рынке.

При обсуждении проекта ультиматума в австро-венгерском правительстве и после возвращения в Вену А. Гойоса, исходя из приводившихся выше соображений, продолжал высказываться против аннексии Сербии и граф И. Тиса, предлагая сначала использовать дипломатическое давление ⁷⁹. «Если Сербия даст неудовлетворительный ответ или захочет оттянуть дело, тогда нужно ответить ультиматумом и по истечении последнего открыть военные действия,— советовал он.— Тем самым мы бы переложили ответственность за войну на Сербию» ⁸⁰.

Остальные члены правительства рекомендовали не заниматься «ненужными проволочками», а сразу приступить к делу. «Серб

понимает только силу», — заявлял имперский министр финансов Л. Билински. «С военной точки зрения, — указывал А. Кробатин, — я должен сказать, что было бы выгоднее начать войну немедленно, нежели позже, так как в будущем соотношение сил изменится к нашей невыгоде»⁸¹.

Эту позицию поддержала Германия. 8 июля Берхтольда посетил фон Чиршки и предложил ему приступить к «решительным действиям» против Сербии. Чиршки снова заверил австро-венгерское правительство в поддержке Германии «даже в случае вступления в войну России»⁸². Берхтольд передал слова Чиршки императору, последний санкционировал посылку Сербии ультиматума⁸³. К этому времени объединенными усилиями Берхтольда, Франца Иосифа и фон Чиршки удалось склонить на свою сторону и Тису.

14 июля на объединенном заседании Совета министров Австрии и Венгрии ультиматум был утвержден единогласно в принципе, а затем текст ноты тщательно шлифовали в министерстве иностранных дел, посылая его из одного отдела в другой. Чиновник австро-венгерского министерства иностранных дел Е. Кормонс писал в книге под интригующим заголовком «Таинственная судьба», что в министерстве хотели создать документ, который «удивил бы мир»⁸⁴.

И действительно ультиматум оказался необычным по своей наглости и цинизму документом, какого еще не знала Европа. Совет министров Австро-Венгрии перещеголяла лишь фашистская дипломатия.

Статс-секретарь Великобритании по иностранным делам сэр Эдуард Грей назвал венскую ноту «самым ужасным документом, который когда-либо передавался одним государством другому»⁸⁵; царский министр С. Д. Сазонов характеризовал ее как вызов всей Европе⁸⁶.

В Берлине, напротив, ликовали. Вильгельм II похвалил венцев «за храбрость»⁸⁷, рейхсканцлер Теобальд Бетман-Гольвег назвал ноту «искусной», пожурив ее составителей лишь за длинноты. По словам главы правительства, можно было обойтись без «китайских церемоний» и вместо ноты послать в Белград войска⁸⁸.

¹ См.: Писарев Ю. А. Новые документы и старые вымыслы о роли Балкан в возникновении первой мировой войны // ВИ. 1984. № 7. С. 156–163.

² Bogitschewitsch M. Die Auswärtige Politik Serbiens, 1905–1914. B., 1928–1931. Bd. 1–3.

³ ЦГИА СССР. Ф. 776. Оп. 32. Д. 43. Л. 152.

⁴ Там же. Л. 136.

⁵ ОУА. Bd. VIII, N 9984.

⁶ Ibid.

⁷ Steed H. W. Through thirty years. L., 1924. Vol. 6. P. 404–405.

⁸ Reichspost. 1914. 30.VI.

⁹ ЦГИА СССР. Ф. 776. Оп. 32. Д. 43. Л. 152.

¹⁰ ОУА. Bd. VII, N 9052. S. 609–614.

¹¹ См.: Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, 1903–1904; Трайнин. Д. Н. Национальные противоречия

- в Австро-Венгрии и её распад. М.; Л., 1947; *Galantai J.* Die Österreichisch-Ungarischen Monarchie und der Weltkrieg. Budapest, 1973.
- 12 Österreichische Rundschau. 1912. 1.X.
- 13 *Andrássy J.* Diplomatie und Weltkrieg. B., 1920. S. 248.
- 14 См.: *Овнанян С. В.* Подъем рабочего движения в Австрии. М., 1967.
- 15 Österreichische Volkswirtschaft. 1914. 4.IV.
- 16 Sarajevski list. 1914. 8.V.
- 17 Österreichische Rundschau. 1914. 15.VI.
- 18 *Conrad von Hötzendorff F.* Aus meinen Dienstzeit, 1906–1918. Bd. 3. S. 755.
- 19 Budapest Hirnap. 1912. 5.III.
- 20 Цит. по: *Писарев Ю. А.* Образование югославского государства. С. 74.
- 21 См.: *Hantsch H.* Leopold Graf Berchtold: Gräseigneur und Staatesmann. Graz, 1963. Bd. 2. S. 560–561.
- 22 *Јовановић Ј.* Франц Фердинанд и Босна // Преглед. 1934. № 10. С. 268.
- 23 *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 17.
- 24 Militärische Rundschau. 1914. 2.VII.
- 25 *Јовановић Ј.* Одговорност Србије за светски рат. Београд, 1934. № 10. С. 268, *Hantsch H.* Op. cit. S. 560; *Conrad von Hötzendorff F.* Op. cit. Bd. 3. S. 30.
- 26–27 *Tusza S.* Briefe (1914–1918). B., 1928.
- 28 Цит. по: *Писарев Ю. А.* Германский империализм и Балканы: Роковые решения Вильгельма II Гогенцоллерна // ННИ. 1983. № 5. С. 60–73.
- 29 Там же.
- 30 *Јовановић Ј.* Стеван Тиса и Србија, 1914–1915: Одговорност Мађарске за рат. Сремски Карловци, 1931. Св. 718. С. 4.
- 31 Protokolle. 1914. 2.VII.
- 32 *Јовановић Ј.* Стеван Тиса и Србија. С. 5.
- 33 Там же.
- 34 ОУА. Bd. VIII, N 10252, 10253.
- 35 *Wiesner F.* Schuld der Südslawischen Regierung am Mord von Sarajevo // ВМ. 1926. N 4. S. 321.
- 36 *Krauss A.* Die Ursachen unseren Niederlage: Erinnerungen und Urteil aus dem Weltkrieg. München, 1920. S. 95.
- 37 *Regele O.* Feldmarschal Conrad: Auftrag und Erfüllung, 1909–1918. Wien; München, 1965. S. 613.
- 38 *Котляревский С. Л.* Австро-Венгрия в годы мировой войны. М., 1922. С. 15–27.
- 39 АВПР. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 4. Л. 14. М. Приклонский – МИД. Будапешт, 1914. 28.III.
- 40 Protokolle. 1914. 7.VII.
- 41 *Јовановић Ј.* Стеван Тиса и Србија. С. 5.
- 42 Protokolle. 1914. 14.VII.
- 43 *Веснић М.* Дипломатија и светски рат: Граф Јулије Андраши // Нови Живот. Београд, 1921–1922. Књ. 5, св. 11. С. 23–24.
- 44 АВПР. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 17. Л. 102.
- 45 Там же. Д. 3. Л. 42. Н. А. Кудашев – С. Д. Сазонову. Вена, 1914. 2(15) VII.
- 46 Ujvideki Hirnap. 1914. 19.V.
- 47 *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 102–133.
- 48 Српско-аустријски и европски рат: Дипломатски и други документи. Ниш, 1914. Књ. 1: Српска дипломатска преписка, № 30. С. 33.
- 49 Там же.
- 50 *Јовановић Ј.* Руска хроника из 1914. С. 133.
- 51 Там же. С. 137.
- 52 Там же. С. 138.
- 53 Там же.
- 54 GR. Bd. 39, N 15732.
- 55 *Јовановић Ј.* Руска хроника из 1914. С. 136.
- 56 Там же. С. 141.
- 57 Там же. С. 138.
- 58 Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1914. 20.VII.

- ⁵⁹ Српско-аустријски и европски рат. № 30. С. 29–33.
- ⁶⁰ Там же. С. 30.
- ⁶¹ Это подтвердил посланник Сербии в Париже М. Веснич в телеграмме Н. Пашичу от 18.VII.1914. См.: ДА ДСИП. Ф. АДГ. Р. 5/16. Д. Ратна одговорност. № 433/4.
- ⁶² Јовановић Ј. Руска хроника из 1914. С. 140–141.
- ⁶³ См.: Hantsch H. Leopold Graf Berchtold. Bd. 1–2.
- ⁶⁴ Fellner F. Die «Mission Hoyos» // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976. С. 387–419.
- ⁶⁵ Подробнее см.: Lützow H. Im diplomatischen Dienst der K und K Monarchie. München, 1971. S. 219.
- ⁶⁶ Hoyos A. Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Österreich-Ungarns. B., 1922. S. 77.
- ⁶⁷ BM. 1932. N 1. S. 66.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ ОУА. Bd. VIII, N 10215.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² BM. 1921. № 1. S. 68.
- ⁷³ Seton-Watson R. W. Sarajewo. S. 130–138.
- ⁷⁴ DD. Bd. IV, N 2. S. 126–127.
- ⁷⁵ Цит. по: Seton-Watson R. W. Op. cit. S. 130–138.
- ⁷⁶ DD. Bd. IV, N 2. S. 126–129.
- ⁷⁷ Fester R. Die diplomatische Kämpfe um den Frieden 1916 bis 1918 und das Deutschum. München, 1938. S. 31.
- ⁷⁸ Conrad von Hötzendorff F. Op. cit. Bd. 3. S. 169.
- ⁷⁹ Protokolle. S. 141, 149.
- ⁸⁰ ОУА. Bd. VIII, N 10146, 10118.
- ⁸¹ Ibid. N. 10118.
- ⁸² DD. Bd. IV, N 29.
- ⁸³ Conrad von Hötzendorff F. Op. cit. Bd. 4. S. 70.
- ⁸⁴ Cormons E. Schicksale und Schatten. Salzburg, 1951. S. 153–154.
- ⁸⁵ ОУА. Bd. VIII, N 10600. S. 631–637.
- ⁸⁶ Dobrorolsky S. Die Mobilmachung der russischen Armee 1914. B., 1923. S. 17218.
- ⁸⁷ Людевиц Э. Последний Гогенцоллерн. Л., 1929. С. 249.
- ⁸⁸ Reizler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Göttingen, 1972. S. 191.

ОТ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО УЛЬТИМАТУМА К ВОЙНЕ С СЕРБИЕЙ

Австро-венгерский ультиматум Сербии

23 июля в 6 часов пополудни австро-венгерский посланник в Белграде барон Владимир Гизль фон Гизлингер вручил ультимативную ноту сербскому правительству, потребовав ответа на нее не позже, чем через 48 часов, и предупредив, что отклонение хотя бы одного требования Вены будет расцениваться имперским правительством как враждебное действие против монархии Габсбургов. Содержание ноты было таким, что Сербия оказалась в безвыходном положении: принятие ультиматума вело к потере ею своей независимости, отклонение — к разрыву дипломатических отношений и войне. «Мы задали Сербии невыполнимую задачу», — алораствовал Берхтольд¹.

Требования Вены ставили сербское государство на грань национальной катастрофы. Обвиняя Белград в подрывной деятельности против дунайской империи, монархия Габсбургов настаивала на создании на территории Сербии филиала австрийской охранки, чистке государственных учреждений и армии от анти-австрийских элементов, на судебном расследовании с участием австрийских судов по делу о сараевском убийстве, роспуске нелояльных по отношению к дунайской монархии общественных организаций, отмене свободы печати и т. д.² Позже к ноте была приложена сфабрикованная венской контрразведкой декларация под названием «Великосербская пропаганда», содержащая фальсифицированные данные о так называемой славянской угрозе европейскому миру и безопасности³.

Необычными для практики международных отношений были и обстоятельства вручения самой ноты. Недоумение в Европе вызвало время ее подачи: 6 часов вечера, когда в министерстве иностранных дел Сербии уже никого не было и в здании совершенно случайно задержался лишь секретарь МИД Славко Груич, который не входил в состав правительства. Вскоре выяснилось, что это было сделано преднамеренно — австрийцы узнали, что в 5 часов того же дня из Петербурга отбывает президент Франции Р. Пуанкаре и хотели помешать согласованию совместных действий союзников по Антанте. Берхтольд в своей секретной инструкции австро-венгерскому посланнику в Белграде В. Гизлю специально предупредил его о необходимости подать документ в назначенный срок, но не раньше. Он условился с Гизлем также о том, что нота должна быть вручена «при всех обстоятельствах», даже в случае отсутствия в Белграде сербского правительства в

целом. «Это их дело,— заявил министр.— Действуйте, если даже подаст в отставку весь Совет министров, не надо считаться с формальностями»⁴. Наконец, было решено, что остальные государства будут информированы об ультиматуме только на следующий день. «Меррей (посол Австро-Венгрии в Риме.— Ю. П.),— писал Б. Бюлов в воспоминаниях,— выполнил это поручение в неряшливой, почти обидной форме»⁵.

Внутриполитическая ситуация Сербии в момент вручения ей венской ноты была крайне сложной. Достаточно сказать, что в Белграде в ту пору не оказалось главных руководителей государства и многих представителей исполнительной власти, а законодательный орган страны (Народная скупщина), который мог бы принять решение конституционного характера (нота предусматривала пересмотр ряда законов), не функционировал, так как был распущен до новых выборов. Король Петр I Карагеоргиевич отбыл на лечение, назначив вместо себя регентом молодого и малоопытного сына Александра, Никола П. Пашич, председатель Совета министров, являвшийся одновременно и министром иностранных дел, отправился в предвыборную поездку по стране, а затем собирался на свидание с Венизелосом в Грецию, военный министр Душан Стефанович находился в отпуске и покинул жаркий Белград, начальник генерального штаба воевода Радомир Путник и его заместитель полковник Живко Павлович уехали на воды в Австрию, а сербская армия была мобилизована на полевые работы и в случае войны, не могла быть использована для отражения австро-венгерского нападения⁶.

По словам германского посланника в Сербии барона Юлиуса Гризенгера, в Белграде первые дни царил полная растерянность⁷. Временный заместитель главы правительства министр финансов д-р Лазо Пачу, которому С. Груич передал ультиматум, был настроен панически, вернувшийся в столицу Душан Стефанович выдвинул сумасбродный план введения чрезвычайного положения, что могло обострить и без того тяжелую обстановку в стране, многие высшие чиновники запаковывали чемоданы, регент Александр осаждал российское посольство, задавая один и тот же вопрос: «Что делать?».

Поверенный в делах России в Сербии В. Н. Штрандтман телеграфировал 24 июня в Петербург: «Престолонаследник только что ночью пришел в миссию, чтобы выразить мне свое отчаяние по поводу австрийского ультиматума, подчиниться которому в целом он решительно не видит возможности. Особенно оскорбительным он считает пункт четвертый и те, где выдвигались требования допустить в Сербию австрийских агентов. Я позволил себе обратить внимание королевича на необходимость в настоящую минуту все усилия направить к выигрышу времени»⁸. 24 июля регент Александр обратился за советом к своему дяде, итальянскому королю Виктору Эммануилу I, и к царю Николаю II. «Требования Австро-Венгрии,— сообщал он в телеграмме в Петербург,— унижительны для Сербии и оскорбительны для нашего националь-

ного достоинства. Мы готовы принять те из них, которые отвечают статусу независимого государства, и те, которые посоветовало бы Ваше Величество. Все лица, если будет доказано, что они замешаны в заговоре, мы накажем сами. Некоторые условия не могут быть выполнены без изменения нашего законодательства, для чего нужно время. Срок слишком краток»⁹.

В Вене и Берлине считали, что сербское правительство не сможет даже рассмотреть ультиматум и капитулирует без сопротивления¹⁰. Вильгельм II призывал продолжать нажим на Белград, предсказывая быстрое крушение сербского государства. На полях донесения Гризингера он написал: «По-видимому, его Величество удручено! Гордые славяне! Насколько надута и пуста вся эта так называемая Сербская великая держава, настолько же ничемны и все другие славянские государства! Давите крепче ноги этой сволочи»¹¹.

Однако сербское правительство нашло в себе силы оказать противодействие притязаниям монархии Габсбургов. Менее чем за двое суток оно разработало ответ на ультиматум, отстояв независимость страны. Миротворная и сдержанная по своему характеру встречная нота Сербии по отзыву современников была шедевром дипломатической переписки и резко контрастировала с наглым тоном венского документа. Небезынтересно, что тот же Вильгельм II, ознакомившись с ответом Сербии, сделал следующую помету на докладе статс-секретаря Германии по иностранным делам Готлиба фон Ягова: «Блестящий результат для срока в 48 часов! Он превзошел все ожидания! Отпадают основания для войны»¹². Но, как засвидетельствовал один из приближенных к кайзеру придворных барон Аксель фон Шверинг, эта оценка императором сербской ноты была сделана им не сразу, а после возвращения в Берлин, где он встретился с фон Яговом, т. е. уже после того, как глава германского государства принял во внимание возможность отрицательной реакции в Европе на вызывающий шаг Вены. Вначале же, по словам Шверинга, Вильгельм II был недоволен только тем, что Сербия своим ответом на ультиматум лишила Австро-Венгрию оснований для объявления войны.

Вот что засвидетельствовал Аксель фон Шверинг, сопровождавший кайзера во время его очередной прогулки на судне «Гогенцоллерн» по Северному морю. «На корабль, писал он, 25 июля доставили телеграмму об ответе Сербии на венскую ноту. Вильгельм II нетерпеливо разорвал конверт. По мере того как он читал строчку за строчкой, выражение его лица быстро менялось, и, нахмутив брови, он повернулся ко мне со словами: «События разворачиваются необыкновенно быстро, Сербия приняла ультиматум Австрии за исключением некоторых пунктов, не имеющих никакого значения...» Император замолчал и сосредоточенно уставился на воду. Казалось, он задумался над разрешением какой-то сложной задачи. Наконец, нетерпеливым жестом отбросив свою сигару, он проговорил, не обращаясь ни к кому в особенности:

«Глупый народ! Почему так трудно заставить людей понять, что от них требуется, не называя непременно по имени»¹³.

Чего же «не захотели понять» сербы? Благодаря чему правительство Н. Пашича выстояло в этих трудных условиях, что представляла собой его ответная нота?

Два фактора способствовали успеху сербского правительства: консолидация сил нации перед лицом военной опасности и поддержка России. Уже на первом заседании Совета министров, состоявшемся 24 июля в полдень под председательством срочно вернувшегося в Белград Николы Пашича, оппозиция заявила об отказе от борьбы против правительства и приняла активное участие в его усилиях по организации обороны¹⁴.

Расширенные совещания кабинета проходили в деловой атмосфере и продолжались без перерыва двое суток (с 24 по 25 июля), в том числе в ночное время. В результате ответ был готов даже досрочно — к 2 часам пополудни 25 июля, затем переведен с сербского языка на французский и передан в 17 час. 45 мин. австро-венгерской стороне¹⁵. Предварительно с этой нотой было ознакомлено российское посольство. «По просьбе Пашича я оставался в его кабинете», — сообщал Штрандтман¹⁶.

24 июля в 12 часов дня в Петербурге состоялось экстренное заседание правительства по сербскому вопросу. Было решено оказать Сербии всестороннюю помощь сначала по дипломатической линии. В постановлении Совета министров говорилось, что Россия рекомендует Сербии обратиться к общественному мнению Европы по поводу незаконных действий Австро-Венгрии, предложив срочно созвать международную конференцию для рассмотрения причин междоусобного конфликта. Резолюция российского правительства гласила: «1) Одобрить предложения министра иностранных дел снести с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства к предоставлению Сербии некоторой отсрочки в деле ответа на предъявленные ей австро-венгерским правительством ультимативные требования, дабы дать тем возможность правительствам великих держав исследовать и изучить документы по поводу совершившегося в Сараеве злодеяния, которыми австро-венгерское правительство располагает; 2) ... посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не сможет защищаться против возможного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав»¹⁷.

Этим решением Совет министров хотел предупредить сербское правительство от необдуманных действий, которые могли оставить Сербию в положении международной изоляции¹⁸. Общественное мнение в ту пору во многом определяло жизнь парламентарных государств, и даже в кайзеровской Германии были вынуждены считаться с рейхстагом. Сербии нужно было убедить обще-

ственность Европы в своей правоте, и Россия придавала этому фактору большое значение.

Одновременно 24 июля русское правительство твердо заявило о возможности всесторонней, в том числе и военной, поддержки Сербии в случае неспровоцированного нападения на нее Австро-Венгрии¹⁹.

Это заявление, как засвидетельствовали участники разработки ответа Белграда на ноту, внесло в их ряды необходимое спокойствие, устранило первоначальную нервозность среди министров.

Небезынтересно привести некоторые подробности встречи Николы Пашича с австро-венгерским посланником в Белграде бароном Гизлем, мало известные читателю.

В Архиве Секретариата иностранных дел Социалистической Федеративной Республики Югославии хранится не публиковавшийся до сих пор, но любезно предоставленный автору этих строк документ — телеграмма Н. Пашича сербскому посланнику в Париже Миленко Весничу, отправленная им в 1917 г. по запросу французского правительства, которое, подготавливая материалы к мирной конференции, заинтересовалось причинами австро-сербского конфликта 1914 г.²⁰ В этом документе Н. Пашич следующим образом описывает свою встречу с бароном Гизлем: «Я отнес ноту сам. Посланник был сильно возбужден и нервно дышал. Вручив ему ноту, я сказал, что надеюсь, что Австро-Венгрия будет довольна нашим ответом. Все, что можно, мы и дальше уступим, лишь бы дело не дошло до разрыва. Гизль ответил, что имеет от своего правительства инструкцию и что ноту он должен сверить с инструкцией. Я простился и ушел в министерство и только-только вошел в здание, как явился Гизль и сообщил, что нота не отвечает инструкции, что она неудовлетворительна и что отношения с этого вечера прерваны, и вышел. Бумаги посольства были отосланы тем же вечером одновременно с отъездом Гизля, а некоторые и раньше»²¹.

Австро-венгерский посланник в Белграде выдвинул другую версию о последней встрече с Н. Пашичем. В мемуарах «Двадцать лет на Ближнем Востоке», которые были опубликованы в 1927 г., Гизль представил дело так, что будто бы не он пришел к Пашичу за ответом, а премьер-министр Сербии сам явился в австрийское посольство и передал посланнику содержание ноты устно «на плохом немецком языке», пытаясь добиться благосклонности Гизля. «Пашич, — писал Гизль, — сказал, что очень ценит мое мнение как австрийского генерала и надеется на мою благосклонность»²².

В этой версии много неправдоподобного. Во-первых, нота была написана по-французски, который являлся официальным дипломатическим языком того времени и на котором тоже говорил Пашич. У него поэтому не было необходимости прибегать к немецкому.

Во-вторых, документ имел настолько судьбоносный для Сербии характер, что премьер не должен был прибегать к устным объяснениям, тем более на языке, который он плохо знал. И, наконец,

вряд ли Пашич заискивал перед «австрийским генералом», скорее всего это его собственная похвальба.

Вместе с тем имперский посланник подтвердил, что он крайне невнимательно ознакомился с сербской нотой, бегло пробежав ее глазами, и даже не дал себе труда изучить ее содержание. Убедившись, что не все пункты ультиматума приняты, он тут же затребовал паспорта. Еще до встречи с Пашичем Гизль заказал специальный поезд на Вену, который отошел 25 июля в 18 час. 30 мин., т. е. всего лишь через полчаса после истечения срока ультиматума. Охрану здания австро-венгерского посольства он передал германской миссии. Скандальные подробности этой истории позже, 26 июля 1916 г., были опубликованы в венгерской газете «Пешти Хирлап»²³.

Налицо были две принципиально противоположные позиции: Сербии, которая готова была вести дальнейшие переговоры, и Австро-Венгрии, заинтересованной в их срыве.

Именно так расценили случившееся в Петербурге. Министр иностранных дел Сазонов заявил, что ответ сербского правительства позволяет надеяться на мир, а его отклонение Веной, напротив, открывает путь к войне²⁴.

Однако австро-венгерское правительство и не собиралось иначе интерпретировать события. Только 84-летний император Франц Иосиф, очень опасавшийся войны с Россией, которая могла привести к революции, все еще колебался, заявляя, что разрыв дипломатических отношений еще не означает войны, большинство же остальных руководителей монархии во главе с Берхтольдом было за войну. О настроениях того времени, царивших среди правящих кругов столицы, образно написал в своих воспоминаниях профессор Венского университета Йозеф Редлих, будущий министр финансов Австрии. 26 июля в 8 часов утра Редлих явился на Балльхаусплац и спросил одного из секретарей министерства графа Ф. Кинского, как идут дела с Сербией. Последний еще не знал точно об ответе Сербии и сильно волновался. «Томительное ожидание, — вспоминал Редлих, — продолжалось до 8 час. 45 мин. утра, когда Кински позвонил мне и сказал: «Отклонили». Я воскликнул: „Ура!“». Затем Редлих и его друзья, сторонники войны, на радостях направились в гостиницу «Бристоль Фолькстартен». «Мы слушали оркестр, который, к сожалению, без сильного вдохновения исполнял патриотические песни и военные марши. Публики было немного и никто не проявлял особого энтузиазма». Из Народного парка компания проследовала к собору св. Стефана. «На Грабене за войну демонстрировали христианские социалисты, главным образом юнцы, то же — перед Стефанскирхе. Рудольф Хойош позвал нас в Пратер и Кайзергартен. Но там было пусто. Тогда мы разошлись по домам»²⁵.

Шовинистический угар охватил различные слои населения Австро-Венгрии — от милитаристских кругов и буржуазных организаций до социал-демократии. К подходу против православной Сербии призывала католическая церковь²⁶.

Сербский посланник в Вене Йован Йованович сообщал о ежедневных враждебных манифестациях националистически настроенной толпы у парламента и здания посольства, предупреждая правительство о неизбежности войны. В казармах солдаты разучивали воинственный марш Евгения Савойского, в кабаках подгулявшие офицеры похвалялись, что через неделю-другую они будут маршировать по улицам Белграда. «Сербов на вербы! (т. е. на виселицы.— Ю. П.)», — скандировали группки ура-патриотов на центральных улицах Вены и Будапешта.

Иные настроения царили в Сербии. Уже при обсуждении правительством ответа на австро-венгерский ультиматум у здания совета министров стихийно собирались толпы взволнованных жителей столицы. «Это здание,— писал Й. Йованович,— подвергалось настоящей осаде. Корреспонденты хватали за фалды министров, задавали им тревожные вопросы... В городе днем и ночью господствовал страх — все с нетерпением ждали ответа, питая слабые надежды на благополучный исход дела»²⁷.

Сразу после разрыва Австро-Венгрии дипломатических отношений правительство Сербии издало распоряжение об эвакуации из Белграда в Ниш государственных учреждений, банков и архивохранилищ. Туда же было предложено переехать иностранным миссиям, в том числе посольству Германии, которая не сразу объявила Сербии войну. Немецкий посланник Гризингер так описывал эвакуацию: «Около 10 часов вечера (25 июля.— Ю. П.) я отправился на машине на железнодорожную станцию. Улицы были наводнены людьми, а площадь у вокзала заполнена до отказа — через толпу еле-еле пробирались автомобили. С большим трудом я и сопровождающие меня лица протиснулись до перрона. Там творилось что-то неусветное! Мужчины, женщины, дети — все попеременно. Повсюду валялись домашние вещи — от ковров до клеток с канарейками. Собаки, кошки, куры, ванная для купания детей, чемоданы, сундуки, постельные принадлежности... Все свидетельствовало о паническом бегстве населения, лишённого власти. Когда на вокзал прибыл поезд, предназначенный для дипломатического корпуса, на него бросились все, кто только мог... Наконец, около полуночи поезд тронулся совершенно переполненным; все было занято — буфера паровоза, ступеньки вагонов, их крыши. Нас девяттеро сидело в одном купе с затекшими от усталости ногами. Мы миролюбиво дремали в течение ночи, положив уставшие головы на плечи будущих неприятелей»²⁸.

Гризингер приводит интересный факт, характеризующий позицию его правительства в сербско-австро-венгерском конфликте. Немецкая историография утверждала, что Берлин был готов после сербского ответа воздействовать на Вену в примирительном духе. Сам Гризингер, судя по его мемуарам, считал венскую ноту «слишком резкой», а отъезд Гизля из Белграда неоправданным²⁹. Однако из тех же мемуаров следует, что германская сторона отнюдь не собиралась мирить Сербию с Австро-Венгрией. Прибыв в Ниш, Гризингер встретился с заместителем председателя сове-



Здание парламента в Вене

та министров Сербии доктором Лазо Пачу, который прямо поставил перед ним вопрос об отношении Германии к венской ноте. Пачу попросил посланника повлиять на Австро-Венгрию и «дал понять, что Сербия готова продолжать диалог с Австро-Венгрией». Гризингер отклонил это предложение, указав на «серьезность ситуации», но, в свою очередь, предупредил о возможностях посредничества Германии только в том случае, если Сербия пойдет на новые уступки. «Я, — заявил посланник, — не сомневаюсь, что мое правительство готово оказать эту услугу, дав советы, если, конечно, его об этом *попросят* (выделено мной. — Ю. П.)»³⁰.

Германия, как видно из записей Гризингера, подталкивала Сербию к капитуляции.

Западные державы и венская нота

В двадцатые и тридцатые годы среди историков ревизионистской «школы А. Вегерера» распространялась версия о «жесткой позиции» царской дипломатии, которая будто бы помешала Австро-Венгрии и Германии смягчить требования венской ноты, что и привело к военному конфликту. Единственным аргументом в пользу этой гипотезы было заявление Вены о том, что Австро-Венгрия собирается обеспечить свою безопасность, но отнюдь не претендует на сербскую территорию.

24 июля всем европейским государствам была передана декларация австро-венгерского правительства, в которой говорилось: «Монархия имеет все, что ей требуется и не нуждается в территориальных приобретениях. Если все же она окажется вынужденной к войне с Сербией, то для нее это будет война не за освоение чужой территории, а средство самообороны и самозащиты»³¹.

Имперское правительство обещало предоставить документальные доказательства виновности Сербии в осуществлении подрывной деятельности против дунайской монархии, но так и не сделало этого вплоть до начала мировой войны и только во время войны опубликовало ряд материалов о великосербской пропаганде, в большинстве своем оказавшихся фальшивками.

Чисто декларативный характер носили и устные заявления австро-венгерских дипломатов, которые были сделаны ими 24—26 июля в столицах европейских государств по поводу ультиматума: Берхтольда — в беседе с Н. А. Кудашевым, Ф. Сапари — с С. Д. Сазоновым, графа А. Менсдорфа в Лондоне с сэром Э. Греем, посла монархии в Риме К. Мерей с министром иностранных дел Италии Антонио ди Сан Джулиано³².

На этой стадии Вена не могла оперировать документами, что свидетельствовало о слабости ее позиции. Вместе с тем Берхтольд не скрывал своих истинных целей от союзной Германии. 20 июля, т. е. за три дня до ультиматума, в беседе с фон Чиршки он прямо заявил, что Австро-Венгрия намерена раз и навсегда покончить с влиянием России на Балканах. Нам надо, сказал он, «создать препятствия славянскому проникновению с Востока»³³.

Реакция на австро-венгерский ультиматум в европейских странах была неодинаковой. В союзной Италии венскую ноту встретили более чем сдержанно, но скорее отрицательно, и вовсе не потому, что, как утверждал князь Бернгард Бюлов, Меррей проявил небрежность, сообщив об этом шаге Вены мимоходом. Вряд ли Бюлов прав: Мерей — представитель классической школы дипломатии, по-видимому, и на этот раз был верен протоколу. Причина была в другом: итальянский империализм, сам претендовавший на гегемонию на Балканах, опасался, что австрийцы опередят его в этом. Сан Джулиано заявил о неприемлемости для Италии венской ноты. В Германии, напротив, одобрили решительный поступок Вены. «От венцев, признаться, этого уже не ожидали!» — сказал Вильгельм II, узнав об ультиматуме. — В Берлине только князь Лихновский, немецкий посол в Лондоне, выразил сомнение: не приведет ли ультиматум к войне? Лихновский предложил рекомендовать австро-венгерскому правительству смягчить некоторые требования, но его одернули: на полях телеграммы Лихновского кайзер сделал помету в стиле фельдфебеля: «Это (войну. — Ю. П.) можно только пожелать. Сербия не государство в европейском смысле, а банда разбойников»³⁴.

Канцлер Теобальд Бетман-Гольвег и помощник статс-секретаря по иностранным делам Артур Циммерман отказались от примирительного давления на Вену. «Мы не можем советовать Вене

отступать,— ответили они Лихновскому.— Престиж Австро-Венгрии дома и на стороне был бы окончательно уничтожен, если бы она отступила»³⁵.

Непосредственные соседи Сербии — Болгария, Греция, Румыния и Черногория — отнеслись к действиям Австро-Венгрии сравнительно равнодушно, а болгарское правительство В. Радославова даже с тайной надеждой на возможность реванша в случае военного конфликта Сербии с Австро-Венгрией. Царь Болгарии Фердинанд I давно лелеял эти планы. После сараевского убийства он вел уединенный образ жизни: боялся как собственного народа, так и покушения со стороны сербских террористов и македонских анархистов³⁶, которых будто бы подзуживали российский военный атташе полковник Романовский и посланник А. А. Савинский.

В секретной телеграмме посланнику Болгарии в Петербурге генералу Радко Димитриеву он писал: «Нынешний русский посланник продолжает подло поступать и с разными болгарскими и сербскими анархистами делает все для того, чтобы в ближайшее время возобновить сараевское убийство. Россия жестоко ошибается, если думает, что с моей смертью она вернет себе влияние в Болгарии. Что касается неоправданной клеветы „любезного“ господина Сазонова о том, что я преднамеренно избегаю русского посланника, то передайте ему, что я не принимаю ни одного дипломата»³⁷.

Мания преследования, сообщал о короле болгарский писатель Йордан Йовков, автор биографии Фердинанда Кобург-Сикст-Готского, дошла до того, что он перестал принимать даже членов болгарского парламента. Фердинанд усилил охрану дворца войсками вплоть до артиллерии, закрывал окна, остерегаясь злоумышленников, которые могли бросить бомбу³⁸. Трусоватость сочеталась у него с высокомерием и тщеславием. Царь настолько презирал подчиненных, что демонстративно мыл руки после того, как ему приходилось здороваться с кем-либо из них и мечтал о приобретении Константинополя, Салоник, островов в Эгейском море, Албании... Однажды, когда у него еще были приличные отношения с Савинским, последний, зондируя почву, спросил Фердинанда, как бы он отнесся к проникновению в Салоники. «О, да, Салоники», — вздохнул царь, закрыв глаза и разведя руками»³⁹.

Профессор Ф. О. Нотович, болгарский академик Т. Влахов и югославский исследователь Ж. Аврамовски в своих работах показали, что Фердинанд начал вести секретные переговоры о присоединении Болгарии к Центральной коалиции сразу после объявления германским блоком войны державам Антанты⁴⁰. Что касается поручения Фердинанда Радко Димитриеву пожаловаться Николаю II не только на А. А. Савинского, но и на С. Д. Сазонова, то оно выполнено не было: умный болгарский посланник сообразил, что его августейший повелитель несет явную чушь. Вскоре Р. Димитриев порвал со своим сумасбродным августейшим властелином: в начавшейся войне он перешел на службу русской армии, отказавшись от сотрудничества с болгарским царем.

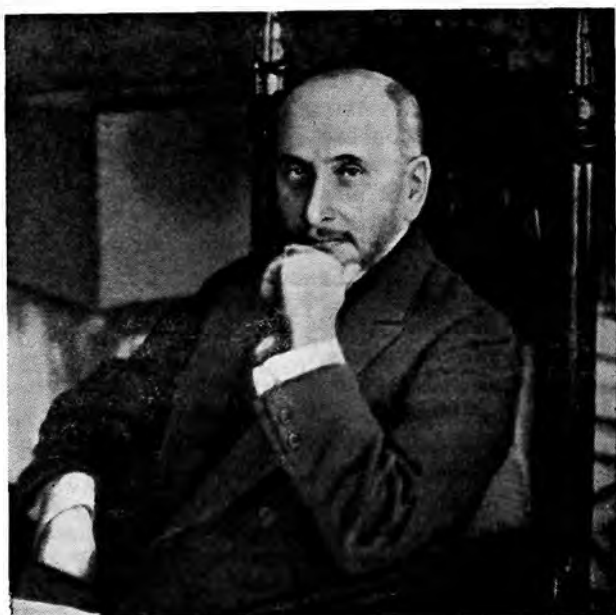
Судьба Савинского была печальнее — он заболел острым аппендицитом и Фердинанд даже не прислал к нему врачей. Чтобы спасти Савинского, российскому посланнику в Сербии Трубецкому пришлось присылать в Болгарию русских хирургов из добровольческих лазаретов⁴¹.

Румынское и черногорское правительства, хотя и не реагировали открыто на венский ультиматум, заняли в отношении Сербии недоброжелательную позицию. По словам российского посланника в Бухаресте С. А. Поклевского-Козелл, глава румынского правительства И. Брэтиану ограничился выражением Сербии сожаления по поводу «неприятной для нее ноты», но одновременно посоветовал Н. Пашичу пойти на уступки Австро-Венгрии, указав, что последняя имеет «некоторые основания» предъявлять свои требования, в частности, в связи с «показаниями виновников сараевского покушения»⁴² (их, однако, не было!). В другой телеграмме Поклевского Сазонову от 27 июля (она не была опубликована) посланник сообщал, что при разговоре с Брэтиану у него создалось впечатление готовности румынского правительства вообще пересмотреть союзный договор с Сербией 1913 г. «У Брэтиану, — писал С. А. Поклевский, — проскользнула мысль о том, что мирное занятие Белграда Австрией сделало бы венский кабинет более уступчивым и помогло бы Сербии выйти неослабленной из нынешнего кризиса»⁴³.

На запрос Пашича, какую позицию займет Румыния в случае войны на Балканах, Брэтиану ответил, что в настоящее время активные действия Бухареста «выходят за пределы румынских интересов»⁴⁴.

Большим разочарованием для сербского правительства оказалась позиция и черногорского монарха Николая I. «Король, — сообщал Сазонову российский посланник в Цетинье А. А. Гирс в телеграмме от 25 июля 1914 г., — оправдывает требования Австрии и намерен воспротивиться вовлечению (Черногории. — Ю. П.) в войну из-за сербов Королевства»⁴⁵. В депеше № 68 от того же числа (она неопубликована) А. А. Гирс более подробно рассказал о позиции черногорского монарха, который не только не хотел ввязываться в австро-сербский конфликт, но и вел серьезные переговоры с Австро-Венгрией о возможности соблюдения Черногорией нейтралитета⁴⁶. Это подтверждает и сербский посланник в Вене Йован Йованович в статье «Австрийские тайные архивы», рассказывая о закулисных переговорах, которые вели австро-венгерский посланник в Цетинье барон Эдуард Отто и военный атташе Австро-Венгрии в Черногории майор Густав Хубка с министром иностранных дел Черногории Петаром Пламенацем при негласном содействии престолонаследника принца Данилы. Сам король Черногории непосредственно не участвовал в этих беседах, но имел о них подробную информацию⁴⁷.

Венская дипломатия использовала династические противоречия между дворами черногорских Петровичей-Негошей и сербских Карагеоргиевичей⁴⁸ и подготовила сборник фальсифицированных



С. Д. Сазонов, российский министр иностранных дел
в 1910—1916 гг.

документов о сербо-черногорских отношениях за период с 1906 по 1914 г. Передавая эту книгу П. Пламенацу, барон Отто подчеркнул, что в подрывной деятельности против монархии Габсбургов участвовала Сербия, а не Черногория, которая сама была объектом «повышенного внимания» Белграда. Это обстоятельство сказал он, позволяет монархии Габсбургов надеяться на благожелательное к себе отношение со стороны черногорского королевства и может быть даже на заключение союза между этими государствами. Австрийский дипломат не затрагивал щекотливого для Николая I вопроса о русско-черногорских отношениях, хотя и их имел в виду⁴⁹. Однако П. Пламенац проявлял недоверие и переговоры затягивались. Тогда генерал Конрад решил действовать самостоятельно, дав указание военному атташе майору Хубке «не жалеть денег». Одновременно по распоряжению начальника генштаба к границам страны были придвинуты войска...⁵⁰.

Вмешательство Конрада сыграло отрицательную роль: Пламенац задав имперскому посланнику каверзный вопрос: где же правда и почему соседняя монархия сосредоточивает у границ Черногории свои войска? Переговоры были прерваны, и черногорский король на запрос Панича поддержит ли Черногория Сербию в случае войны с Австро-Венгрией дал успокоительный ответ. Монарх посоветовал Сербии следовать указаниям России⁵¹, а в це-

тиньской газете «Дневни Новине» («Ежедневные новости») была опубликована передовица «Вместе с матушкой Россией»⁵².

Позиция Англии в последние дни июльского кризиса всесторонне рассмотрена в упоминавшихся выше исследованиях профессора Белградского университета Д. Живоиновича и ряда английских историков⁵³. Она определялась общей стратегией британского империализма, рассчитанной на вступление в войну в самый последний момент, или, как минимум, на то, что ее начнут другие державы — Россия и Франция, с одной стороны, и Германия — с другой.

Соответствующей была и тактика лондонской дипломатии, которая учитывала еще три фактора: относительно слабую заинтересованность Англии в решении сербско-австрийского конфликта, внутриполитическую обстановку в своей собственной стране, или, точнее, отсутствие единства мнений в рядах парламентариев и среди населения, и, наконец, чисто иллюзорное представление руководителей Форин оффис о том, что державам Антанты удастся разрушить союз Германии и Австро-Венгрии, перетянув последнюю на свою сторону.

На первое обстоятельство указывал еще С. Д. Сазонов. В своих воспоминаниях он поведал о переговорах с послом Великобритании в Петербурге Джорджем Бьюкененом, состоявшихся сразу после вручения Сербии австро-венгерского ультиматума. Министр пытался внушить послу мысль о том, что от Англии в значительной мере зависит спокойствие в Европе. При этом он ссылался на исторический пример 1911 г., когда во время Агадирского кризиса Д. Ллойд Джордж солидаризировался с Францией и тем заставил Германию отказаться от агрессии. «В ответ, — с досадой отмечал Сазонов, — Бьюкенен заявил, что интересы Англии в Сербии ничтожны и что она не будет воевать из-за Сербии»⁵⁴.

Не ограничившись беседой с Бьюкененом, царский министр направил в тот же день идентичные телеграммы послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу и временному поверенному в делах России в Сербии В. Н. Штрандтману. В них говорилось: «При нынешнем обороте дела первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия. Пока есть еще возможность предотвратить европейскую войну, Англии легче, чем другим державам, оказать умиряющее влияние на Австрию... Желательно, чтобы Англия ясно и твердо дала понять, что она осуждает... образ действий Австрии». Сазонов выражал надежду на сотрудничество Великобритании с Россией и Францией, если война все же разразится. «В случае дальнейшего обострения положения, — писал он, — мы рассчитываем, что Англия не замедлит определенно встать на сторону Франции и России»⁵⁵. Сэр Грей уклонялся от определенного ответа, ограничившись словесным осуждением беспрецедентных в дипломатической практике действий Австро-Венгрии. «Никогда еще до сих пор не говорили таким тоном ни с одним независимым государством, — заявил он австро-венгерскому послу в Лондоне графу А. Менсдорфу⁵⁶. Статс-секретарь предупредил,

что этим шагом монархия Габсбургов значительно потеряла в глазах общественного мнения Великобритании, которое даже было склонно поддерживать ее, а не Сербию, но сделал вид, что поверил заверению Берхтольда о том, что ультиматум «не означает еще войну»⁵⁷.

Вместе с тем Грей заявил об «опасных последствиях», которые могут возникнуть из создавшейся ситуации. «Неважно, — сказал он, — кто победит в этой войне — она может привести к полному разрушению европейской цивилизации»⁵⁸. Однако руководитель Форин оффис отказался от активных действий против «разрушителей цивилизации». «Я, — заявил он своим подчиненным, — не хочу дискутировать о том, кто прав — Австрия или Сербия. Это не наше дело»⁵⁹. Для Лондона конфликт Австро-Венгрии с Сербией и даже Россией, имел второстепенное значение. Грей образно называл его «конфронтацией тевтонцев со славянами»⁶⁰.

У британского правительства были свои заботы. Прежде всего ему надо было решить вопрос о том, как лучше подготовиться к дуэли с Германией и что надо сделать для того, чтобы она состоялась. Население Соединенного королевства в своей массе было настроено против войны, в парламенте и самом правительстве шла борьба между ее сторонниками и противниками, немало было и так называемых нейтралистов, которые были готовы пожертвовать не только Сербией и Россией, но и Францией, остаться вне назревающих грозных событий или даже заключить союз с Германией⁶¹.

Лидер оппозиции председатель Тайного совета (он же заместитель премьер-министра) Джон Морли, выступая против конфронтации с Германией, выдвигал два аргумента: «русскую опасность» и опасность социальной революции в самой Англии. «Что получится, — спрашивал он Грея, говоря о первой, — если победит Россия? Если Германия и Австрия потерпят поражение, то не Англия и не Франция займут первое место в Европе. На первом месте окажется Россия... Если она объявит, что хочет занять Константинополь, или дерзко аннексирует северную и нейтральную зоны Персии, или же будет настаивать на постройке железных дорог до индийской или афганской границы, так кто ей сможет в этом помешать?»⁶² Как видно из этого документа, между английским и российским империализмом имелись серьезные противоречия.

Морли опасался также социальной революции. «При нынешнем состоянии рабочих, — доказывал он Грею, — эти ужасные сдвиги (переход от мира к войне. — Ю. П.) связаны с опасностью для общества»⁶³.

Сторонники войны премьер Герберт Асквит, Эдуард Грей, Уинстон Черчилль и другие должны были считаться с общественным мнением и с оппозицией. «Я боюсь, — сообщал Бенкендорф Сазонову от 26 июля, — что... Грей не уверен в английском общественном мнении»⁶⁴.

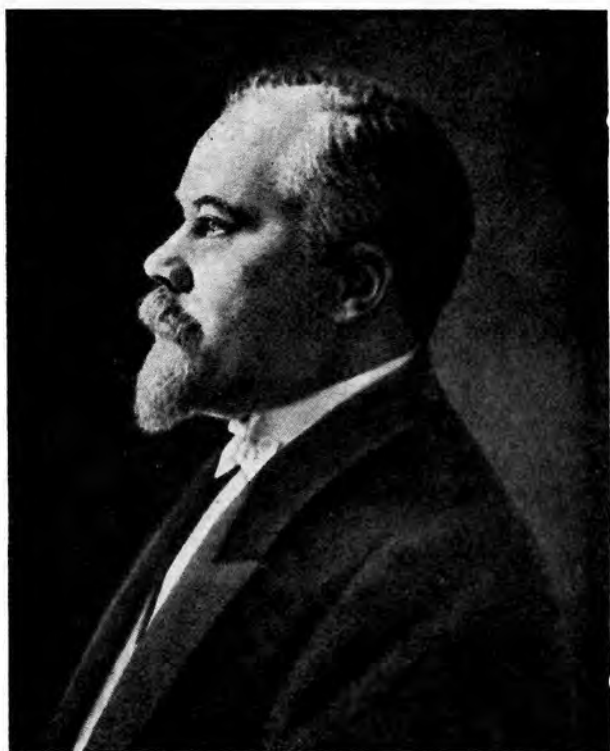
Первое время правительству пришлось ограничиться полумерами: 27 июля был опубликован приказ о приостановке демобилизации английского флота, на следующий день объявлен период «предосторожности», т. е. прерыва отпусков в сухопутных вооруженных силах. Пока что приходилось и маневрировать, заигрывая с Германией. Так, 26 июля Георг V, принимая адмирала германского флота брата Вильгельма II принца Генриха Прусского, доверительно сказал ему, что в случае войны Англия могла бы придерживаться нейтралитета. «Зачем нам с вами проливать кровь», — патетически воскликнул самодержец. Принц согласился с его словами, но оба держали камень за пазухой.

Грей, хотя и выступал несколько раз с инициативой созыва совещания для третейского разбирательства австро-сербского спора, на деле продолжал оставаться противником вмешательства в конфликт. 27 июля, за день до нападения Австро-Венгрии на Сербию, последняя в очередной раз обратилась к Англии за помощью, но снова получила отказ. В. Н. Штрاندман писал со слов Н. Пашича 27 июля в Петербург: «Пашич сначала ухватился за посредничество Англии, однако вскоре приуныл, так как не выяснил ее отношение к конфликту. Склонность Англии к невмешательству заставляет Сербию опасаться за успех обращения, которое может дать Англии предлог занять относительно Австро-Венгрии не вполне определенное положение. Сербия боится, что посредничество может создать впечатление, что Сербия готова на новые уступки. Между тем идти дальше некуда»⁶⁵.

Только 28 июля, когда уже началась австро-сербская война, которая могла перерасти в мировую, Грей впервые объявил английскому правительству о возникшей угрозе. «Настал момент, — сказал он своим коллегам, — когда кабинет должен определенно решить, примем ли мы активное участие в общеевропейском вопросе рядом с двумя другими державами Антанты или останемся в стороне...»⁶⁶ Британское правительство, однако, и на этот раз высказалось против поддержки своих союзников. Большинство голосов оно отклонило предложение Грея. Борьба в кабинете Герберта Асквита и в парламенте вокруг вопроса о войне и мире продолжалась.

Во Франции в правящих кругах существовало два направления, которые по-разному отнеслись к австро-сербскому конфликту в целом и венской ноте, в частности — сторонников Сербии и их оппонентов. На первых порах последние составляли большинство, что объяснялось, в частности, их верой в возможность отхода Австро-Венгрии и Италии от Германии, либо недооценкой значения балканского фронта, так как отвлечение на него сил ослабило бы Францию перед лицом главного врага — Германии, либо нежеланием допустить усиление России на Балканах.

За более активные действия Франции на Балканах выступали ее президент Раймон Пуанкаре и глава правительства Рене Вивиани, однако в момент вручения австро-венгерского ультиматума они были в России, и всеми международными делами в это



Р. Пуанкаре, президент французской республики
в 1913—1920 гг.

время ведал министр юстиции Бьенвеню-Мартен, исполнявший обязанности главы правительства. Он был сторонником пассивной политики и заверил австро-венгерского посла в Париже Николаи Сечена, что Франция не собирается драматизировать случай с ультиматумом. По его поручению французский посол в Вене Альфред Дюмен уведомил помощника Берхтольда барона Карла Макио, что и Россия из-за этого не будет ломать копыя, а ограничится моральной поддержкой Сербии. «В случае, если Австрия и Сербия возьмутся за оружие, — сделал Макио запись об этой беседе, — Россия, по мнению французского посла, не вмешается активно, но скорее будет стремиться к тому, чтобы война была локализована»⁴⁷.

Тем не менее французское правительство дало понять, что при вовлечении в австро-сербский конфликт России и Германии Франция и Англия не останутся сидеть сложа руки. Об этом заявил тот же Бьенвеню-Мартен германскому послу в Париже барону Вильгельму Шёну 26 июля.

После возвращения в Париж руководителей государства, а также в связи с дальнейшим развитием угрожающей ситуации на Балканах, сторонники войны стали брать верх, чему способствовали и французские военные во главе с командующим вооруженными силами страны маршалом Жоффром.

Позиция России

Царской дипломатии в этот ответственный для нее период приходилось учитывать как международную обстановку, так и внутриполитическое положение в стране, которое было чрезвычайно сложным, что выражалось не только в развитии антивоенных настроений среди рабочих, резко проявившихся уже во время приезда в Петербург Р. Пуанкаре, но и в росте разногласий среди правящих кругов, часть которых во главе с командующим столичным военным округом великим князем Николаем Николаевичем и военным министром В. А. Сухомлиновым настаивала на войне. Другие, в том числе С. Д. Сазонов, придерживались более осторожной тактики, считая, что, пока Англия не скажет своего слова, войну начинать рискованно.

Что касается председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, то у него вообще не было никакой позиции: глава правительства был настолько некомпетентен в государственных делах, немощен и слаб, что предпочитал молчать. Его рассматривали как печать, которую прикладывают к уже подготовленным документам. Председатель Государственной думы (где, кстати, тоже не было единства) М. В. Родзянко вспоминал: «Когда на пост премьера был назначен Горемыкин, я спросил его: „Как Вы, Иван Логгинович при Ваших преклонных годах, решились принять такое ответственное назначение?“ Горемыкин ответил мне буквально следующее: „Ах, мой друг, я не знаю почему, но меня уже третий раз вынимают из нафталина“»⁶⁸.

Таким же ничтожеством был и будущий премьер (1916—1917 гг.) князь Н. Д. Голицын. Тот же М. В. Родзянко писал: «Когда князь Голицын получил назначение председателя Совета министров, я его спросил: „Как Вы, почтеннейший князь, идете на такой пост в столь трудное время, не будучи подготовленным к такого рода деятельности?“ Князь ответил: „Я совершенно согласен с Вами. Если бы Вы слышали, что я наговорил сам о себе императору, я утверждаю, что если бы обо мне сказал все это кто-либо другой, то я вынужден был бы вызвать его на дуэль“»⁶⁹.

Незадачливым правителем был и сам император Николай II, отличавшийся безволием и шараханьем из стороны в сторону. «Император... прискорбно слаб», — констатировал английский посол в Петербурге Джордж Бьюкенен⁷⁰. Царь то слушался сторонников войны, то сомневался в их правоте. Он постоянно колебался, не зная, что делать. Царя беспокоила международная

ситуация на Балканах и в Европе в целом, но еще больше пугал призрак надвигающейся революционной бури. Война могла принести новые дивиденды российскому империализму, но неудача в войне толкала страну к революции. Германский военный атташе в Петербурге майор генерального штаба Бернгард Эггехит телеграфировал в Берлин 27 июля: «Внегреннее положение (в России.— Ю. П.), несомненно, является причиной тяжелой озабоченности (царского правительства.— Ю. П.)»⁷¹. Идентичный вывод сделали английский посол Джордж Бьюкенен в телеграмме Эдуарду Грею от 24 июля, признав, что царь и Сазонов крайне озабочены перспективами войны, так как ее неудача «неизбежно породит революцию»⁷².

Сазонову приходилось нелегко при осуществлении намеченной им линии. В дела министерства вмешивались многие. Доклады министра заслушивались не только царем, но и Государственной думой, где руководителя дипломатии встречали то бурными аплодисментами, то гробовым молчанием или обструкцией. Периодическая печать разных партий (от кадетской до октябристской), формируя общественное мнение, оказывала давление на министерство. Царь, напротив, своевольничал, не считая нужным сообщать о своих акциях министру. Так, например, он поступил 29 июля, послав личную телеграмму Вильгельму II и «забыв» известить об этом важном шаге Сазонова⁷³.

Императрица, двор, великие князья и даже неграмотный «прицатель» Григорий Распутин, позор России, поучали министра. В вверенном ему ведомстве часто без согласования с Сазоновым осуществляли кадровые перемены. Благодаря поддержке великого князя Николая Николаевича головокружительную карьеру сделал Н. Н. Шебеко: из посланника в захудалом Бухаресте он стал послом в ранге министра в «престольной Вене»; в 1914 г. Шебеко едва не занял кресло руководителя внешнеполитического ведомства — этому помешала только начавшаяся война.

Схожим было восхождение на дипломатический олимп князя Н. А. Кудашева. В Австро-Венгрии он время от времени исполнял обязанности поверенного в делах и мало чем выделялся среди дипломатов. Злые языки говорили, что главным качеством князя было умение элегантно одеваться. (Он шил костюмы у самых модных венских портных.) Когда же началась война, по протекции того же великого князя Николая Николаевича Н. А. Кудашев получил назначение директора дипломатического департамента при царской Ставке, т. е. занял должность, с которой должен был считаться сам Сазонов.

В то же время многие дипломаты годами ждали продвижения по службе. В Цетинье, которое называли «черногорской дырой», изнывал талантливый дипломат Александр Александрович Гирс, автор глубоких аналитических записок по вопросам балканской политики европейских держав. Его недолюбливал король Николай Негош-Петрович, на дипломата жаловались царице его дочери фрейлины Александры Федоровны Анастасия и Милица,

и прошение А. А. Гирса о переводе в Петроградское телеграфное агентство, где он был бы на месте, лежало без движения у И. Л. Горемыкина (Сазонов дал свое согласие на перевод).

Впрочем, Горемыкин мешал и другим членам правительства. Так, министр внутренних дел Щербатов в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства заявил: «Создалась невозможная атмосфера оппозиции всего Совета против своего председателя, так что работа совершенно не клеилась. Об этом докладывали государю все мы поодиночке. Я лично несколько раз говорил, что ... работать с председателем Совета никакие министры не в состоянии» ⁷⁴.

«Правительство висит в воздухе, не имея опоры ни снизу, ни сверху», — констатировал Сазонов ⁷⁵.

Значительные неприятности руководителю внешнеполитического ведомства доставляли «историк» великий князь Николай Михайлович и придворный писатель Шелькинг, мнившие себя специалистами по международным вопросам ⁷⁶. Оба не только поучали министра, как надо действовать, но и постоянно жаловались на него царю.

Но особенно досаждала Сазонову сама Александра Федоровна, которая также считала себя специалистом по балканским делам. Ее взгляды претерпевали постоянные изменения. Сначала она непомерно восторгалась Сазоновым. «Наконец-то ты нашел настоящего министра, — писала Александра Федоровна царю в 1910 г. — Что за душка этот Сазонов». Но стоило министру потерпеть неудачу с Балканским союзом, как императрица потребовала его отставки, назвав Сазонова «мокрой курицей» и «кретином». «Станет ли он снова мужчиной», — спрашивала царица в письме царю от 20 сентября 1915 г. ⁷⁷

Не все благополучно складывалось и в самом ведомстве на Певческом мосту в Петрограде, а также во взаимоотношениях МИД с военными кругами. Так, Сазонову приходилось иметь дело со строптивыми послами во Франции и Англии А. П. Извольским и графом А. К. Бенкендорфом. Первый не мог простить своему преемнику отставку, в которую его отправил в 1910 г. родственник Сазонова П. А. Столыпин. Он все еще мнил себя руководителем русской дипломатии, хотя занимал уже подчиненное положение. «Наполеон, начавший свою карьеру с Ватерлоо», — так язвительно отзывался об Извольском Раймон Пуанкаре ⁷⁸. Граф А. К. Бенкендорф был слишком вельможей, чтобы снисходить к менее знатному Сазонову. Он принадлежал к узкому кругу аристократии и настолько был оторван от России, что даже плохо знал русский язык. Бенкендорф предпочитал переписываться по-английски или по-французски, а когда сочинял донесения на русском языке, то они страдали крайней краткостью и невыразительностью. 13 лет пребывания в Англии в качестве посла помогли ему собрать прекрасную коллекцию картин и в совершенстве овладеть конным спортом, но окончательно отучили от русской действительности. Лишь в конце жизни (Бенкендорф

умер от простуды 12 января 1917 г.) и после смерти на фронте своего любимого сына (в 1915 г.) посол стал проявлять ббльшую активность ⁷⁹.

Все это раздражало Сазонова тем более, что Извольский и Бенкендорф имели дело с главными союзниками России, от которых зависело многое.

Чрезвычайно напряженными были взаимоотношения министра с военным министром В. А. Сухомлиновым и начальником Генерального штаба Н. Н. Янушкевичем. Оба были весьма посредственными специалистами и не пользовались уважением умного и высококультурного Сазонова (он активно знал 13 иностранных языков, любил музыку, искусство, много читал).

Генерал Сухомлинов лишь в молодости проявил некоторые способности. В 70-х годах он закончил Академию Генерального штаба, затем участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., но тогда, видимо, и остановился в своем развитии. Сам Сухомлинов говорил: «За последние 25 лет я не прочитал ни одной книжки». Генерал Н. Н. Головин, один из ведущих сотрудников военного ведомства, писал: «Сухомлинов был хуже, чем невежественный человек. С этим свойством он сочетал поразительное легкомыслие... Вред, который принес русской армии Сухомлинов, неисчислим» ⁸⁰. Начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич тоже не отвечал занимаемой должности. О себе самом он говорил: «Я — завсегдатай салонов, а администратор по случаю». Янушкевича называли «стратегической невинностью» — он совершенно не разбирался в военно-оперативных планах. С. Д. Сазонов, по словам С. П. Мельгунова, говорил о Янушкевиче так: «Его главным занятием, от которого он получал наслаждение, было копать в перлюстрации самого сомнительного качества. Когда я побывал у него, он мне показал дело о шпионаже графини Ностиц, в дело была вложена ее фотография в обнаженном виде. Документы, вшитые в дело, указывали, сколько раз ее любовник был у нее. С самодовольным видом он меня спросил, как это мне нравится. Я ответил, что все это вызывает во мне чувство омерзения и гадливости» ⁸¹.

Сазонов при всей своей выдержанности, будучи человеком слабого здоровья, в этих случаях выходил из себя и, как рассказывали современники, шагал по своему кабинету вирипрыжку, напоминая молодого вороненка, выпавшего из гнезда. Успокаиваясь, он находил выход, казалось бы, из безнадёжного положения, за что другие современники называли его «хитрой лисой». Среди военных министр опирался не на Сухомлинова и Янушкевича, а на трезво мыслящего будущего начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева, генерал-квартирмейстера российской армии Ю. Н. Данилова, начальника мобилизационного отдела сухопутных сил С. К. Добророльского, а также на морского министра адмирала И. К. Григоровича и начальника Морского генерального штаба вице-адмирала А. И. Русина. Они не только разделяли взгляды министра, но и неизменно поддерживали его. Так, бла-

годаря их поддержке был отменен авантюрный план захвата Константинополя и высадки морского десанта против Болгарии и Румынии. «Перед Россией стоит единственная задача,— писал Алексеев Сазонову осенью 1915 г.,— изгнать врага из наших пределов. Преследовать иные задачи — значит гоняться за миражом. Константинополь поневоле должен быть отложен на далекое будущее»⁸².

Сазонов солидаризировался с мнением этих военных. «Военные действия, как-то: нападения на болгарский берег и суда не должны начинаться нами. Это оттолкнуло бы от нас болгарскую оппозицию»,— писал он⁸³. Министр решительно отклонил сумасбродные планы В. А. Сухомлинова, призывавшего к превентивной войне с Германией. Бахвальство военного министра, утверждавшего, что «мы вполне готовы к войне», подрывало осторожную политику Сазонова — противника военных авантур.

Первое время Сазонова, несмотря на все наветы на него, поддерживал император. Министр играл особую роль в правительстве, часто обходя Горемыкина. По положению о статусе Совета министров, принятому в 1910 г., министр иностранных дел подчинялся непосредственно царю, что позволяло ему ограничиваться уведомлением Горемыкина о принятых мерах, но не согласовывать их с ним. Так продолжалось вплоть до 7 июля 1916 г., т. е. до дня отставки Сазонова, когда царь все же изменил свою ориентацию, что было одной из его серьезных ошибок в трудный период войны.

Но вернемся, однако, к предыстории этой войны, к июльским дням 1914 г., когда угроза войны лишь стучалась в дверь. Какой тактики в это время придерживалось русское правительство?

Внешне в его позиций после 23 июля ничего не изменилось. Сазонов по-прежнему считал чрезвычайно опасным развитие австро-сербского конфликта и более энергично, чем раньше, пытался выяснить намерения Германии и Англии.

Широко известны два высказывания министра по поводу ультиматума: «это — общеевропейская война!» и «действия Австро-Венгрии направлены, в сущности, столько же против России, сколько и против Сербии»⁸⁴.

Царский министр стал зондировать почву о точке зрения Берлина 24 июля утром, т. е. уже на следующий день после вручения венской ноты. Так случилось, что он и германский посол в Петербурге граф Фридрих Пурталес встретились в неофициальной обстановке в поезде из Царского села, где оба проживали на даче. Пурталес писал в воспоминаниях: «Моя встреча на железной дороге с господином Сазоновым, который так же, как и я, проводил летние месяцы в Царском селе, утвердила меня в воззрении, что русский министр иностранных дел все еще определенно надеется избежать войны... Он заверял меня, что ищет средств доставить Австро-Венгрии законное удовлетворение, не изменяя при этом той точки зрения, что Россия должна отстаивать суверенитет Сербии от всяких посягательств. Министр зая-

вил о готовности обсудить любое предложение, которое может способствовать осуществлению этой достижимой цели».

Пурталес со своей стороны утверждал, что Германия «не оказала никакого влияния на составление Австро-Венгрией ультиматума» и даже «не знала о нем»⁸⁵.

Оба эти заявления, несомненно, нельзя брать на веру: в беседе участвовали многоопытные дипломаты, привыкшие надуть друг друга, но они все же в известной мере отражали положение вещей. И Россия и Германия 24 июля еще не решили воевать друг с другом по одной и той же причине — им оставалась неизвестной точка зрения Англии. Однако в позиции дипломатов была и существенная разница: Сазонов более откровенно говорил о необходимости общеевропейского посредничества в австро-сербском споре, Пурталес лживо заверял собеседника в непричастности Германии к возникновению конфликта и отвергал возможность участия Берлина в третейском разбирательстве.

В 12 часов дня 24 июля состоялось упоминавшееся выше заседание Совета министров России, которое по предложению Сазонова приняло рекомендацию Сербии проявлять сдержанность. Под влиянием В. А. Сухомлинова, Н. Н. Янушкевича и ряда других членов правительства Совет министров распорядился вместе с тем принять ряд мер военного характера: об изъятии из берлинских и венских банков русского золота и о задержании на службе очередников в трех округах — Киевском, Одесском и Московском⁸⁶.

Сазонов вечером 24 июля послал телеграмму в Белград, в которой говорилось о возможности оказания военной поддержки Сербии⁸⁷. Тогда же он принял Н. Н. Янушкевича, проинформировавшего его о состоянии вооруженных сил России. Все это позволило немецкому историку Е. Штейницу и советским историкам М. Н. Покровскому и Н. П. Полетике⁸⁸ заявить, будто бы Сазонов встал на путь войны уже в это время, даже до ответа Сербии на венский ультиматум.

Эта концепция нам кажется малодоказательной. Обратимся к фактам. Конечно, царское правительство предприняло ряд оборонных мер, которые оказали определенное влияние и на позицию сербского правительства, решившего не отступать в главном вопросе о сохранении суверенитета государства. Но означало ли это, что Петербург взял курс на войну? Напротив, Сазонов все еще надеялся на мирное разрешение конфликта, поставив своей задачей прежде всего оттянуть сроки выполнения ультиматума, чтобы кабинет Пашича получил возможность выдвинуть свои контраргументы, показав необоснованность требований Вены. «Первым моим шагом, — писал Сазонов, — была попытка выиграть время, и я обратился в Вену с просьбой продлить сорокавосемичасовой срок ультиматума, как чересчур короткий, в чем мне было отказано без всяких пояснений»⁸⁹.

Не ограничившись этим, министр в том же духе телеграфировал вечером 24 июля временному поверенному в делах России

в Сербии В. Н. Штрандтману и российскому послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу⁹⁰, а на следующий день повторил ту же мысль в беседе с английским послом в Петербурге Джорджем Бьюкененом⁹¹. Он рекомендовал Сербии обратиться за посредничеством к Великобритании, выдвинув план созыва третейского ареопага в составе Англии, Франции, Италии и Германии, т. е. государств, не участвовавших в конфликте⁹².

В то же время Сазонов в беседах с английским, австро-венгерским и германским послами, предупреждал, что Россия не останется перед «риском войны»⁹³.

При этом министру приходилось преодолевать дезинформацию сербского посланника в Петрограде Мирослава Спалайковича, который нередко субъективно подходил к оценке действий министра и в связи с этим неверно ориентировал Пашича относительно позиции России. Так, Спалайкович внушал сербскому правительству мысль о готовности России к немедленному вступлению в войну против Австро-Венгрии, тогда как царское правительство предупреждало Белград об опасности военной конфронтации, выгодной германскому блоку. О фантазиях Спалайковича свидетельствуют его многочисленные телеграммы, в одной из которых он писал, что Сербия даже заинтересована в войне, так как с помощью России может добиться крушения Австро-Венгрии⁹⁴. Видный югославский историк академик Милорад Экмечич в своей книге привел ряд примеров произвольной интерпретации событий сербским посланником⁹⁵.

Дезинформация Спалайковича сыграла отрицательную роль. По совету Штрандтмана Пашич собирался обратиться к Англии с просьбой о посредничестве. Однако, получив названную телеграмму, он отменил первоначальное решение. «Министры, — сообщал Штрандтман 27 июля 1914 г., — под влиянием телеграммы Спалайковича о настроениях в России не хотят перенести центр тяжести вопроса из Петербурга в Лондон»⁹⁶.

О примате дипломатических мероприятий над военными в политике Сазонова и российского правительства в целом в эти дни июльского кризиса говорят интересные воспоминания генерал-квартирмейстера русской армии Ю. И. Данилова, который непосредственно отвечал за подготовку вооруженных сил государства к войне. Он сообщал в мемуарах, что высшее офицерство в июле 1914 г. еще не думало о войне. «В первые дни после предъявления Сербии австрийского ультиматума, — писал генерал, — я был в отсутствии из Петербурга. Предположение о возможности серьезного обострения конфликта, вызванного сараевскими событиями, казалось у нас в России настолько маловероятным, что в половине июля я был командирован на Кавказ, и это невзирая на то, что я ведал всеми вопросами, касавшимися обороны государства». В отпуск был уволен и полковник Щелоков, начальник оперативной части Западного фронта⁹⁷.

Германский посол граф Пурталес подтверждал слова генерала Данилова. «В высших офицерских кругах из приближенных

к царю, — писал он, — настроение было решительно в пользу мира»⁹⁸.

В Берлине, напротив, стремились спровоцировать войну и на все предложения Сазонова о посредничестве отвечали отказом. 25 июля министр пригласил Пурталеса и уже не в частной беседе, а официально предложил германской стороне «уговорить Австрию» смягчить пункты ультиматума или продлить сроки его рассмотрения⁹⁹. Беседа закончилась впустую — Пурталес отклонил предложение об арбитраже, ссылаясь на невозможность для Германии вмешаться в дела суверенного государства. В телеграмме, отправленной в тот же день царским министром А. П. Извольскому, говорилось: «Мои беседы



М. Спалайкович, сербский посланник в Петрограде в 1914—1918 гг.

с германским послом укрепили во мне предположение, что Германия поддерживает неуступчивость Австрии»¹⁰⁰.

Последовавшие два дня (26 и 27 июля) прошли сравнительно спокойно и даже вселили в Сазонова некоторую уверенность в благополучном разрешении конфликта. Утром 28 июля министра в его кабинете ожидала телеграмма из Белграда с извещением о том, что Сербия вновь подтвердила готовность принять восемь из десяти требований Вены, что давало Сазонову надежду на возможность урегулирования инцидента.

Сазонов извещал об этом дипломатических представителей России за границей: «Только что ознакомились с ответом, врученным Пашичем барону Гизлю. Ответ превышает все наши ожидания своей умеренностью и готовностью дать самое полное удовлетворение Австрии. Мы недоумеваем, в чем может заключаться еще требования Австрии, если только она не ищет предлога для экспедиции против Сербии»¹⁰¹.

Министр предложил опубликовать ответ Сербии в печати¹⁰². «Сегодня, — сообщал он в другой телеграмме послам в Берлине, Париже, Риме и Лондоне, — у меня был продолжительный разговор в очень дружелюбном тоне с австро-венгерским послом. Рассмотрев с ним предъявленные Сербии 10 требований, я указал на то, что, помимо неудачной формы, в которую они облечены, некоторые из них фактически совершенно невыполнимы, даже если сербское правительство предупредительно заявит о своем согласии их принять»¹⁰³.

Но показная благожелательность «кроткого ягненка», как называл графа Фридриха Сапари Сазонов, оказалось обманчивой. Не прошло и двух дней, как Австро-Венгрия напала на Сербию.

- ¹ ОУА. Bd. VIII, N 10600. S. 636–637.
- ² См.: *Ключников Ю. В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в нотках, договорах и декларациях. М., 1926. Ч. 2. С. 4–5.
- ³ Перепечатано в 1919 г. под названием: *Grosserbigische Umtriebe von und nach Weltkrieg.* Wien, 1910.
- ⁴ *Јовановић Ј.* Руска хроника из 1914. С. 123–139.
- ⁵ *Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л., 1935. Т. 5. С. 457.
- ⁶ ДСП. Кн. VII, св. 2. С. 632–637.
- ⁷ *Grisinger F. von.* Die kritische Tage von Serbien // BM. 1939. N 9.
- ⁸ АВПР. Ф. ПА. Д. 583. Л. 69.
- ⁹ ДСП. Кн. VII, св. 2. С. 636–637.
- ¹⁰ ОУА. Bd. VIII, N 10600. С. 636–637.
- ¹¹ Цит. по: *Лухарев М.* Вильгельм и начало мировой войны // *Анналы.* Пг., 1922. I. I. С. 105–106.
- ¹² Там же. С. 107–108.
- ¹³ *Шееринг А.* Берлин при Вильгельме II. Лондон; Киль, 1915. С. 40.
- ¹⁴ *Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и први светски рат // ИЧ. 1966. Кн. XIV–XV. С. 173–175.
- ¹⁵ ДСП. Кн. VII, св. 2. С. 635–637.
- ¹⁶ АВПР. Ф. ПА. Д. 532. Л. 281.
- ¹⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. V, № 19. С. 38–39.
- ¹⁸ Дипломатска преписка о српско-аустријском сукобу МИД. Ниш, 19М. С. 139.
- ¹⁹ *Deutschland in Ersten Weltkrieg.* В., 1970. Bd. 1. S. 247.
- ²⁰ ДА ДСИП. Ф. Посланство у Паризу. 1917. Ф. I. № 524.
- ²¹ ДА ДСИП. ПО. 1917. Ф. VIII. Д. 3. № 1356.
- ²² *Giesl W.* Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient. В., 1927. S. 264–265.
- ²³ *Pesti Hirlap.* 1916. 26.VII.
- ²⁴ МОЭИ. Сер. 3. С. V. С. 144–145.
- ²⁵ *Redlich J.* Schicksalsjahre Österreichs, 1918–1919: Das politische Tagebuch. Graz; Köln, 1963. Bd. 1. S. 238–239.
- ²⁶ *Vatikan i Jugoslavija: Odnosi Vatikana prema juznoslovenskim narodima do kraja prvog svetskog rata.* Beograd, 1953. S. 146–147.
- ²⁷ *Јовановић Ј.* Одлучујући кораку светском рату // Руски архив. Београд, 1934. Т. 28/29. С. 144–145.
- ²⁸ *Гризингер Ј.* Београд у оми објаве рата // Политика. 1930. № 8082.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ОУА. Bd. VIII, N 10685. S. 721–724.
- ³² Ibid. N 10593. S. 532–534; N 10615. S. 644–645.
- ³³ Генрих фон Чиршки был одним из злых гениев «войны». Г. Н. Трубецкой в своих воспоминаниях объяснял его русофобство личными обидами на Россию. «Однажды на балу у великого князя Владимира Александровича, — писал он, — Чиршки пригласил на какой-то танец одну даму, к которой подсел великий князь. Когда наступило время занимать места и Чиршки подошел к своей даме, вел. кн. в шутилом и несколько фамильярном тоне сказал ему: *qu'il na qua se romener* (вы хотите с ней погулять). Этого не мог переварить самолюбивый дипломат. На следующий день он явился к вел. кн. Марии Павловне жаловаться ей как «германской принцессе» на оскорбление, нанесенное ему в ее доме. Вел. кн. ответила, что она не германская принцесса, а русская великая княгиня и вторично отправила Чиршкого гулять. Тогда последний уехал совсем из России, отрясая прах своих ног на страну, где так мало умели ценить его. Этот ничтожный случай сделал из него, как говорят, врага России» (*Трубецкой Г. И.* Русская дипломатия на Балканах. С. 19).
- ³⁴ DD. Bd. I, N 157. S. 153.
- ³⁵ Ibid.

- ³⁶ См.: *Влахов Т.* Върхвизмът и негова роля по време на войните // III. 1951. № 4/5.
- ³⁷ *Јовановић Ј.* Руска хроника из 1914 г. С. 135–140.
- ³⁸ *Јовков И.* Кобург: (Хроника на царуване на Фердинанд I Сакс-Кобург-Готски). С., 1978.
- ³⁹ Царская дипломатия в мировой войне. М., 1924. Т. 1. С. 167–168.
- ⁴⁰ Работы этих авторов указаны в списке источников и литературы.
- ⁴¹ *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 54; *Savinski A.* Recollections of a Russian diplomat. L., 1918.
- ⁴² Царская дипломатия в мировой войне. Т. 1. С. 145.
- ⁴³ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 174. С. А. Поклевский-Козелл – Российскому МИД. Бухарест, 1914. 12(25).VII. № 169.
- ⁴⁴ Там же..
- ⁴⁵ Там же. Л. 120. А. А. Гирс – С. Д. Сазонову. Цетинье, 1914. 12(25).VII.
- ⁴⁶ Там же. Л. 124.
- ⁴⁷ *Јовановић Ј.* Аустријска тајна архива // Св. 2. С. 89–90.
- ⁴⁸ *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије, 1903–1918 // ИЗап. 1980. Св. 34. С. 111–120.
- ⁴⁹ *Јовановић Ј.* Аустријска тајна архива. С. 99.
- ⁵⁰ Там же. С. 100.
- ⁵¹ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 124. А. А. Гирс – С. Д. Сазонову. Цетинье, 1914. 12(25).VII.
- ⁵² Дневни Новине 1914. 29.VII.
- ⁵³ См. список источников и литературы.
- ⁵⁴ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 218.
- ⁵⁵ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 113, 126. С. Д. Сазонов – А. К. Бенкендорфу и В. Н. Штрандтману. Петербург, 1914 12(25).VII. № 1489, 1494.
- ⁵⁶ DA. Bd. II, N 15.
- ⁵⁷ Ibid. N 13.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ BD. Vol. XI, N 10491.
- ⁶⁰ OUA. Bd. VIII, N 10491.
- ⁶¹ *Георгиев А.* Английская дипломатия в период июльского кризиса 1914 // ВИЖ. 1940. № 1. С. 39 и след.
- ⁶² *Пролетика Н. П.* Возникновение мировой войны. М., 1936. С. 667.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. V, № 91.
- ⁶⁵ АВПР. Ф. ПА. Д. 533. Л. 39.
- ⁶⁶ Цит. по: *Пролетика Н. П.* Указ. соч. С. 659.
- ⁶⁷ OUA. Bd. VIII, N 10491.
- ⁶⁸ *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов н. Д., 1919. С. 20. Есть 2-е издание: Крушение царского режима. Л., 1929.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ *Buchanan G.* My mission to Russia. L., 1923. Vol. 2. P. 56.
- ⁷¹ DD. Bd. I, N 242.
- ⁷² BD. Vol. XI, N 101.
- ⁷³ *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 236. Эта телеграмма впервые была опубликована в «Правительственном вестнике» в 1915 г.
- ⁷⁴ *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Париж, 1972. С. 128–129.
- ⁷⁵ Там же. С. 130.
- ⁷⁶ См., напр.: *Шелькинг.* Самоубийство монархии // История и современность: Альманах. Пг., 1922. Кн. III/IV.
- ⁷⁷ *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 205–206.
- ⁷⁸ Цит. по: *Покровский М. Н.* Кто такой Пуанкаре?: (Предисловие) // *Пуанкаре Р.* Происхождение первой мировой войны. М., 1924. С. 13.
- ⁷⁹ *Набоков К. Д.* Испытание дипломата. Париж, 1921. С. 22–23.
- ⁸⁰ *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914. Прага, 1924. С. 37.
- ⁸¹ *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 94.
- ⁸² Красный арх. 1928. Т. 28. С. 8–9.
- ⁸³ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3493. Л. 62.

- ⁸⁴ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 219.
- ⁸⁵ Пургалес Ф. Между миром и войной: Мои последние переговоры в Петрограде. М.; Пг., 1923. С. 26–28.
- ⁸⁶ DD. Bd. I, N 51. S. 118–120.
- ⁸⁷ Deutschland im Ersten Weltkrieg. Bd. 1. S. 247.
- ⁸⁸ Steinitz E. Rings um Sasonov: Neue dokumentarische Dargelegungen: Zum Ausbruch des grossen Krieges. В., 1928; Покровский М. Н. Империалистическая война. М., 1928; Полетика Н. П. Указ. соч. С. 384–448.
- ⁸⁹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 213.
- ⁹⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. V. С. 68.
- ⁹¹ Красный арх. 1923. № 4. С. 12–13.
- ⁹² Јовановић Ј. Аустрија и Русија (1914) // Руски архив. Београд, 1932. Т. 18/19. Књ. 4..
- ⁹³ Deutschland im Ersten Weltkrieg. Bd. 1. S. 247.
- ⁹⁴ М. Спалайкович в своем выступлении в Париже в Историческом обществе 22 июля 1934 г. выдвинул версию о том, что С. Д. Сазонов в беседе с ним советовал Сербии капитулировать, но сербский посланник якобы сумел убедить его в противном. Эта фальшивка была опубликована в брошюре «Une tournée du Ministre de Serbie à Petrograd de 24.07.1914» (Р., 1934. Р. 14–15).
- ⁹⁵ Екмечић М. Ратни Циљеви Србије 1914. С. 69–70.
- ⁹⁶ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 176.
- ⁹⁷ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 11.
- ⁹⁸ Пургалес Ф. Указ. соч. С. 28.
- ⁹⁹ Там же. С. 48–49.
- ¹⁰⁰ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 226.
- ¹⁰¹ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 69; Д. 4625. Л. 53.
- ¹⁰² ДА ДСИП. ПО. 1914. Ф. I. Д. 8. Л. 2572.
- ¹⁰³ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 148.

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

Австро-Венгрия объявляет Сербии войну

28 июля в 12 час. 30 мин. сербское правительство получило телеграфное извещение о том, что Австро-Венгрия с этого дня считает себя в состоянии войны с Сербией. Как и все, что в последнее время делала Вена, странный характер носил и этот шаг имперского кабинета. Объявление войны вопреки международной практике было сделано не официально, а по телеграфу, причем сама телеграмма пришла в Ниш кружным путем, через Бухарест, и была доставлена не правительству непосредственно, а Верховному командованию сербской армии, которое и передало ее Пашичу¹.

Чем это объяснялось? Небрежностью и неряшливостью Берхтольда, его неуважением к сербскому правительству, которое он не считал равной себе стороной, или за всем этим лежали более глубокие причины, в том числе намерение внести сумятицу в ряды правящих кругов Сербии и вызвать среди них растерянность, чтобы создать лучшие условия для нанесения упреждающего удара по сербским войскам австро-венгерских вооруженных сил, как это предполагали сделать генерал Конрад и солидаризовавшийся с ним барон Буриан, а также граф Тиса. Начальник Генерального штаба носился с идеей нападения на Сербию, пока в Белграде, по его словам, еще «не пронюхали» о подлинных замыслах Вены, Буриан выступал за «скорейший разгром Сербии» с тем, чтобы высвободить войска для других фронтов, Тиса, который ранее проповедовал осторожность, переметнулся на сторону милитаристов и стал защитником активных агрессивных действий против Сербии.

Однако замысел Берхтольда не удался: сербское правительство скорее удивилось, чем растерялось, получив ноту Вены. Вот что записал в своем дневнике заместитель Пашича министр финансов Лазо Пачу: «28 июля неожиданно разнеслась весть о телеграмме, которую получил Пашич от графа Берхтольда. В ней Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Чтобы узнать точно, что произошло, итальянский коллега и я отправились в Окружное управление, где министерский совет проводил заседания... Мне дали депешу из Вены, написанную на французском языке, которая была послана в 11 час. 10 мин. и прибыла в Ниш в 12 час. 30 мин. „Известно ли Вам что-нибудь об этом?“ — спросил меня Пашич... На мой отрицательный ответ Пашич сказал, что он такую форму объявления войны при помощи телеграммы считает делом необычным и даже готов поверить в мистификацию... Во-

зник вопрос: как, каким образом телеграмма прибыла, причем в такой момент, когда решался вопрос о *новом изменении мысли* (выделено мной.— Ю. П.), т. е. о продолжении поисков примирения².

Что конкретно имелось в виду, на какие шаги намекал Л. Пачу? На этот счет нам не удалось найти документальных материалов — они не сохранились ни в русских, ни в югославских архивах, но о попытках сербского правительства начать новый диалог с Австро-Венгрией говорит ряд косвенных данных. О них упоминается в воспоминаниях С. Д. Сазонова, об этом же писали итальянский историк Л. Альбертини, английский историк Р. У. Ситон Уотсон и совсем недавно югославский исследователь Милорад Екмечич, к сожалению, без прямых ссылок на первоисточники³. Ими также не было определено точное время обращения сербского правительства с заявлением о готовности продолжить переговоры с Австро-Венгрией: произошло это до объявления войны или после нее, имеет принципиальное значение, так как речь идет о том, уступило ли правительство Пашича силе или сделало это сознательно, без нажима извне.

Дело же состояло в следующем: 28 июля Н. Пашич направил временному поверенному Сербии в Италии Михайловичу телеграмму, в которой предполагалось известить итальянское правительство, а через английского посла в Риме сэра Р. Родда Э. Грея о намерениях Сербии обратиться в международный Гаагский суд и запросить его посредничество в конфликте с Австрией⁴. «Пашич,— писал Сазонов,— выразил готовность отдать дело Сербии на решение Гаагского международного суда в случае, если бы Венское правительство предъявило еще какие-нибудь дополнительные требования»⁵.

Эти намерения Белграда подтверждает распоряжение сербского правительства о частичной мобилизации армии только для нужд обороны. «Пашич,— телеграфировал В. Н. Штрандтман 24 июля 1914 г. в Петербург,— сообщил, что, несмотря на сосредоточение войск Австро-Венгрии на границе с Сербией, в Сербии решено призвать только первую очередь запасных»⁶. В изданном 26 июля сербским правительством Указе о мобилизации вооруженных сил говорилось: «Мы надеемся, что конфликт завершится миром». Правительство заявляло, что армия будет призвана к оружию только в случае нападения противника⁷. 28 июля, уже после объявления Австро-Венгрией войны, в Нише состоялось чрезвычайное заседание Народной скупщины, во время которого было зачитано правительственное сообщение о войне, где снова подчеркивалась готовность Сербии «к мирному разрешению спора». Пашич известил об этом все европейские державы⁸.

Таким образом, сербское правительство сделало, если и не все возможное, то, во всяком случае, максимальное, что еще зависело от него, чтобы избежать войны. Оно учитывало при этом слабость вооруженных сил страны.

Генерал Душан Калафатович, имевший прямое отношение к вооружению сербской армии, признал в своих воспоминаниях, написанных в 1933 г., что вооруженные силы Сербии были совершенно не подготовлены к войне. «Все оскудело, — отмечал он, — и обмундирование, и обувь, и оружие, и транспорт, и лошадиный парк. Даже ружей было недостаточно, и многие полки пошли на войну без них... Только позже, уже во время боев, мы получили из России 100 тыс. берданок»⁹.

Вопреки утверждению сербского военного историка полковника П. Опачича¹⁰ Сербия не имела четкого военно-оперативного плана. Военный министр полковник Душан Стефанович в воспоминаниях рассказал о следующем случае: «Перед отъездом в г. Ниш, я распорядился, чтобы генерал Степа Степанович заменил Путника. Так как ключ от сейфа, где находился военный план, был у воеводы, полковники Душан Пешич и Живко Павлович (заместители Р. Путника. — Ю. П.) разбили сейф, чтобы извлечь план». Однако оказалось, что плана в точном понимании этого слова не было, а вместо него имелись лишь самые общие наброски военных действий. Основной их идеей была задача: «Удерживать оборону пока не разъяснится ситуация, а затем действовать по обстоятельствам»¹¹.

Вооруженные силы Сербии насчитывали 256 тыс. солдат и офицеров и состояли из 3 армий, которые, в свою очередь, делились на 11 пехотных и 1 конную дивизию. Кроме того были сформированы Ужицкая группа войск и несколько мелких вспомогательных отрядов. В момент мобилизации главные силы сербов находились в Македонии и только 5 полков в самой Сербии. Условно они распределялись так: 1-я армия — от поселка Старый Аджибеговац до поселка Топола, 2-я армия — от г. Аранжеловац до г. Лазаревац с передовыми отрядами у рек Дунай и Сава, 3-я (вспомогательная) армия концентрировалась около г. Вальева. Ужицкое войско дислоцировалось в районе Верхней Дрины.

После начала войны было сформировано Верховное командование во главе с принцем-регентом Александром, начальником его штаба стал воевода Радомир Путник, его помощником генерал Живко Мишич, начальником оперативного отдела полковник Живко Павлович, командующим 1-й армией генерал Петар Боевич, 2-й армией — генерал Степа Степанович, 3-й армией генерал Павла Юришич-Штурм, командующим Ужицкой группой войск генерал Вукоман Арачич, позже генерал Милош Бажанович¹².

Мобилизация неожиданно для военного ведомства была проведена быстро и организованно, железные дороги работали четко, солдаты и офицеры проявили патриотический подъем. В деревнях крестьяне звонили в колокола, вместо факелов зажигали костры из сена, стреляли в воздух. Большое распространение в ту пору получили воинственные слова: «Мы разбили турок, притаившихся в горах, и нам ничего не стоит победить швабов, спящих в своих мягких постелях».

Но «швабы» отнюдь не спали. Австро-венгерская группа войск во главе с генералом Оскаром Потioreком изготовилась к прыжку и, как оказалось, совсем не в том районе, где их рассчитывали встретить сербы. Уже 29 июля началась бомбардировка Белграда тяжелой артиллерией, в которой австрийцы имели преимущество перед сербами в десятки, а на отдельных участках фронта в сотни, а то и больше раз.

Монархия Габсбургов после объявления войны Сербии

Австрийский историк Энгель Яноши в 1968 г. на международной конференции в Вене, которая была посвящена вопросу об образовании на развалинах Австро-Венгрии новых национальных государств, неожиданно для ее участников внес предложение о сооружении памятника императору Францу Иосифу, заявив, что при нем многонациональное государство процветало, а сам монарх будто бы был не только противником войны, но и делал все для ее предотвращения и объявил ее лишь «в силу обстоятельств».

Разумеется, никто из участников конференции не поддержал это вздорное предложение, но оно тем не менее небезынтересно уже по одному тому, что Энгель Яноши выражал мнение целого направления консервативных австрийских историков, апологетизировавших деятельность Франца Иосифа ¹³.

Но имеется и другая крайность, сторонниками которой в историографии являются покойный академик И. П. Трайнин, а среди литераторов — автор ряда исторических романов В. Пикуль.

В своем произведении «Честь имею!» В. Пикуль изобразил Франца Иосифа выжившим из ума старикашкой, который занимался только тем, что... бил мух: «Монарх, напялив на голову дурацкий колпак, бродил по коридорам Шенбрунского дворца, бормоча: „Сколько мух, сколько мух“ и бил их хлопущей...» (писателю невдомек, что в Шенбруне нет коридоров, а тянется анфилада комнат и что император практически не жил в этом здании, дворец лишь в отдельных случаях служил для официальных приемов) ¹⁴. На самом деле глава австро-венгерского государства до конца своей жизни (он умер в 1916 г.) был действующей фигурой и далеко не такой безобидной, как об этом пишет романист.

Конечно, инициатором войны были австрийские милитаристы, крупная буржуазия, венгерская аристократия и другие представители господствующих классов, но и сам монарх приложил к этому руку. Он, например, охотно поверил явной фальсификации своего первого министра Л. Берхтольда, который 27 июля сообщил Францу Иосифу заведомую ложь о том, что будто бы сербские войска напали на австрийскую погранзаставу в районе Темеш-Кубина, и, даже не проверив этого сообщения, скоропали-

тельно подписал манифест об объявлении Сербии войны. Когда Берхтольд на следующее же утро заявил, что факты нападения не подтвердились, император не придавал этому совершенно никакого значения, так как уже подписал манифест о войне¹⁵.

Австро-венгерский монарх давно лелеял планы ликвидации так называемой сербской опасности. Он не ответил на два цитировавшихся выше письма Иштвана Тисы, который предостерегал главу государства от рискованного шага¹⁶. Франц Иосиф больше слушался советов кайзера, который предлагал явочным порядком оккупировать Белград (план «марша на Белград») ¹⁷. Австрийский император не механически подписал манифест о войне — он тщательно продумал этот шаг. «Решение, которое я принял, было взвешено и обдуманно. Со спокойной совестью я вступаю на путь, который мне указывает мой долг», — заявил он.

В манифесте к «Моим верным народам» император призывал многонациональное население государства объединиться вокруг его трона, оказав отпор заговорщикам — сербам, которые, по его словам, оставили «кровавый след своими тайными махинациями против империи». Манифест заканчивался выражением надежды, что народы, «в течение веков толпившиеся у моего трона», будут и впредь верой и правдой служить династии¹⁸.

Но ожидаемой консолидации сил многочисленных наций в Австро-Венгрии не произошло. Только среди правящих кругов и то ненадолго, до первых военных поражений, прекратился разброд. Монархию поддерживали буржуазные партии и социал-демократия, католическая церковь и военщина, хорватские и словенские сепаратисты, которым покойный эрцгерцог обещал триализм, и венгерская оппозиция, которая, напротив, защищала дуализм. 28 июля, в день объявления войны, граф Аппоньи от имени всех венгерских оппозиционных фракций заявил в парламенте: «Мы полностью проникнуты сознанием того, что этот начавшийся расчет (с Сербией. — Ю. П.) был неизбежен... На объявление войны мы можем ответить единственным словом: наконец-то!» Граф Тиса, в свою очередь, сказал: «Не стоим ли мы ближе друг к другу, чем когда-либо в этой стране без различия партийной, религиозной, классовой и национальной принадлежности?»¹⁹

Тиса, однако, глубоко ошибался: уже в начале войны стали сказываться и социальные различия и национальные противоречия. Российский генеральный консул в Будапеште М. Г. Приклонский сообщал в телеграмме от 28 июля: «Среди национальностей начинается брожение. Сербские запасные идут с пением сербских песен... Среди швабов воинственности не замечается»²⁰. О том же информировал Петербург консул в Праге В. Г. Жуковский 1 августа: «Мобилизация идет неудачно... Энтузиазма никакого нет. В народе сильное недовольство»²¹. Приклонский в телеграмме от 30 июля извещал о настроениях венгров: «В городе, несмотря на искусственный подъем духа и демонстрации, в которых принимает участие почти исключительно юная молодежь, замечается скорее угнетенное настроение»²².

И все же в начале войны ее благоприятный для монархии Габсбургов исход казался многим представителям господствующей элиты бесспорным. Предстояла война все еще могучей империи со слабой «пастушеской» Сербией, за спиной Австро-Венгрии стояла самая сильная в Европе германская армия, тогда как вступление в войну России на стороне Сербии, по мнению Вены, оставалось проблематичным. В столичных салонах спорили не о самой войне (она уже началась), а о ее сроках. Бывший австро-венгерский посланник в Сербии граф Иоганн Форгац, например, утверждал, что имперская армия поставит Сербию на колени за одну—две недели, некоторые называли более отдаленные сроки, но никто не предполагал, что война, став общемировой, продлится долгие годы и что в результате ее развалится, словно картонный домик, сама империя.

Россия и другие державы после начала австро-сербской войны

28 июля оказалось определенным рубежом в развитии международных отношений. С этого момента всем правительствам стала очевидной нереальность дальнейших переговоров о ликвидации локального конфликта мирным путем. Наиболее четко это выразил С. Д. Сазонов: «Гром орудий (т. е. война Австро-Венгрии с Сербией.— Ю. П.) помешал возобновлению переговоров, которым я придавал практическое значение только в первую стадию австрийско-сербского столкновения. Я утратил к ним всякий интерес. Помочь они ничем не могли, а отсрочивать более было нечего»²³.

Царское правительство отдавало себе отчет в том, что начавшаяся война коснется не только Сербии, но и самой России. Сазонов писал: «Действия Австро-Венгрии направлены, в сущности, столько же против Сербии, сколько и против России»²⁴.

Вот почему после 29 июля произошел крутой поворот царизма в сторону войны, хотя по дипломатической линии Петербург продолжал еще некоторое время придерживаться прежней тактики.

28 июля, сразу после получения известий о начале военных действий, царь направил императору Германии личную телеграмму, попросив содействия в прекращении «подлой (ingoble) войны». Кайзер, только что вернувшийся с очередной морской прогулки, в сердцах испещрил телеграмму Николая II своими ядовитыми пометами. Упрекнув царя в панславизме, он, по существу, отклонил его просьбу, сославшись на то, что всякие советы извне могут быть расценены Австро-Венгрией как вмешательство в ее внутренние дела²⁵.

Одновременно Россия предприняла попытку запугать Австро-Венгрию. 28 июля была объявлена частичная мобилизация, но Сазонов предупредил Берлин, что она носит оборонительный характер и не направлена против Германии²⁶. В Петербург срочно

были отозваны из командировки на Кавказ генерал-квартирмейстер генерального штаба Ю. Н. Данилов²⁷, а из отпуска в Петергофе военный министр В. А. Сухомлинов²⁸.

Вместе с тем тогда же, 28 июля, Сазонов направил российскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу телеграмму, в которой просил английское правительство вмешаться в конфликт. «Вследствие военных действий между Австро-Венгрией и Сербией,— говорилось в документе,— необходимо скорейшее воздействие Англии с целью посредничества и немедленного приостановления военных действий Австрии против Сербии»²⁹.

Вечер 28 и весь день 29 июля прошли сравнительно спокойно, но министр в ожидании дальнейших событий не поехал, как обычно, на дачу в Царское село, а оставался в Петербурге в особняке своего тестя П. А. Столыпина на Елагине острове.

Однако это спокойствие оказалось временным. 29 июля ранним утром в министерство явился германский посол граф Пурталес и сделал заявление о том, что его правительство ожидает от России обещания прекратить военные приготовления, указав, что в этом случае Германия сможет принять участие в третьей разбирательстве австро-сербского конфликта.

Сазонов так записал в дневнике об этой встрече: «Он (Пурталес.— Ю. П.) обратился ко мне с вопросом не могли бы мы удовлетвориться обещанием Австро-Венгрии не посягать на территориальную неприкосновенность Сербии и приостановить наши военные приготовления. Я тут же написал на листке бумаги и передал ему следующее заявление: „Если Австрия, признав, что австро-сербский конфликт принял характер общеевропейского вопроса, заявит о готовности удалить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенные права Сербии, Россия обязется прекратить свои военные приготовления“»³⁰.

На первый взгляд обе стороны были готовы к компромиссу. Для царского правительства особенно важным было согласие Германии принять участие в международном арбитраже, для Германии — согласие России отказаться от военной поддержки Сербии.

Но все это в действительности было лишь маневром, рассчитанным на обман общественного мнения своих стран, во-первых, и на завоевание на свою сторону Англии, во-вторых. Правительству кайзера необходимо было заручиться поддержкой социал-демократической партии, имевшей в рейхстаге значительное влияние, царское правительство надеялось привлечь, наконец, к своему союзу с Францией Англию. Оба собеседника — Сазонов и Пурталес — играли с закрытыми картами, но оба хорошо понимали неотвратимость войны. Об этом, в частности, говорила совершенно секретная телеграмма Сазонова Извольскому, отправленная тотчас после беседы с Пурталесом. «Нам,— сообщал царский министр,— невозможно уступить желанию Германии. Нам не остается ничего другого, как укрепить наши собственные вооруженные силы и считаться с вероятной неизбежностью войны»³¹.

29 июля произошло два важных события, оказавших влияние на дальнейшее развитие ситуации: беседа российского посла в Берлине С. Н. Сербеева со статс-секретарем Германии по иностранным делам Готлибом фон Яговым и встреча сэра Эдуарда Грея с германским послом в Лондоне князем К. М. Лихновским.

Во время первой беседы русская сторона проинформировала немецкую о том, что в четырех приграничных с Австро-Венгрией округах задержана демобилизация очередников, и было сказано при этом, что это носит временный характер и сделано в интересах защиты государства. Ягов, по сообщению Сербеева, реагировал необычайно остро. У российского посла создалось даже впечатление, что статс-секретарь, обычно спокойный и предупредительно вежливый, решил преднамеренно обострить ситуацию: «Ягов в сильном волнении ответил мне, что это известие меняет положение и что теперь он не видит уже возможности избежать европейскую войну»³².

Не менее напряженный характер имела и вторая беседа. Эдуард Грей дал понять Лихновскому, что Англия после объявления Австро-Венгрией войны с Сербией не может оставаться равнодушной к угрозе со стороны германского блока России и Франции. «Мировая война неизбежна, если Австро-Венгрия откажется разговаривать по сербскому вопросу», — заявил министр³³. Заявления Ягова и Грея вызвали переполох: первое — в Петербурге, второе — в Берлине. Николай II, ознакомившись с телеграммой Сербеева, вечером 29 июля направил личную телеграмму Вильгельму II, не известив Сазонова. Долгое время о существовании этого послания вообще не знали в правительстве — впервые она была опубликована уже во время войны, в 1915 г., в «Правительственном вестнике». Телеграмма царя носила настолько общий характер, что кайзер даже не счел нужным прореагировать на нее. Зато в ответ на заявление Грея германский император разразился целым потоком упреков в адрес английской дипломатии. Вильгельм II в свойственной ему солдафонской манере испещрил донесение Лихновского такими, например, выражениями, как «эта дворовая собака Грей» «продажная скотина» и пр. Кайзер пригрозил прекратить с Англией переговоры о морском договоре. «С этими обезьянами я никогда не буду переговаривать о морском флоте», — писал он³⁴.

Рейхсканцлер Теобальд Бетман-Гольвег и статс-секретарь по иностранным делам Готлиб фон Ягов отнеслись к заявлению Грея спокойнее и даже сделали вывод о необходимости показного участия Германии в международном обсуждении вопроса об австро-сербском конфликте³⁵. При этом, однако, они снова исходили из презумпции «виновности Сербии», оправдывая действия Австро-Венгрии. В Берлине обращали лишь внимание Вены на необходимость избрания более гибкой тактики, советуя не идти напролом, а делать вид, что Австро-Венгрия готова на диалог с Сербией и Россией. «Надо сделать так, чтобы всю ответственность за срыв переговоров несла Россия», поучал своего коллегу по руководству

планированием войны генерала Конрада генерал Мольтке. Конрад заверил Мольтке в том, что «австрийцы не будут делать глупостей». «Мы не будем объявлять войну России», — телеграфировал он. Но не прошло и суток, как тот же Мольтке послал генералу новую телеграмму о необходимости начать всеобщую мобилизацию. Она пришла в Вену 31 июля в 7 час. 45 мин. утра. Мольтке уведомил Конрада о том, что Германия уже приступила к скрытой мобилизации против России и призывал Австро-Венгрию последовать ее примеру. Начальник Генерального штаба Германии снова заверил союзницу в поддержке. «Если начнется европейская война, то Германия пойдет с Австрией до крайних пределов»³⁶.

Ознакомившись с этой телеграммой, руководители австро-венгерского государства сначала выразили сомнение. Кто-то из них (кажется Тиса) спросил: «Кто возглавляет Германию: кайзер или Мольтке?» Но Берхтольд поставил точку: «Это отлично!» — сказал он. Вскоре министров принял император. Он тоже получил телеграмму от Вильгельма II (она до сих пор не обнаружена) и объявил собравшимся, что для государства наступил исторический момент. «Я, — заявил он, — созвал вас для сообщения чрезвычайной важности: Германия с нами. Об этом мне написал император»³⁷.

Европейские державы в конце июля — начале августа 1914 г.

К началу августа рассеялся, наконец, дипломатический туман в русско-английских отношениях, плотно обволакивавший город на Темзе. Правительство Его Величества английского короля Георга V заявило 29 июля о моральной поддержке Франции и России³⁸, а в августе вступило в войну на их стороне. Этому решению способствовал ряд обстоятельств. Одним из них — и очень важным — явилось строго секретное сообщение британской военной разведки о намерениях Германии оккупировать Бельгию. В 20-х числах июля (по некоторым данным 7 июля) Мольтке утвердил военно-оперативный план Шлиффена о нападении на Францию через Бельгию в обход французских укреплений на германской границе, что затрагивало интересы Великобритании³⁹.

Другой причиной переориентации английского правительства на войну была угроза германского вторжения в Россию, которая могла поставить под удар идею создания двух фронтов, выгодную для Англии, но опасную для Германии. В Лондоне никак не могли позволить себе лишиться такого союзника, как многомиллионная Россия. Русские солдаты, которые рассматривались правящими кругами Англии как «пушечное мясо», должны были обеспечить интересы британского империализма.

Теми же соображениями руководствовалось и французское правительство. Военный министр Франции Теофил Делькассе

цинично заявил, что его интересует русская армия, а не сама Россия. Еще в 1913 г., когда он был послом в Петербурге, Делькассе сказал, что французское правительство обеспокоено состоянием вооруженных сил Российской империи, а не «судьбой 180 миллионов русских мужиков»⁴⁰.

Нападение Австро-Венгрии на Сербию, которое тайно поддерживалось Германией, разрушило иллюзии Лондона и Парижа о возможности отделить монархию Габсбургов от центральной коалиции, и, наоборот, поддержка Россией Сербии показала, что в Петербурге на этот раз решили не уступать своих позиций на Балканах и что Англии и Франции, если они хотят использовать Россию в войне против Германии, надо сделать решительный выбор.

Французское правительство остановилось на русском варианте еще в июне 1914 г. во время приезда в Петербург президента Пуанкаре, английское правительство пришло к этому выводу позже — в конце июля — начале августа того же года⁴¹.

О значительном смещении акцентов во внешней политике обоих государств в этот период свидетельствовала и местная пресса. В Великобритании за поддержку России и Сербии 29 июля, т. е. уже на следующий день после объявления Австро-Венгрией войны Сербии, высказалось подавляющее большинство газет во главе с консервативной «Таймс», а газета «Морнинг пост» поставила даже вопрос о нецелесообразности для Англии сохранять свой нейтралитет. «Трудно сказать,— писала она 29 июля,— что представляет для Европы большую опасность: война или капитуляция перед Германией», и делала вывод: «Австрия, поддерживаемая Германией, посылает вызов России; положение очень серьезно; Англия немедленно должна исполнить свой долг». Только одна газета «Дейли ньюс» продолжала поддерживать прежнюю точку зрения. «Англия,— говорилось в передовице,— не должна жертвовать ни одним солдатом во имя гегемонии России над славянским миром»⁴².

Французская пресса также осудила агрессию Австро-Венгрии и выразила озабоченность ростом милитаристских настроений Германии. В таком духе, например, писали газеты «Матен», «Республик Франсез», «Ля петит републик» и другие органы печати. Лишь социалистическая «Юманите» опубликовала антивоенную статью Жана Жореса, призывавшую Германию, Францию и царскую Россию к отказу от войны⁴³.

31 июля Россией и Англией была предпринята последняя попытка заставить Австро-Венгрию прекратить войну с Сербией, но она носила уже пропагандистский характер, т. е. была сделана для того, чтобы завоевать на свою сторону общественное мнение Европы.

По совету Грея Сазонов в первоначальный текст своей «формулы» внес ряд изменений, которые, не меняя существа документа, открывали путь к компромиссному решению спорного вопроса. Новая редакция «формулы Сазонова» гласила: «Если Австрия



Георг V, король Великобритании и Ирландии,
император Индии

согласится остановить движение своих войск на сербской территории и если, признавая, что австро-сербский конфликт принял характер европейского вопроса, она допустит, чтобы европейские державы рассмотрели вопрос о том удовлетворении, которое Сербия могла бы дать австро-венгерскому правительству без нанесения ущерба своим правам суверенного государства и своей независимости — Россия принимает на себя обязательство сохранять свое выжидательное положение»⁴⁴.

Чем отличалось новое предложение Сазонова от того, которое им было передано Пурталесу лишь день тому назад? Оба документа подчеркивали одну и ту же мысль: Австро-Венгрия должна пересмотреть те требования своего ультиматума Сербии, которые задевали суверенитет сербского государства, а Россия, в свою очередь, брала на себя обязательство не прибегать в отношении Австро-Венгрии к военной силе. Но в этих двух документах имелись и различия, причем не только формулировочного, но и смыслового характера. Во втором документе шла речь не просто о пересмотре австро-венгерского ультиматума, но и о том, что монархия Габсбургов должна вывести свои войска с территории Сербии.

Принципиально важным положением «новой формулы» Сазонова было упоминание о перерастании локального австро-сербского конфликта в общемировой и о том, что Австро-Венгрия должна признать свою вину за это. С большой долей вероятности можно сказать, что это положение в «формуле Сазонова» было подсказано царскому министру Грею, который хотел обосновать вступление Англии в войну. Наконец, в новой формуле Сазонова были видоизменены обязательства России перед Сербией. В отличие от старого, определенного — «Россия обязуется прекратить свои военные приготовления», в новом варианте дано более уклончивое — «сохранит выжидательное положение»⁴⁵.

Эта формулировка, как и следовало ожидать, не устроила Германию, отклонившую документ целиком. Неизбежность войны между Российской и Германской империями стала еще более очевидной.

Русско-германские отношения на заключительном этапе июльского кризиса

О том, как началась война между Германией и Россией написана обширная литература, в том числе и советскими историками⁴⁶, что позволяет в настоящей книге ограничиться лишь общими положениями, тем более, что подробное исследование этого вопроса увело бы автора от основной проблемы.

Попробуем ответить на два главных вопроса: почему Россия, неподготовленная к войне, все же вступила в нее и почему вместо локального столкновения с Австро-Венгрией она сначала «скрестила шпаги» с более сильной Германией?

Опасность войны с последней хорошо понимали не только дальновидный С. Д. Сазонов, но даже неграмотный Гришка Распутин. За войну с Германией выступали великий князь Николай Николаевич, считавший германо-русский конфликт фатально неизбежным, самоуверенный и недалекий военный министр В. А. Сухоминов, малокомпетентный в военных вопросах начальник генерального штаба Н. Н. Янушкевич и еще несколько высших офицеров (генералы Ю. Н. Данилов, С. Добророльский и некоторые другие). Морской министр адмирал И. К. Григорович, начальник Морского генерального штаба вице-адмирал А. И. Русев и весь состав этого центра военно-морского планирования⁴⁷, почти все руководители сухопутных сил считали, что войну с Германией можно начинать только после реализации так называемой «Большой военной программы», которая была принята в 1913 г. и должна была завершиться лишь в 1917–1918 гг.⁴⁸ «Неоспоримый факт — наша полная неподготовленность к войне», — констатировал царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов⁴⁹.

Почему же тогда царизм пошел на этот шаг, равный самоубийству? Историки по-разному оценивают его причины. Одни исследователи объясняют решение российского правительства большой

финансово-экономической и политической зависимостью России от своих западных союзников, а также от Германии. Как показали в своих содержательных работах А. Л. Сидоров, П. В. Волобуев, А. М. Зайончковский, В. А. Емец⁵⁰ и другие историки, эта зависимость действительно имела место, хотя в последние годы Россия в значительной мере начала избавляться от нее. Российский капитализм в предвоенное десятилетие сделал огромный скачок вперед: страна стала занимать одно из ведущих мест на мировом рынке, русский рубль начал котироваться в Европе на том же уровне, что и франки и фунты стерлингов, а его золотое обеспечение продолжало сохраняться вплоть до 1916 г. Однако союзнические обязательства России сыграли, несомненно, свою роль.

Другие историки объясняли вступление России в войну с Германией разрывом Петербургом в 1914 г. таможенного соглашения 1904 г., которое предоставляло Германии льготные условия на российском рынке⁵¹. И в этой концепции содержится значительная доля истины. После пересмотра Россией таможенного тарифа германский император Вильгельм II заявил: «Отныне мы стали врагами»⁵². Но сам пересмотр русско-германского торгового соглашения явился следствием не только растущих экономических противоречий между торговцами и промышленниками обеих стран, но и реакцией правительств этих государств на обострение политических антагонизмов. Еще совсем недавно, в 1910 г., на встрече в Потсдаме Вильгельм II Гогенцоллерн и Николай Романов поднимали бокалы с шампанским за вечную дружбу и это были не только дежурные тосты — Россия, хотя и заключила в 1907 г. союз с Францией, еще не сделала окончательного выбора в своей внешнеполитической стратегии — в ее правящих кругах шла борьба сторонников двух направлений: с Германией против Англии или с Англией против Германии⁵³.

Четыре предвоенных года оказались переломными в силу ряда причин, главной из которых стала экспансионистская политика самой Германии, нацелившейся на завоевание мирового господства.

Между Россией и Англией, между Россией и Францией продолжали сохраняться противоречия, но они стали отступать на второй план перед лицом германо-российского антагонизма. Большой интерес в связи со сказанным представляет секретная записка на «высочайшее имя», составленная референтурой иностранного отдела Морского генерального штаба в конце 1913 — начале 1914 г. (на документе нет даты) и обнаруженная автором в Центральном государственном военно-морском архиве СССР.

В Записке говорилось: «Последние 15 лет Германия всеми силами стремилась поработить Россию экономически и ослабить ее в политическом и военном отношении. Российский рынок переполнен немецкими товарами, международный престиж страны сильно подорван, а ее военное могущество сокрушено (в войне с Японией.— Ю. П.) Но возрождение России уже началось и идет быст-

рыми шагами вперед; в Германии пробуждаются вследствие этого серьезные опасения за дальнейшее распространение своего влияния, и немцы уже спешат принять меры»⁵⁴.

Российский капитализм начал встречать препятствия со стороны германского капитализма во всех сферах и всех странах: на Ближнем Востоке и Балканах, через территории которых немцы проложили стратегическую железную дорогу Берлин—Белград—Константинополь—Багдад, в Скандинавских странах, в Центральной Европе и Средней Азии, на Балтике и в Средиземноморском бассейне.

Берлин торопился развязать мировую войну и предупредить военное строительство в России, не дав ей возможности возродить свою военную и военно-морскую мощь.

Подписание франко-русского союза и переговоры России с Англией (главным соперником Германии) о взаимных союзнических обязательствах подталкивали Берлин к активизации своих действий против России. В 1913 г. начальник Большого генерального штаба Германии генерал Мольтке завершил разработку плана нападения на Францию и Россию, в том же году рейхстаг вотировал декрет о миллиардном бюджете для германской армии, в августе этого же года Вильгельм II подписал секретную инструкцию министерству иностранных дел о переориентации внешней политики Германии на войну, в октябре 1914 г. кайзер впервые за последние годы поставил перед правительством союзной Австро-Венгрии задачу агрессии против союзной с Россией Сербии с расчетом на создание международной конфликтной ситуации⁵⁵.

Россия оказалась втянутой в мировую войну логикой событий, что никоим образом не снимает с царизма ответственности за ее возникновение. Мало того, царизм совершил двойное преступление: он не только вступил в кровавую схватку, которая ни в малейшей степени не могла быть оправдана защитой национальных интересов, самодержавие начало войну не подготовившись к ней, что дорого обошлось народам России: на войне сложили головы 5 млн человек — столько же, сколько погибло на всех фронтах и во всех странах вместе взятых. «Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным», — констатировал Ленин еще во время Японской войны⁵⁶. С тех пор положение не изменилось к лучшему.

В литературе весьма подробно изложены обстоятельства объявления Германией и Россией войны друг другу. Небезынтересны, однако, некоторые детали, которые показывают методы и приемы буржуазной дипломатии. Для правительства кайзера крайне важным было получить согласие на объявление войны со стороны социал-демократии, имевшей в рейхстаге сильные позиции. Вот что писал по этому поводу в своих воспоминаниях бывший канцлер Германии князь Бернгард Бюлов: «Почему мы уже 1 августа с невероятной поспешностью объявили войну России? Причина здесь, как и во многих других ошибочных дипломатических ма-

неврах, коренилась во внутренних соображениях, вернее сказать, во внутренних страхах канцлера (Бетман-Гольвега.— Ю. П.). Альберт Баллин * наглядно обрисовал мне сцену, происходившую в его присутствии. Когда Баллин вошел в салон, где тогда были приняты столь потрясающие решения, то увидел рейхсканцлера, которого сотрудники начали называть „Кригсканцлер“ („военный канцлер“); он большими шагами в сильном возбуждении ходил взад и вперед по комнате. Перед ним за столом, заваленным толстыми книгами, сидел тайный советник Криге, который был прилежным, честным и усердным чиновником... Бетман время от времени обращался к Криге с нетерпеливым вопросом: объявление войны России все еще не готово? Я должен сейчас же иметь мое объявление войны России! Совершенно растерянный Криге копался между тем в крупнейших руководствах по международному и государственному праву, начиная с „Права войны и мира“ Гуго Гроция и вплоть до Блюнеля, Гефтера и Мартенса, выискивая прецеденты. Баллин позволил себе спросить канцлера: „Почему, собственно, Ваше правительство и Вы так страшно торопитесь с объявлением войны России?“ Бетман, эта бездарная каланча, как его иронически прозвал социалист Франк, ответил: „Иначе я не получу социал-демократов“⁵⁷.

Правительство кайзера спешило использовать объявление Россией всеобщей мобилизации, чтобы получить в рейхстаге поддержку.

Между тем французский историк Пьер Ренувен еще в 1925 г. опубликовал документы, свидетельствующие о том, что Германия приступила к скрытой мобилизации своей армии раньше, чем это сделала Россия⁵⁸. Гельмут Мольтке подписал приказ о всеобщей мобилизации утром 31 июля в 7 час. 45 мин., а сведения о мобилизации в России были доставлены в Берлин только в 11 час. 40 мин. того же дня, т. е. через 4 часа⁵⁹. Мольтке поспешил известить о германской мобилизации Австро-Венгрии, призвал генерала Конрада последовать примеру Берлина. 31 июля в 4 час. 45 мин. пополудни германский военный аташе в Вене посетил генеральный штаб Австро-Венгрии и сообщил, что в Германии введено так называемое военное состояние против России и по армии объявлена боевая готовность номер один. Не ограничившись этим, Мольтке в 7 час. 15 мин. вечера того же дня лично послал телеграфный запрос Конраду: как поступит Австро-Венгрия, поддержит ли она Германию в случае войны с Россией или «оставит Германию не при чем?» (will Österreich Deutschland im stiche lassen?). Конрад ответил, что монархия Габсбургов будет верна своему слову и разделит с Германией все тяготы войны. Генеральный штаб Австро-Венгрии, сообщил он, уже разработал план военных операций в Галиции⁶⁰.

Формально в России указы царя о мобилизации были подписаны раньше, чем в Германии (о частичной мобилизации четы-

* Один из приближенных к кайзеру лиц.

рех округов 29 июля, о всеобщей мобилизации 30 июля), что дало основание историкам из «школы Вегерера» распространять версию об ответственности России за войну. Однако, как это убедительно доказал западногерманский историк Ф. Фишер⁶¹, само понятие «мобилизация» не было адекватным понятию «война». Россия провела мобилизацию в целях защиты государства, Германия — в целях развязывания войны. Об этом говорит упоминавшееся выше распоряжение Мольтке.

Следует принять во внимание и реальные сроки осуществления всеобщей мобилизации, т. е. возможности перехода вооруженных сил от состояния их подготовки к войне до состояния боевой готовности. По словам начальника мобилизационного отдела Российского генерального штаба генерала Добrorольского, Германии для этого потребовалось бы не более 10 дней, России в условиях бездорожья и территориальной отдаленности призывных пунктов от линии фронта — не менее одного месяца⁶².

Большую роль в развитии дальнейших событий сыграла оскорбительно ультимативная форма обращения Германии к России. Об этом весьма убедительно рассказывал в своих воспоминаниях, которые до сих пор неизвестны советскому читателю, непосредственный участник событий того времени, в ту пору директор Ближневосточного департамента МИД, ближайший помощник Сазонова Г. Н. Трубецкой. Он, в частности, писал: «Все время кризиса и в первый месяц войны я проводил в министерстве весь день до глубокой ночи... С первых же дней надежды на благополучный исход рассеивались одна за другой; вместе с тем росла тревога вследствие известий о том, что в Германии, как и в Австрии военные приготовления шли усиленным ходом. Вот почему решение произвести общую мобилизацию было встречено нами с вздохом облегчения. 18(31) июля Пурталес, как и всегда, был в министерстве. В этот день утром на улицах были расклеены объявления о мобилизации. В тот же день поздно вечером, когда Сазонов уже лег спать, а мы все собирались расходиться по домам, приехал Пурталес и потребовал неотложного свидания с министром...

Пурталес покинул министерство кажется во втором часу ночи. Когда он ушел, мы все узнали, что он вручил министру ультиматум с требованием приступить к демобилизации и принять решение до 12 часов следующего дня. Нескоро пришлось лечь спать в эту ночь. Надо было разослать циркулярную телеграмму всем нашим представителям за границей с сообщением о случившемся и снестись с военными властями. В 7 час. 10 мин. следующего дня, не получив ответа на ультиматум, германский посол вручил министру заявление о том, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией.

О том, насколько велики были возбуждение и растерянность как самого посла, так и его сотрудников, указывает тот факт, что в тексте ноты остались в скобках варианты выражений, которые были в ее проекте.

В эту ночь министра снова разбудили. Произошел факт, который так никогда и не нашел объяснения: государь получил телеграмму от императора Вильгельма. Телеграмма была послана из Потсдама, на ней не было помечено месяца и числа, а только 10 часов вечера. Она выражала надежду императора Вильгельма, что русские войска не перейдут границы. Министр, в свою очередь, по телефону разбудил германского посла и спросил его, как объяснить содержание этой телеграммы после объявления Германией войны. Граф Пурталес ответил, что не знает, но высказал предположение, что телеграмма послана была раньше и запоздала в пути»⁶³.

Далее события развивались так: рано утром, часа в четыре Пурталес снова разбудил Сазонова и заявил ему, что правильно надо считать ноту германского правительства, а не телеграмму кайзера, и через 3—4 часа весь состав германской миссии отбыл через Финляндию и Швецию в Германию. Ее отъезд прошел в спокойной обстановке в отличие от отъезда из Берлина русской миссии во главе с послом Сербеевым, которая подверглась оскорблениям толпы. «Варварская Россия», как называли ее на Западе, оказалась более сдержанной и более уважительной к противнику, чем «цивилизованная Германия».

1 августа в ответ на объявление Германией войны был подписан манифест царя о войне с Германией. «Вечером того же дня, в половине двенадцатого, — писал в воспоминаниях президент Франции Пуанкаре, — в Елисейский дворец явился очень взволнованный Извольский и осведомил меня об объявлении войны между Германией и Россией»⁶⁴.

Вскоре в войну вступили другие государства. Дольше всех тянула Австро-Венгрия: она объявила войну России 6 августа, а Франции 10 августа, после этого конфликт приобрел общемировой характер. В манифесте царя по поводу войны с Австро-Венгрией говорилось: «Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России»⁶⁵.

Царский манифест, как и другие документы подобного рода, лишь частично отражал истинное положение дел: и до войны не было «глубокого мира», а шла скрытая война между империалистическими государствами, царизм никогда не «спасал» Австрию, а участвовал в 1849 г. в подавлении венгерского восстания, а воюя с Наполеоном, защищал не столько австрийские, сколько собственные интересы. Не вполне правдивым было и заявление российского самодержца о том, что его войска бескорыстно защищают «слабейшую Сербию». Как увидит читатель, дело обстояло значительно сложнее.

⁶³ *Conrad von Hötendorf F. Aus meinen Dienstzeit. Wien, 1922. Bd. 2. S. 411; Tisza S. Briefe. Bd. 1. S. 42—43, 61—62.*

⁶⁴ *Паху Л. Судбоносни дани у Нишу // Политика. 1930. 7.XI. № 8094.*

- ³ Albertini Z. The origins of the war of 1914. Vol. 2. P. 356; Seton-Watson R. Сарајево. Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914. С. 70–71.
- ⁴ Там же. С. 71.
- ⁵ Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 214.
- ⁶ АВПР. Ф. ПА. Д. 4213. Л. 62.
- ⁷ Српске новине. 1914. 13(26).VII. № 156.
- ⁸ ДА ДСИП. ПО. 1914. Ф. 1. Д. 8. № 2835, 2839, 2883.
- ⁹ Калафатовић Д. Армијски генерал у пензији: Ми у светском рату. Београд, 1933. С. 6.
- ¹⁰ Опачић П. Ратни план аустро-угарског генерал-штаба за рат против Србије и ратни план српског генералштаба за одбрану земље од аустро-угарске агресије // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976. С. 499–521.
- ¹¹ Цит. по: Skrivanić G. Rat Srbije s Austro-Ygarskom. 1914 // Historijski pregled. Zagreb, 1964. N 3/4. S. 173–174.
- ¹² Калафатовић Д. Указ. соч. С. 8.
- ¹³ О сторонниках этого направления в буржуазной историографии см.: Виноградов К. В. Накануне первой мировой войны: (Некоторые итоги новых исследований) // ННИ. 1973. № 1.
- ¹⁴ Пикуль В. Честь имею! // Наш современник. 1988. № 12.
- ¹⁵ Јовановић Ј. Аустројска тајна архива. С. 160–161.
- ¹⁶ DD. Bd. II. N 293.
- ¹⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1757. Л. 313. Сообщение ПТА.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Acta hist. Acad. sci. hung. Budapest, 1952. T. 1, fasc. 2. P. 240.
- ²⁰ АВПР. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 4. Л. 14. М. Г. Приклонский – С. Д. Сазонову. Будапешт, 1914. 28.VII.
- ²¹ Там же. Л. 22. В. Г. Жуковский – МИД. Прага, 1914. 1.VIII.
- ²² Там же. Л. 21. М. Г. Приклонский – С. Д. Сазонову. Будапешт, 1914. 30.VII.
- ²³ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 259.
- ²⁴ Там же. С. 219.
- ²⁵ DD. Bd. II, N 332.
- ²⁶ ЦГИА СССР. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1757. Л. 358–360. Заявление ПТА от 29.VII.1914.
- ²⁷ Данилов Ю. И. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. Берлин, 1924. С. 11.
- ²⁸ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 289.
- ²⁹ АВПР. Ф. ПА. Д. 4675. Л. 64. С. Д. Сазонов – А. К. Бенкендорфу. Пб., 1914. 15(28).VII.
- ³⁰ Там же. Л. 69; Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 239.
- ³¹ Оравжевая книга: (Фр. изд.). № 58.
- ³² АВПР. Ф. ПА. Д. 4675. Л. 175. С. Н. Свербеев – С. Д. Сазонову. Берлин, 1914. 18(29). № 140.
- ³³ DD. Bd. II. S. 368.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. S. 368, 384.
- ³⁶ Conrad von Hötendorff F. Op. cit. Bd. 4. S. 152.
- ³⁷ DA. T. 3, N 49.
- ³⁸ АВПР. Ф. ПА. Оп. 1. Д. 1358. Л. 1757.
- ³⁹ См.: Куль Г. Германский генеральный штаб: Его роль в подготовке и ведении войны. М., 1922.
- ⁴⁰ Цит. по: Боев Ю. А. Ближний Восток во внешней политике Франции (1898–1914). Киев, 1964. С. 403.
- ⁴¹ См. список источников и литературы.
- ⁴² ЦГИА СССР. Ф. 32. Оп. 32. Д. 44. Л. 162.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне 1-ой мировой войны. С. 453.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ См. список источников и литературы.
- ⁴⁷ См. подробнее: Шацкилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1969.

- ⁴⁸ Красный арх. 1924. Т. 7. С. 53–54.
- ⁴⁹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 289.
- ⁵⁰ См. список источников и литературы.
- ⁵¹ См., напр.: Павлович М. (Вельтман). Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны. Л., 1925. Т. 5.
- ⁵² Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. С. 226–244.
- ⁵³ Бестужев И. В. Основные аспекты внешней политики России накануне июльского кризиса // Первая мировая война. М., 1968.
- ⁵⁴ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4269. Л. 60 (Морского генерального штаба. Иностр. отд. Турецкий стол, № 11. Отд-ние X: Планы войны, подготовка к войне 1914).
- ⁵⁵ Писарев Ю. А. Германский империализм и Балканы.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 156.
- ⁵⁷ Bülow B. F. von. Denkwürdigkeiten. B., 1933. Bd. 3. S. 167–168.
- ⁵⁸ Renovin P. Les origines immédiates de la guerre. P., 1925. P. 143–145.
- ⁵⁹ Conrad von Hötendorf F. Op. cit. Bd. 4. S. 152.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Fischer F. Krieg des Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969. S. 708.
- ⁶² Dobrorolsky S. Die Mobilmachung des russischen Armee 1914. S. 17–18, 22.
- ⁶³ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 22–23.
- ⁶⁴ Пуанкаре Р. Происхождение первой мировой войны. С. 213.
- ⁶⁵ Цит. по: Лемке М. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 11.

РОССИЯ И СЕРБИЯ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Цели войны и начало военных действий

В Белграде, на улице Т. Рузвельта, расположены два кладбища. Первое являет собой величественный мемориал, воздвигнутый народной властью в память о советских воинах-освободителях Белграда в октябре 1944 г. Посреди мемориала стоит монумент «Красноармеец с автоматом». К его подножию и на каждую из могил посетители возлагают цветы, о мемориале и событиях тех дней написано много книг.

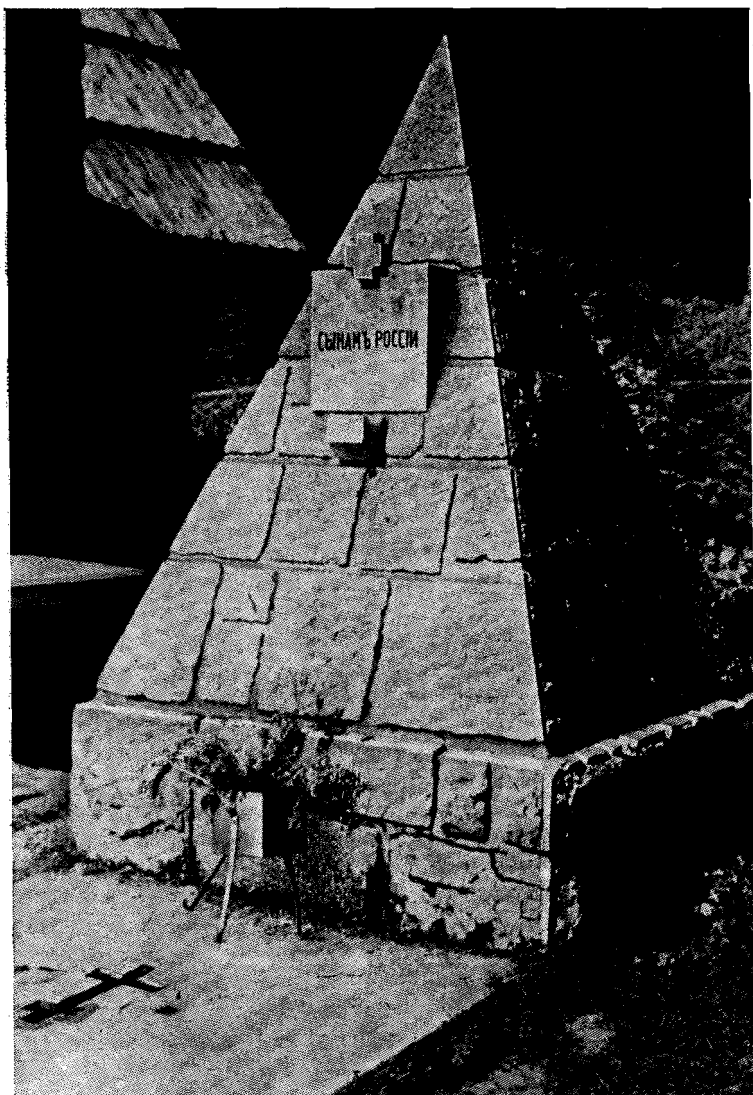
Иная судьба оказалась уготована русским солдатам — защитникам сербской столицы в 1914 г., похороненным на втором кладбище. Заросли бурьяном их могилы, превратившиеся в размытые дождем полуобвалившиеся холмики земли, покосились или вовсе упали деревянные кресты, стерлись таблички с именами покоящихся здесь воинов.

В старинных записях кладбищенской церкви автору удалось обнаружить лишь фамилии некоторых офицеров, но совсем нет имен так называемых низших чинов — они, по-видимому, лежат в братской могиле.

В 30-е годы на это кладбище были перенесены останки русских воинов, погибших на Салоникском фронте. Здесь в 1916—1918 гг. воевали две русские бригады, общей численностью 40 тыс. человек¹. Они также были свалены в общую яму. Над братскими могилами возвышаются два памятника — один, простой, с надписью «спите, орлы боевые», второй, помпезный, с бронзовой фигурой казака. Этот памятник, воздвигнутый по указанию югославского короля Александра, который ассоциировал помощь России Сербии с политикой царизма, вызывает двойственное чувство — протеста против того, кто посылал на убой русских крестьян, а также щемящей боли по поводу их судьбы: на цоколе написано: «В Великой войне отдали свою жизнь за Сербию 5 млн русских».

Формально Россия начала войну из-за Сербии. Царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов еще 23 июля 1914 г., в день вручения Австро-Венгрией ультиматума Сербии, сделал заявление о неизбежности европейской войны. Царизм преследовал в этой войне своекорыстные цели, но русские солдаты лишь много лет спустя под влиянием революции обрели прозрение. В начале же войны многие из них считали, что они воюют за своих «братушек»-сербов.

Вопрос о характере войны для Сербии более сложен. Подверг-



Памятник сынам России в Словении,
воздвигнутый после первой мировой войны
на добровольные пожертвования народов Югославии

шись неспровоцированному нападению Австро-Венгрии, Сербия защищала свою независимость. В. И. Ленин выделял Сербию и Бельгию из всех других государств, отмечая, что они были вынуждены вести оборонительную войну².

Однако сербское королевство действовало не в одиночку, оно было союзником держав Антанты, стремившейся к новым импе-

риалистическим захватам, и участие Сербии в войне поэтому нельзя рассматривать изолированно от ее общей военной политики. Кроме того, великосербская буржуазия имела свои собственные планы — пыталась использовать войну для приобретения земель не только с родственным сербам югославянским, но и с иноплеменным населением (например, албанским).

Наконец, державы Антанты, оказывая помощь Сербии оружием и боеприпасами, делали это не бескорыстно: они хотели использовать сербскую армию для осуществления эгоистических целей в войне против Австро-Венгрии и Германии. Центральная коалиция, в свою очередь, планировала заключение с Сербией и союзной ей Черногорией империалистического сепаратного мира, а оккупировав в 1915—1916 гг. эти страны, стремилась превратить их в плацдарм для дальнейшей агрессии. Население Сербии и Черногории, не покорившееся захватчикам, развернуло на оккупированной территории движение Сопротивления. Сербская армия, отступив в те же годы на чужбину, не сложила оружия, продолжая войну за освобождение своей Родины.

Таким образом, участие Сербии в мировой войне 1914—1918 гг. следует рассматривать в трех измерениях, из которых освободительное имело приоритетный характер.

Как же развивались военные действия на Балканском фронте и как складывались в это время русско-сербские отношения?

Что касается самой Сербии, то она оказалась неподготовленной к войне, которая, хотя и «висела в воздухе», застала ее врасплох. Об этом писал, например, один из оппонентов главы сербского правительства Николы Пашича Коста Стоянович в своей интересной, но все еще не опубликованной рукописи «Крах и возрождение Сербии» (рукопись хранится в Архиве Академии наук и искусств Сербии). Он констатировал беспечность сербского правительства, «прозевавшего нападение Австро-Венгрии», и нервозность обстановки в стране после начала войны³.

О том же говорят и первые мероприятия руководителей сербского государства: ненужная суматоха при эвакуации в глубь страны архивных фондов, в результате чего значительная их часть попала в руки противника, отказ от вывоза из столицы музейных и культурных ценностей, также разграбленных оккупантами, запоздалая мобилизация сербской армии, предпринятая 27—28 июля, за 2 дня до войны, недостаточная осведомленность правительства о подлинной позиции своих балканских союзников — Румынии и Греции, которые вопреки оптимистическим прогнозам Пашича, высказанным им 27 июля на объединенном заседании Совета министров и Верховного командования в Крагуевце, отказали Сербии в поддержке.

В результате Сербия оказалась в состоянии международной изоляции, а ее армия не была готова к боям⁴.

Российский посланник в Сербии Г. Н. Трубецкой констатировал: «У сербов было так мало ружей, что в бою был вооружен только первый ряд солдат, а второй ряд выжидал, когда убьют



Г. Н. Трубецкой, российский посланник в Сербии
в 1909—1917 гг.

или ранят его товарищей, и тогда пользовался их ружьями»⁵.

Как уже говорилось, у Верховного командования сербской армии, по существу, не имелось четкого плана ведения войны. Основной его идеей являлась «активная оборона» без указания конкретных стратегических задач.

Австро-венгерская группа войск на Балканах под командованием генерала Оскара Потioreка, напротив, была нацелена на наступательные действия на трех главных направлениях — Белграда и всего междуречья Савы и Дуная, левого берега р. Дрина до впадения ее в р. Сава, и районов Сербии, граничивших с Боснией. Войска Потioreка насчитывали 250 тыс. солдат и офицеров и имели 1200 артиллерийских орудий, сербские войска, не уступая им по численности, были значительно слабее оснащены артиллерией и военной техникой⁶.

Сербские войска состояли из 12 пехотных и одной кавалерийской дивизии и делились на 4 армейские группы, позже преобразованные в армии. Ставка Верховного командования во главе с принцем-регентом Александром находилась в Крагуеваце, к ней были прикомандированы военные атташе союзных стран, в том числе полковник Виктор Алексеевич Артамонов, который назывался в ту пору русским военным агентом.

Правительство обосновалось в Нише, при нем находились и союзные дипломатические миссии, а также представительства нейтральных государств Болгарии, Румынии, Греции и Италии.

Военные действия развивались с переменным успехом. Первое время инициатива принадлежала группе австро-венгерских войск генерала Оскара Потioreка. Его армия форсировала реки Дрина и Сава и закрепились на сербской территории, а австро-венгерские военные корабли на Дунае и дальнобойная артиллерия предприняли обстрел Белграда, причинив городу значительный ущерб.

В Белграде, сообщал временный поверенный в делах России в Сербии В. Н. Штрандман, «положение мирного населения становится критическим, ибо крупнейшего калибра снаряды ложатся во всех частях города»⁷.

Уже на этом этапе войны в ней приняли участие русские добровольцы. На Дунае действовал отряд минеров под командованием старшего лейтенанта Григоренко, в Белграде, на Малом Калемегдане находилась русская дальнобойная артиллерийская часть, на р. Сава расположилась группа инженеров-понтонщиков во главе с подполковником Добровым. Всего, по данным югославского историка Н. Поповича, в Сербии в это время находилось 3500 русских добровольцев⁸.

Большое значение для Сербии имели операции русской армии в Галиции. Они заставили командование австро-венгерских войск отозвать с сербского фронта 2-ю армию и перебросить ее на русский фронт. Первоначальное положение сербской обороны стало улучшаться, а в середине августа у горного хребта Цера сербы перешли даже в наступление⁹. В ходе этих боев армия Потioreка потеряла 30 тыс. солдат и офицеров, сербы — 15 тыс. человек. В сентябре австро-венгерские войска были потеснены русскими в Галиции, 6 сентября сербами в Среме¹⁰.

Однако вскоре Потioreку удалось подтянуть резервы и в середине сентября перейти в контрнаступление, закончившееся взятием 2 декабря Белграда. Успеху имперской армии в значительной мере способствовало подавляющее превосходство в тяжелой артиллерии (в 20 раз)¹¹. Наступление быстро развивалось и могло иметь для Сербии катастрофические последствия. Сазонов сообщал Извольскому, что Верховное командование сербской армии не надеется продлить сопротивление дольше 10 дней, если Сербия не получит артиллерийских снарядов из Франции¹².

Неудовлетворительно для Сербии складывалось и положение в прифронтовой полосе. Люди, опасаясь репрессий со стороны австро-венгерских оккупантов, покидали насиженные места, в панике двигались в глубь Сербии, дезорганизуя снабжение фронта. Общее количество беженцев приближалось к 400 тыс., что составляло одну четвертую часть населения страны¹³.

Тем не менее в этот критический момент в Сербии нашлись силы, которые спасли страну от полного краха. Важное значение имела консолидация ведущих политических партий, которые



Петр I, король Сербии

объединились перед лицом смертельной опасности. О своей поддержке правительства заявили буржуазные оппозиционные партии, прекратив борьбу против него. Коалиционный кабинет Н. Пашича разработал ряд мер, направленных на укрепление обороноспособности Сербии. В армии также произошли изменения к лучшему. Непосредственное ведение операций против войск Потioreка возглавил талантливый полководец Живоин Мишич, назначенный командующим 1-й армией. В состав его войск вошли отряды югославян-добровольцев, общая численность которых достигла 12 тыс. человек.

На защиту своего отечества поднялись представители разных слоев населения. В помощь армии выступили отряды ополченцев из местных жителей. Не остался в стороне от общего движения и старый король Петр I. Покинув свое местожительство в местечке Топола, он отправился на фронт. Г. Н. Трубецкой так рассказывает об этом эпизоде. Король Петр I, которому было уже за семьдесят лет, собравшись с силами, прибыл в окопы сербской армии на р. Колубара как раз в тот момент, когда они интенсивно обстреливались австрийской артиллерией.

К этому времени подоспело присланное из России оружие: 26 артиллерийских орудий и 30 тыс. винтовок. Стало также известно о получении Сербией 50 тыс. русских полушубков¹⁴. В настраивании сербских солдат произошел перелом. Говоря о своем участии в этой битве, король Петр I сказал Трубецкому: «Про меня рассказывают всякие небылицы. Не верьте им. Я ничего особенного не сделал. Вы видели, что я стар и никуда не годен. Что удивительного в том, что я предпочел бы умереть, чем видеть позор моей Родины. Я поехал в окопы и только это и сказал солдатам. Я им говорил: пускай, кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию. Ах, если бы Вы видели наших солдат! Какие это необыкновенные люди... Все остались и сражались, как львы — сербам нужно, чтобы кто-нибудь смотрел на них, тогда они делают чудеса храбрости»¹⁵.

За 12 дней боев на р. Колубара (с 3 по 15 декабря) австро-венгерские войска потеряли почти половину своего состава, а всего с начала войны 274 тыс. солдат и 7800 офицеров, сербы — 132 тыс. человек¹⁶. В ходе боев сербские войска полностью освободили свою территорию, в том числе столицу Белград. Сербия праздновала победу, в Австро-Венгрии воцарился всеобщий траур. Однако оба государства сразу не могли продолжать войну — им нужна была мирная передышка.

Русская дипломатия и Сербия в период мирной передышки

Интересы России в Сербии представляло посольство, состоявшее всего из 6 человек, но выполнявшее огромный объем работы. В состав миссии входили: посланник Григорий Николаевич Трубецкой, его заместитель первый секретарь посольства Леонид Сергеевич Зорин, вице-консул в Белграде и Нише Николай Александрович Емельянов, секретарь посольства Якушев и чиновник по особым поручениям, тридцать лет проработавший в Сербии драгоманом, кавказец Мамулов. В Призрене вице-консулом был Вассарион Модестович Писарев, в Битоле и Митровице также были консулы, которые постоянно менялись.

Связи по военной линии осуществляли: от России в Сербии полковник Генерального штаба Виктор Алексеевич Артамонов, от Сербии в России — полковник Бранислав Лонткиевич. Оба в ту пору назывались военными агентами и выполняли функции военных атташе.

Следует кратко остановиться на биографиях трех ведущих деятелей — Трубецкого, Штрандтмана и Артамонова тем более, что их имена несправедливо забыты в советской историографии и на Западе, прежде всего в Германии и Австрии. Вокруг этих деятелей распространялось немало вымыслов, особенно вокруг В. А. Артамонова, которого называли одним из организаторов сараевского убийства¹⁷.

Князь Григорий Николаевич Трубецкой родился 14 сентября 1875 г. в местечке Ахтырка Дмитровского уезда Московской губернии и был одиннадцатым ребенком в семье Николая Петровича Трубецкого и его супруги Софии Алексеевны, которые придерживались вероисповеднических монархических взглядов. Г. Н. Трубецкой закончил в 1896 г. историко-филологический факультет Петербургского университета и в том же году был зачислен в министерство иностранных дел, дав письменную клятву, что не принадлежит к масонской ложе, так как уже в то время масонство имело широкое распространение и оказывало негативное влияние на внешнюю политику Российского государства. Знание



В. А. Артамонов,
военный агент России в Сербии
в 1909—1917 гг.

и иностранных языков, в том числе восточных и славянских, и блестящие способности дипломата выдвинули Трубецкого в начальники Азиатского (Ближневосточного) отдела МИД, а затем в посланники России в Сербии и комиссары Константинополя. Вернувшись в 1915 г. из Петрограда в Сербии, Трубецкой пробыл там до конца 1916 г.¹⁸, после чего эмигрировал во Францию, где и умер, оставив интересные воспоминания о своей дипломатической деятельности, опубликованные в 1983 г. в Монреале.

Помощник Трубецкого Василий Николаевич Штрандтман не сразу стал дипломатом. Родившись 7 апреля 1877 г. в г. По в Южной Франции в семье русских дворян, он сначала готовился к военной карьере, в 1895 г. закончил Пажеский императорский корпус, получил чин офицера, был произведен в камер-пажи при Высочайшем дворе, а после женитьбы на дочери генерал-лейтенанта Эттера, которая была фрейлиной их императорских величеств, вошел в круг придворных. Вскоре Штрандтман был зачислен в министерство иностранных дел. Перед молодым дипломатом и военным открывалась блестящая карьера. Однако его дальнейшая судьба по неизвестным причинам сложилась иначе. В 1912 г. разведясь с Юлией Николаевной Эттер и потеряв протекцию тестя, Штрандтман устроился за скромное место секретаря российской миссии в Сербии и остался в этой стране вплоть до 40-х годов XX в.¹⁹. После Октябрьской революции Штрандтман возглавлял русскую миссию при королевском правительстве Югославии, последние годы жизни он провел в США, где и умер. Штрандтман был незаурядной личностью. Его отличала большая

работоспособность и строгая исполнительность, качества, которые высоко ценил С. Д. Сазонов. В отсутствие Трубецкого он назначал Штрайтмана временным поверенным в делах России и Сербии и давал ему важные поручения.

Теми же качествами обладал и военный агент России в Греции (1907—1909 гг.) и Сербии (1909—1917 гг.) полковник Виктор Алексеевич Артамонов. Он родился 9 октября 1873 г. в Саратовской губернии в обедневшей дворянской семье, которая, судя по послужному списку Артамонова, «не имела движимого и недвижимого имущества». До назначения на высокий пост атташе он проделал нелегкий путь — сначала учился в Симбирском кадетском корпусе, затем закончил Первое военное павловское училище юнкером рядового звания и был зачислен в пехоту унтер-фицером, потом стал младшим портупей-юнкером и, наконец, старшим портупей-юнкером. Только по истечении нескольких лет он был произведен в подпоручики и назначен помощником начальника полковой учебной команды. В 1894 г. Артамонов был прикомандирован к лейб-гвардии Волынского полка, но снова лишь в звании подпоручика. Артамонов получал неизменно хорошую характеристику, считался примерным военослужащим, владел рядом иностранных языков благодаря чему и попал в Генеральный штаб. Его отличительной чертой являлась верность делу, честное служение родине, неподкупность²⁰. Он не шел ни на какие сделки, чтобы не скомпрометировать Россию, решительно отказался от сотрудничества с сербской тайной организацией «Черная рука», уведомляя о любых неофициальных предложениях не только Генеральный штаб, но и министерство иностранных дел²¹. Так, он отверг услуги чешского шпиона Навратилова, который в сентябре 1912 г. предложил ему за деньги передать военные планы Австро-Венгрии против Сербии. Артамонов отклонил также предложение русского разведчика в Австрии генерала Занкевича помочь ему в организации наблюдений за Боснией и Герцеговиной через Сербию²².

Полковник Артамонов пользовался авторитетом в военных кругах Сербии у верховного командующего армии принца-регента Александра и даже у самого короля Петра I. За отвагу он был награжден русским «Георгием» и высшим орденом Сербии. В 1915—1916 г. Артамонов прошел весь путь отступления вместе с сербской армией, а в 1916—1918 гг. воевал на Салоникском фронте вместе с русским экспедиционным корпусом. После Октябрьской революции Артамонов остался в Югославии и работал в иностранном отделе местного Генерального штаба. В 1942 г. он погиб при немецкой бомбардировке. Его старший сын Михаил, инженер по профессии, сотрудничал с советскими учреждениями, приезжал в СССР. Младший сын Николай проживает ныне в США и передал автору этих строк ценные семейные архивные документы и фотографии.

Балкано-ближневосточной политикой в целом занимался сам министр иностранных дел С. Д. Сазонов, его непосредственные

помощники К. Н. Гульткевич и А. М. Петряев, многочисленные эксперты; ею интересовался лично царь, регулярно требовавший от Сазонова (один раз в неделю) отчета о положении в этом регионе. Балканы были важным с точки зрения царской Ставки театром военных действий, и на Сербию верховное командование русской армии возлагало немалые надежды.

Г. Н. Трубецкой еще до приезда в Сербию предпринял шаги для снабжения сербской армии всем необходимым. Приближалась зима (в Белграде в декабре дует холодный ветер — кошава), а сербская армия не имела теплой одежды. В России также ощущался дефицит в обмундировании, и Трубецкому для осуществления своей цели пришлось использовать обходные пути. Вот что писал он в своих воспоминаниях об этом: «Я был еще в Петербурге и заведовал отделением Ближнего Востока. В это время я зашел к начальнику Генерального штаба генералу Беляеву, который сказал мне, что делаются невероятные усилия, чтобы снабдить нашу собственную армию достаточным количеством полушубков, и что он не знает, как пособить горю. В приемной у Беляева я, выходя от него, встретил председателя общеземской организации кн. Г. Е. Львова. Я попросил Львова уделить мне несколько минут, и в то время, как мы пешком переходили Дворцовую площадь, я рассказал ему, в чем дело, и спросил, не может ли он помочь нам. Предстояло послать в Сербию 200 тыс. комплектов теплого платья... Львов еще остался у меня и стал писать телеграмму, распорядясь о немедленном заказе 50 тыс. полушубков... Ответ Пашича, разумеется, не заставил себя ждать. Он благодарил и просил скорее приступить к отправке»²³. Так в Сербии и были получены полушубки.

Трубецкой прибыл в Ниш накануне Колубарской битвы. Временная столица Сербского государства произвела на него тягостное впечатление. Трубецкой писал в мемуарах: «Родина Константина Великого г. Ниш считался вторым городом в Сербии, и горожане называли его „гордый Ниш“. На самом деле это был прескверный городишко, грязный, с такими лужами на некоторых улицах, что одну из них, через которую мне ежедневно приходилось проезжать ..., мы прозвали Дарданеллы. Однажды, когда мне пришлось проезжать через эти „Дарданеллы“, мои лошади, которые были в довершение слепы, ибо других нельзя было достать в Нише в военное время, испугались, начали бить ногами, обдавая меня всего грязью... Положение было критическое, потому что выйти из экипажа значило бы погрузиться по колено в грязные, вонючие Дарданеллы. Я стал звать о помощи. На мое счастье, поблизости оказался солдат, который с ленивым интересом следил за тем, как мы барахтались в луже... Он подошел к коляске, и я на его спине благополучно переправился на берег, а оттуда, весь покрытый грязью, должен был вернуться через город домой. Таков был патриархальный „гордый Ниш“»²⁴.

Царского посланника, приехавшего из чиновничьего Петербурга, где он имел в министерстве свой кабинет с десятками курье-

ров, поразили две вещи: переуплотненность временной сербской столицы и экстремальная обстановка, в которой приходилось работать правительству и иностранным посольствам.

«В г. Нише,— писал Трубецкой,— с населением 23 тыс. жителей, скопилось 147 тыс. человек. Помещения для них, разумеется, не хватало. Кафаны были днем наполнены людьми, которые пили кофе или пиво, а ночью в тех же помещениях спали люди на столах, на скамьях и прямо на полу. Более бедные — на улице ... Здание миссии, в котором я остановился, было старым, живописным турецким конаком. В этом здании жил весь состав миссии и помещалась канцелярия... Русская миссия была помещена лучше всех прочих. Остальные мои иностранные коллеги помещались в маленьких квартирах в городе»²⁵.

Не лучшими были и условия, в которых приходилось работать сербскому правительству. «В Нише все министры занимались в одном большом зале,— писал Трубецкой.— Пашич сидел в другом углу комнаты за общим столом. Получалось впечатление профессора и учеников... Когда приходишь, бывало, к Пашичу по делу, близко касавшемуся одного из министров, он иногда тут же перекликнется и подзовет к себе того из них, кого нужно»²⁶.

Малым комфортом пользовались даже глава государства, король Петр I, и регент королевства Александр. Первый занимал несколько комнат в доме сельского священника в поселке Топола, где находилась усыпальница Карагеоргиевичей, второй, как верховный командующий сербской армией, был расквартирован в Крагуевце в доме, где жилые комнаты соседствовали с военной канцелярией.

Трубецкой дал интересную характеристику ряду государственных и политических деятелей Сербии, прежде всего Пашичу, которого он называл фактическим руководителем государства.

«При новой династии,— отмечал он,— Пашич почти бессменно был у власти... Ему минуло 70 лет в первый год войны. Это был бодрый, крепкий старик с длинной седой бородой и с быстрым лукавым взором в совсем еще молодых голубых глазах. Он вел крайне умеренный образ жизни, не курил, не пил вина, рано вставал, а в 10 часов вечера обыкновенно уже был в постели. Благодаря такому образу жизни он сохранял удивительно крепкое здоровье и обладал громадной трудоспособностью. Отличительной чертой его характера была спокойная уравновешенность и выдержка. Я видел его в самых тяжелых обстоятельствах для Сербии. Он оставался все также ровен и спокоен и только по походке можно было догадаться о его душевном состоянии»²⁷.

Прямой противоположностью Пашича были царствующий, но не управляющий король Петр I и оба его сына, Георгий и Александр, особенно первый. Все трое обладали вспыльчивым характером и с большим трудом сдерживали свои истинные чувства на людях. Король Петр последние годы пребывал в полном одиночестве, редко выезжал в свет. В домашней же обстановке часто выходил из себя, раздражался, прислуге с ним было нелег-

ко. Петр прожил долгую жизнь, полную превратностей. В молодости он участвовал в восстаниях против турок, отличался храбростью в боях, был ранен, с годами поухит, а разболевшись, как-то сник.

Старший сын Петра I во многом походил на своего отца. «Принц Георгий,— писал Трубецкой,— был безумно храбр, он был дважды тяжело ранен и жил на излечении в г. Нише... Это был человек без всякого воспитания. Он бил свою прислугу и адъютантов, которые постоянно менялись, потому что никто с ним не мог ужиться. В свое время (в 1909 г.— Ю. П.) ему пришлось отказаться от наследования престола, так как он в порыве гнева ударил ногой в живот своего лакея, который от этого и умер... В Нише он скучал и часто заходил ко мне. К сожалению, он совершенно не умел уходить, сидел часами, так что мне приходилось извиняться и уходить будто бы по неотложному делу. Беда, если ему попадался под руку перочинный нож. Он начинал им царапать стол или резать скатерть. Он тушил папиросы о ножик, в забывчивости клал иногда ноги на стул. Со всем тем он был застенчив, но в общем крайне неуравновешенный человек. Своего брата, королевича Александра, он терпеть не мог»²⁸.

Последний отвечал Георгию «взаимностью», тем более опасной, что она не ограничивалась эмоциональной стороной дела. В 1909 г. Александр добился отстранения Георгия от престола, опираясь на руководителя влиятельной в Сербии тайной офицерской организации «Черная рука» во главе с начальником контрразведки страны полковником Драгутином Димитриевичем — Аписом. Позже он расправился и с тем и с другим. Апис был расстрелян в 1917 г. по ложному обвинению в заговоре против регента, принц Георгий после восшествия в 1921 г. на престол Александра был запятан в психиатрическую больницу, где просидел 25 лет²⁹. По словам Трубецкого, Александр втайне завидовал также популярности Пашича и между ними не было полного единства.

Все это должен был учитывать в работе российский посланник. Его деятельность протекала в довольно трудных условиях и осложнялась рядом других обстоятельств. Одним из них, в частности, была необязательность сербских государственных руководителей. Обещая выполнить ту или иную просьбу посольства, сербская сторона часто откладывала ее исполнение на неопределенное время. Заместитель Н. Пашича по министерству иностранных дел Иован Иованович признался: «Пашич был уступчивым только в устных переговорах, действовал же он как Кунтатор»³⁰.

Другой трудностью для русских дипломатов оказалось согласование действий с французским, английским и итальянским коллегами. Францию в Нише представлял Огюст Бопп, до того служивший консулом в Константинополе и генеральным консулом в Иерусалиме, Англию — бывший сорудник Форин оффис де Гра. Как говорил Трубецкой, это были «милейшие и добрейшие люди»,

которые, однако, ничего не решали самостоятельно, неделями ожидая указаний от своих правительств. Особенно индифферентным был де Гра, дожидавшийся пенсии ³¹.

«Оба они, — не без горькой досады вспоминал Трубецкой, — были довольно робкие, боялись принимать какую-либо инициативу и не всегда решались настаивать на своем перед правительствами... Мне трудно было подвинуть их на какое-нибудь совместное представление нашим правительствам...» ³²

Такой тактики на Балканах в ту пору придерживались и английское и французское правительства, ссылаясь на то, что Сербия «является сферой влияния России».

Италию в Сербии представлял маркиз Сквитти, переведенный в ноябре 1913 г. в Белград из Цетинье. Он отличался двумя качествами: стремлением никогда и ни по одному вопросу не выступать первым и в то же время не давать никаких обязательств. Болгарские интересы в Нише защищал посланник Ст. Чапрашиков. Это был высоко интеллигентный человек, весьма услужливый в обращении, но себе на уме. К тому же он имел непосредственные контакты с царем Фердинандом, пользовался его доверием. С Чапрашиковым Трубецкому приходилось держать «ухо остро» — любая оплошность российского посланника могла быть превратно истолкована в Софии. Посланники Румынии и Греции были попроще, но и они требовали повышенного внимания при официальных переговорах и частных беседах. Позиция России по тем или иным вопросам интересовала многих, и Трубецкому надо было соблюдать сверхосторожность.

Первые попытки России воссоздать Балканский союз

Идея сохранения Балканского союза возникла у С. Д. Сазонова еще в конце 1912 — начале 1913 г. в тот период, когда на Балканах в ходе войны с Турцией стали проявляться первые междоусобицы.

Используя право верховного арбитража в спорах между союзниками, царское правительство предложило Болгарии, Сербии, Греции и Черногории прислать своих представителей в Петербург для обсуждения вопроса о мирном урегулировании возникающих конфликтов. Однако встреча так и не состоялась из-за нежелания болгарской и сербской сторон. Оба главы правительства сначала выдвинули надуманные отговорки, а когда дали согласие на приезд в Петербург было уже поздно — между Болгарией и Сербией началась война, в которую на сторону Сербии вступили Черногория и Греция, а затем Румыния и Турция. Балканский союз развалился: на Балканах взяли верх центробежные тенденции, шовинистические круги монархий одержали победу.

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР хранится малоизвестный рапорт российского военного

Похороны гг. дипломатами status quo.

(Погребение состоится на днях в Малой Азии в присутствии убитых родителей, родственников, друзей и почитателей).

Шарль Антонетти.



Росси. Франция. Англия. Италия. Австрия. Германия. Турция. Греция. Черногория. Болгария. Сербия.

Похороны статус-кво на Балканах. Карикатура из журнала «Искры» (1912 г.)

агента в Сербии полковника В. А. Артамонова о его беседе с регентом Александром, состоявшейся за несколько дней до начала войны. Принц заявил Артамонову, что третейское разбирательство России не будет иметь эффективных последствий для обеих сторон. «Поверьте мне, — сказал он, — что в конце концов наилучшим выходом для всех нас — Сербии, России и Болгарии — явилась бы сербо-болгарская война, которая так или иначе решит вопрос»³³. Болгарские историки Т. Влахов и И. Панайотов, тщательно изучившие отечественные источники, установили, что царь Фердинанд I Кобург и правительство В. Радослава также не собирались пойти на мирное решение конфликта³⁴. Наконец, подрывную и расколыническую деятельность против Балканского союза вела Австро-Венгрия. 8 июня 1913 г. Л. Берхтольд телеграфировал своему посланнику в Софии А. Тарновскому: «Болгария может рассчитывать не только на нашу симпатию, но и на нашу активную помощь»³⁵.

Результатом межсоюзнической войны явился развал Балканского блока, что означало поражение балканской политики России. «Они ускользнули от меня», — горько сетовал С. Д. Сазонов французскому поверенному в делах в России Дюльсе³⁶.

Но не таков был российский министр иностранных дел, чтобы легко сдать позиции. Он попытался взять реванш на Бухарестской мирной конференции в августе 1913 г. и после нее. Петербург настаивал в Бухаресте на смягчении слишком жестких условий мирного договора для Болгарии, выступая за передачу ей порта Кавала на Эгейском море³⁷. После конференции Россия искала возможности восстановления своих позиций в Болгарии. В Софию из Швеции был направлен опытный дипломат Александр Александрович Савинский, который установил контакты с оппозицией в надежде устранить русофобское правительство В. Радослава и оказать влияние на колеблющегося Фердинанда (чтобы приблизиться к царю, Савинский играл с ним в бридж). В Петрограде вплоть до присоединения Болгарии к Центральной коалиции, т. е. до сентября 1915 г., все еще верили в возможность привлечения Болгарии на свою сторону или, как минимум, в то, что эта страна может сохранить благожелательный нейтралитет в отношении Сербии.

На первый взгляд для этого имелись некоторые основания. В Софии на русские субсидии массовым тиражом издавались русофильские газеты. Фердинанд, осторожничая, не давал открытого повода для беспокойства, царь Николай II и русские кадеты открыто покровительствовали болгарам, болгарская дипломатия зондировала почву о возможности восстановления Балканского союза.

Об этом, в частности, извещал Сазонова 23 июля 1914 г. в день вручения австро-венгерского ультиматума Сербии царский посол в Турции М. Н. Гирс. Он сообщал министру о только что состоявшейся конфиденциальной беседе с болгарским посланником, в которой последний, выражая опасение, что монархия Габ-



Временный поверенный в делах России в Сербии в 1914—1915 гг.
В. Н. Штрандтман (в цилиндре) и В. А. Артамонов (в очках)

сбургов захватит все Балканы, предлагал создать союз Болгарии, Греции, Румынии и Турции³⁸.

Сазонов, ознакомившись с этим документом, обратил внимание на отсутствие в предложении болгарского посланника упоминания о Сербии и Черногории и, усмотрев скрытый смысл, 27 июня пригласил к себе болгарского посланника Радко Димитриева, чтобы заявить ему следующее: «В настоящее время всякая двусмысленность крайне опасна. Поэтому я прошу серьезно предостеречь Ваше правительство от того, что оно предприняло бы какое-нибудь выступление против Сербии, с которой мы состоим в союзных отношениях»³⁹.

Ввиду создавшейся для Сербии угрозы австро-венгерского нападения, Сазонов просил болгарское правительство обдумать два варианта программы — программу-минимум и программу-максимум. Первая предусматривала сохранение Болгарией благожелательного к Сербии нейтралитета, вторая — ее участие в войне на стороне России и Сербии.

5 августа Сазонов направил В. Н. Штрандтману для главы сербского правительства Н. Панича телеграмму, в которой говорилось: «Мы полагаем, что в настоящую минуту надо, откинув мелочные расчеты, действовать решительно и быстро. С этой точки зрения мы считаем, что содействие Болгарии независимо от исхода войны может быть обеспечено только отдачей ей теперь же Штиба и Кочан с территорией до Вардара. В случае же побе-

доносной войны Болгария получит так называемую спорную территорию, предусматривающуюся 2-й статьей тайного приложения сербско-болгарского договора 29 февраля 1912 г. от вершины Голема севернее Кривой Паланки до Охридского озера со включением Струги. Если бы Болгария затруднилась выступить с военными силами, то за добросовестное соблюдение нейтралитета она могла бы быть вознаграждена Кочанами и Штибом с территорией до Вардара лишь *после победоносной войны* [курсив мой.— Ю. П.), в чем Сербия теперь же даст обязательство России, которая сообщит таковое Болгарии»⁴⁰.

Как свидетельствует этот документ, Сазонов не внес каких-либо принципиально новых предложений, неожиданных для сербов: напротив, он основывался на известном Папичу договоре о союзе и дружбе между Болгарией и Сербией, подписанном главами правительств этих стран М. Миловановичем и И. Гешовым 29 февраля 1912 г. Этот договор, заключенный на 30 лет, был денонсирован Сербией в 1913 г. в одностороннем порядке без согласия России — протектора Балканского союза, что давало русскому правительству право ссылаться на него.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что на упомянутую выше телеграмму Сазонова глава сербского правительства дал уклончивый ответ. Папич лишь в принципе отклонил предложение министра о территориальных уступках Болгарии, но при этом создал впечатление, что Сербия готова вступить в переговоры по территориальному вопросу вообще.

В. Н. Штрандтман сообщал С. Д. Сазонову 6 августа, что Папич в беседе по поводу обращения России сказал: «Сербское правительство станет уступчивее, если получит обещание о выходе страны к Адриатике»⁴¹.

Профессор Белградского университета Д. Янкович в книге «Сербия и югославянский вопрос 1914—1915 гг.», как нам кажется, односторонне изложил позицию России по территориальной проблеме, утверждая, что царское правительство «с самого начала оказывало давление на Сербию, заставляя ее идти на жертвы в пользу Болгарии»⁴².

Следует напомнить помету царя от 18 августа 1914 г. на полях доклада С. Д. Сазонова о намерении Фердинанда I болгарского получить всю Македонию. Николай II написал: «Заставлять *одну* Сербию (выделено царем.— Ю. П.) сделать земельные уступки Болгарии, по-моему, несправедливо»⁴³.

Правда, позже, когда шли переговоры Антанты с Италией, царская Россия под давлением союзников отступила, согласившись на уступку Италии ряда югославянских территорий Австро-Венгрии, на которые претендовала Сербия, но первоначальное обещание Сазонова о выходе сербского государства к морю оставалось в силе и на этом этапе⁴⁴.

Само стремление России примирить Сербию с Болгарией имело положительное значение. С. Д. Сазонов писал Н. Папичу: «Вступая в войну, которая требует напряжения всех наших сил,



Грей и Сарраль — Венизелосу: «Вы не бойтесь, выступайте смело, ваша дорога усыпана золотом»
 Карикатура из журнала «Кривое зеркало» (1916 г.)

в войну, на которую мы пошли ради защиты Сербии... Россия не сомневается, что сербское правительство без колебания пойдет навстречу ее заветной цели — восстановит братство всех славянских народов и прежде всего сербов и болгар. Жертвы, которые ради этого Сербия понесет, несоразмерны тому, что она может получить. Они несоразмерны также и с жертвами, которые понесет Россия»⁴⁵.

Сазонов допускал, однако, ошибку, давая слишком расплывчатые обещания, как Сербии, так и Болгарии. Такой же тактики придерживались и другие члены Антанты, тогда как их соперники (Германия и Австро-Венгрия) действовали более практично, называя конкретные территории, которые могли бы перейти в руки Сербии и Болгарии в случае их присоединения к Центральной коалиции (Сербии Германия обещала Северную Албанию, Болгарии — Македонию).

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении России и ее союзников к другим балканским странам. Державы Тройственного соглашения стремились добиться восстановления Балканского союза «малой кровью», давая балканским государствам посулы самого общего содержания.

Кроме того, что также имело самые негативные последствия, между союзниками по Антанте не было единства, каждая великая держава преследовала на Балканах свои собственные цели, часто расходившиеся с целями других членов этого альянса.

Примером может служить та же Болгария. В конце 1914 — начале 1915 г. Балканы посетил английский генерал Пэджет. Сначала он побывал в Софии, где был принят царем Фердинандом. Во время беседы монарх, мечтавший о создании великой Болгарии, высказал неудовлетворение скромными предложениями Антанты о расширении территории страны до линии Энос—Мидия, заявив, что из-за этого «клочка земли» Болгария не вступит в войну. Генерал сказал: «А Константинополь?» — «Ну, что же Константинополь, мы туда придем, чтобы уйти», — возразил царь. — «Отчего?» — спросил Пэджет. — Может так случиться, что вы там и останетесь. Франция может не всегда оставаться союзником России, и тогда для нас будет лучше, чтобы в Константинополе были вы». Царь ответил на это театральным жестом⁴⁶.

Небезынтересно, что содержание этого разговора Пэджет передал регенту Александру с тем, чтобы успокоить его насчет уступок Сербией Македонии. Генерал заверил принца, что Болгария не будет претендовать на сербские земли. «Главная ее цель — Константинополь», — сказал он. Александр, не поверив Пэдкету, рассказал обо всем Г. Н. Трубецкому⁴⁷.

Почти идентичная история была в Греции, где каждая великая держава, стараясь обеспечить свое влияние, действовала на свой страх и риск. Англия и Франция делали ставку на премьер-министра Э. Венизелоса, царская Россия пыталась воздействовать на правительство через вдову короля Георга русскую принцессу Ольгу Константиновну, Германия ориентировалась на нового короля Константина, женатого на сестре Вильгельма II Софии.

В начале войны шансы России и ее союзников казались предпочтительнее. 7 августа 1914 г. Э. Венизелос в беседе с российским посланником в Афинах Е. П. Демидовым зондировал почву о Балканском союзе. Он дал понять, что эта идея может быть осуществлена, если державы Антанты гарантируют передачу Вардарской Македонии Болгарии, Румынии — Трансильвании, Сербии — Боснии, Герцеговины и Северной Албании, а Греции — Южной Албании (без Валоны, которая отошла бы к Италии)⁴⁸.

Идея Венизелоса нашла поддержку в Англии и Франции. Э. Грей сказал российскому послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу, что правительство готово финансировать «балканскую федерацию», в состав которой вошли бы Греция, Сербия, Болгария и Черногория⁴⁹.

Министр иностранных дел Франции Т. Делькасе высказался за союз Греции и Болгарии с подключением к нему в будущем Сербии и Румынии⁵⁰.

В сентябре 1914 г. в Афины, Софию и Ниш из Лондона была отправлена полуофициальная миссия членов британского парла-

мента братьев Нозля и Чарльза Бекстенов с целью активизации деятельности по созданию Балканского Союза⁵¹. Их переговоры, однако, не дали желаемого результата, точно так же, как без успеха завершилось обсуждение плана Венизелоса—Грея—Делькасе. Неконкретные обещания держав Антанты мало привлекали к себе внимание греческого короля Константина и болгарского царя Фердинанда. Оба мнили себя наследниками Византийской империи и их не могли устроить полумеры, которые предлагали им державы Тройственного согласия.

- ¹ Прометей. Кн. IV. М., 1967. С. 188—196.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 16.
- ³ Стојановић К. Слом и васкрс Србије // АСАНУ. № 10133. Рукоп.
- ⁴ Zelenika M. Prvi svetski rat. Beograd, 1962.
- ⁵ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914—1917 гг. С. 75—76.
- ⁶ Zelenika M. Op. cit. S. 141.
- ⁷ АВПР. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 106. Л. 176.
- ⁸ Поповић Н. Србија и Русија, 1914—1918. С. 263—308.
- ⁹ Храбах Б. Операције на средној и горној Дрини и у Санџаку августа 1914 године // ИГ. 1964. № 4. С. 3—56.
- ¹⁰ Ђуришић М. Сремске операције српске војске 1914 године // ИЗан. 1964. Књ. XXI, св. 3. С. 459—447.
- ¹¹ АВПР. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 150.
- ¹² МОЭИ. Сер. 3. Т. VI, ч. 1. С. 490.
- ¹³ АВИИ. П. 4. К. 35. № 15.
- ¹⁴ АВПР. Ф. ПА. Д. 1826. Л. 5—14.
- ¹⁵ Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 77.
- ¹⁶ Zelenika M. Op. cit. S. 643—651.
- ¹⁷ Той же версии придерживается и писатель В. Пикун в романе «Честь имею!»
- ¹⁸ Würtle F. Die Spur führt nach Belgrad: die Hintergründe des Dramas von Sarajevo, 1914. Wien etc., 1975.
- ¹⁹ АВПР. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Исполнительное отделение. I стол. 1893 г. Оп. 749/II. Д. 2. Л. 402—403.
- ²⁰ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 80—339. Л. 270—283.
- ²¹ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7371. Л. 36. В. А. Артамонов — помощнику оберквартирмейстера Главного управления генерального штаба генералу Н. А. Монкевицу. Белград, июнь 1911 г.
- ²² Звонарев К. К. Агентурная разведка. Пг., Б. г. Т. 1. С. 39—93.
- ²³ Трубецкий Г. Н. Указ. соч. С. 77.
- ²⁴ Там же. С. 79.
- ²⁵ Там же. С. 78—79.
- ²⁶ Там же. С. 89.
- ²⁷ Там же. С. 88.
- ²⁸ Там же. С. 101.
- ²⁹ Кара-Ђорђевић Б. Истина о мом животу. Београд, 1969.
- ³⁰ Јовановић Ј. Борба за народно уједињење, 1914—1918. Београд. Б. г. С. 64.
- ³¹ Югославский историк Н. Попович, напротив, утверждал, что О. Боши активно защищал интересы Сербии, в то время как военный атташе Франции Фурнье действовал во вред ей.
- ³² Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 99.
- ³³ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3054. Л. 8.
- ³⁴ Влахов Т. Външната политика на Фердинанд и Балканскиот сюз // ИП. 1950. № 4/5. С. 437; Панайотов И. Руско-българските отношения през балканските войни 1912—1913 гг. // ИИП. 1968. Т. 20. С. 53—83.
- ³⁵ OUA. Bd. V, N 7486.
- ³⁶ DDF. 3^e. Vol. VIII, N 136.

- ³⁷ См.: *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. С. 171–173.
- ³⁸ МОЭИ. Сер. 3. Т. VI, ч. 1. С. 9–10.
- ³⁹ АВПР. Ф. ПА. Д. 3770. Л. 19.
- ⁴⁰ Царская дипломатия в мировой войне. Т. 1. С. 61.
- ⁴¹ Там же. С. 68.
- ⁴² *Јанковић Д.* Србија и југословенско питање, 1914–1915 године. Београд, 1973. С. 95–146.
- ⁴³ АВПР. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 106. Л. 206.
- ⁴⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. VI, ч. 1. С. 4–5.
- ⁴⁵ *Јовановић Ј.* Указ. соч. С. 64.
- ⁴⁶ *Трубецкой Г. Н.* Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. VI, ч. 1. С. 26–27.
- ⁴⁸ Там же. С. 66–67.
- ⁴⁹ Там же. С. 104.
- ⁵⁰ Там же. Т. V, ч. 1. С. 138–141.
- ⁵¹ Там же. Т. VI, ч. 1. С. 116–127.

СЕРБИЯ И СОЮЗНИКИ (1915 г.)

Сербия после Колубарской победы

В конце 1914 г. и в начале 1915 г. общая военная ситуация стала складываться благоприятно для держав Тройственного соглашения и Сербии. В декабре 1914 г. русские войска нанесли поражение туркам под Саракамышем на севере Анатолийского полуострова, а австрийцам на Галицийском фронте, сербы одержали победу на р. Колубара, англичане и французы в феврале 1915 г. начали Дарданелльскую операцию, угрожая Турции с моря, по инициативе Лондона и Парижа дипломатия стран Антанты повела активные переговоры с Италией об ее выходе из Центральной коалиции и подключении к державам Антанты; сильно заколебался в это время и другой член германского блока — Румыния, правительство которой было готово изменить своему прежнему союзнику ценой компенсаций в районе Баната.

К этому времени царская Ставка разработала план совместных действий русских, сербских и черногорских войск на Балканах и участия в них войск союзников¹. Предполагалось организовать одновременные наступательные действия: русских — на Карпатах, сербов — в Среме и Банате, черногорцев — в Боснии и Герцеговине². Англия и Франция, по расчетам Ставки, должны были усилить свою активность на Германском и Австро-венгерском фронтах и по возможности предпринять морские десантные операции на австро-венгерском побережье Адриатического моря, которые преследовали бы своей целью осуществление двух задач: отвлечение числа сил имперской армии и организацию повстанческого движения среди югославян Далмации и хорватского Приморья³.

Сербская армия получила в свое распоряжение отряд французских военных летчиков, в Черногорию была послана французская артиллерийская батарея⁴. Из России Черногории было доставлено в срочном порядке 30 тыс. винтовок с патронами, некоторое количество артиллерийских орудий и 50 тыс. комплектов пинелей и башлыков, захваченных у австрийцев. С целью участия в союзном морском десанте в Архангельске была сформирована казачья часть, которая была уже посажена на корабли, однако ее отъезд не состоялся⁵.

О своем намерении присоединиться к державам Антанты заявил премьер-министр Греции Э. Венизелос, что дало бы союзникам еще 150 тыс. войск⁶.

Чтобы закрепить союз с Россией и крепче привязать ее к Франции и Англии (в Париже и Лондоне появились слухи о намерении Германии попытаться начать переговоры с Россией), Грей предложил заключить соглашение с Петроградом о правах Российской империи на преимущественное управление Черноморскими проливами и Константинополем. Эту идею подхватил Делькассе, сделав, однако, ряд поправок и оговорок. (Франция заботилась о своих капиталовложениях в оттоманских банках.) Англия, впрочем, тоже оговорила право на свободное плавание своего флота через проливы, были сделаны и другие дополнения, фактически сводившие соглашение на нет. В конце концов оно приняло вид решения о совместном, трехстороннем управлении Константинополем и проливами. Россия должна была занять своими войсками только Босфор и Фанар, Франция — Перу, Англия — Стамбул и Принцевы острова⁷.

Общее управление всем этим районом предполагалось передать в руки трех комиссаров — английского, французского и российского. Это означало, что Россия фактически отстранялась от управления, так как все вопросы, связанные с ним, подлежали решению большинством голосов, т. е. практически Западными державами. Комиссаром от России был назначен посланник в Сербии князь Г. Н. Трубецкой, хорошо осведомленный в делах Турции, так как ранее он возглавлял Ближневосточный департамент МИД⁸.

В апреле 1915 г. Трубецкой был отозван из Ниша и временным исполняющим обязанности поверенного в делах России в Сербии был назначен Василий Николаевич Штрандман.

Вначале Трубецкой, как, впрочем, и царь, и С. Д. Сазонов, находился под впечатлением осуществления «вековой мечты» самодержавия и российского капитализма об овладении проливами, которые служили главной торговой коммуникацией для юга России. Николай II, получив информацию от министра о состоявшемся соглашении, назвал этот день «самым счастливым в своей жизни»⁹.

Но вскоре наступило всеобщее разочарование, а Трубецкой, ознакомившись в деталях с соглашением, назвал его «липовым». Тем не менее он вместе с Александром Михайловичем Петряевым, также большим знатоком Ближнего Востока, составил свой проект управления Константинополем, но был вынужден положить его под сукно — западные союзники не соглашались принять поправки Петрограда.

Так вопрос о проливах повис в воздухе, несмотря на подписанное соглашение. Во время войны Россия из-за слабости своего флота не смогла добиться осуществления «хрустальной мечты» царизма, хотя союзники России постоянно использовали эту приманку.

«В переговорах с Италией, Румынией, наконец, в сербо-болгарском вопросе они (Англия и Франция.— Ю. П.) настаивали на своем, требовали от нас уступок. Как нам было с ними бороть-

ся, как не отдавать на чашу весов то, что они добивались, когда на другую чашу был положен Константинополь, или, хотя бы, мираж его», — писал Трубецкой, вернувшись из Сербии после отклонения проекта ¹⁰.

Тактика дипломатии Антанты

Уступчивость Петрограда союзникам объяснялась еще двумя причинами: финансовой зависимостью царизма от Запада и острой потребностью русской армии в вооружении, которое она могла получить только от Англии и Франции ¹¹.

По существу, царизм выпустил из своих рук и решение балканской, в том числе сербской, проблемы. Об этом не без горечи писал Г. Н. Трубецкой: «К сожалению для нас и для общего союзного дела, руководство в балканских делах выскользнуло из рук России... и перешло в руки англичан и французов, ничего в них не понимавших» ¹².

Как уже говорилось, характерной особенностью дипломатии держав Антанты на Балканах была слабая согласованность действий. Каждая сторона, выражая собственные интересы, поступала на свой страх и риск, что нередко расходилось с интересами коалиции в целом. Такую роль сыграла миссия генерала Пэджета, миссия бывшего редактора газеты «Таймс» Валентина Чиролья, который, получив специальное задание Э. Грея, весной 1915 г. вел переговоры в Болгарии о ее присоединении к Антанте, не поставив в известность об этом российских посланников А. А. Савинского в Софии и Г. Н. Трубецкого в Нише. Вместе с Чиролем на Балканы прибыл секретарь Форин оффис, сносившийся с Греком особым шифром ¹³.

Без согласования с Россией английский и французский посланники в Сербии и Болгарии в мае 1915 г. (Трубецкой в это время был в Петрограде) сделали совместное представление болгарскому и сербскому правительствам, потребовав решить территориальный вопрос в Македонии на условиях болгаро-сербского договора 1912 г. Взамен уступок со стороны Сербии в этом районе союзники обещали после войны передать ей обширные территории на побережье Адриатического моря, не указав, однако, какие именно. Болгария, как говорилось в этом представлении, должна была немедленно вступить в войну на стороне Антанты. Неопределенность обещаний и их несогласованность с Россией только повредила делу. Н. Пашич отклонил это предложение, пригрозив своей отставкой, В. Радославов потребовал разъяснений ¹⁴.

Между тем еще в январе 1915 г. С. Д. Сазонов вместе с английским и французским послами в Петрограде Д. Бьюкененом и М. Палеологом разработали более конструктивный проект, предложив Сербии уступить Болгарии территорию южнее линии Криво-Паланка—Велес-Охрид, пообещав за это по заключению мира

Боснию и Герцеговину, широкий выход к Адриатическому морю и часть Албании на границе с Грецией¹⁵.

Этот проект не отвечал полностью интересам Сербии, но все же мог стать основой для переговоров. Однако данное предложение не было поддержано ни Э. Греем, ни Т. Делькасе. Секретарь по иностранным делам Великобритании настаивал на том, чтобы переговоры сначала велись в Софии, а не в Нише; Делькасе предлагал передать Болгарии всю южную Македонию до р. Вардар¹⁶. Та же разногласия возникла между союзниками при обсуждении итальянского и румынского вопросов.

Грей и Делькасе настаивали на быстрейшем их решении, не считаясь с интересами Сербии. Сазонов предложил передать Италии Триест и Кварнерские острова, но был против уступок Италии Далмации и высказался за обеспечение Сербии выхода к морю¹⁷.

В беседе с общественным деятелем Хорватии Франьо Супило, состоявшейся в марте, Сазонов заявил, что Россия сделает для славян все возможное и «во всяком случае, Сербия получит большую часть Приморья»¹⁸.

Но между желанием и действительностью был огромный разрыв. Италия заняла непримиримую позицию, возражая против уступок Сербии какой-либо австро-венгерской территории, Англия и Франция настаивали на немедленном подключении Италии к Антанте, царская Россия капитулировала. «Тройственное согласие, „освобождая“ Сербию, *продает* интересы сербской свободы итальянскому империализму», — отмечал Ленин¹⁹.

Сходная картина наблюдалась и при решении румынского вопроса, Сазонов вначале возражал против передачи Румынии всего Баната, аргументируя это тем, что в Банате проживают не только румыны, но и сербы и другие народы, а также указывая на стратегическое значение Баната для обороны Белграда.

Делькасе и Грей настаивали, Сазонов был вынужден частично уступить, заявив, однако, что вопрос о Банате должен решаться между Сербией и Румынией. Но этот демарш не был принят во внимание в Лондоне и Париже. Единственное, в чем Грей поддержал Сазонова, это в вопросе о границе Румынии с Россией.

В ответ на заявление румынского посланника в Лондоне, что Румыния вступит в войну только в том случае, если державы Согласия гарантируют ей государственные границы до рек Прут, Тиса и Дунай, Грей сказал, что вопрос о границе по р. Прут румынское правительство должно решать с самой Россией²⁰.

Петроград отрицательно воспринял великодержавные амбиции Бухареста, и Брэтиану пошел на попятную, сузив свои требования до установления границ Румынии только по Дунаю и Тисе и сняв предложение о расширении территории страны вплоть до Прута.

Хитроумный Грей прибегал еще к одному приему: навязывая свои предложения Сазонову, он делал вид, что они исходят от самого Сазонова. Грей постоянно подчеркивал, что Балканы являются сферой влияния России и последняя в связи с этим должна выступать инициатором всех проектов союзников. Так, например, в июле 1915 г. Грей и Георг V выдвинули идею воздействовать при помощи царской России на легитимистские чувства регента Александра, предложив, чтобы с посланием к нему обратился именно Николай II и уговорил бы принца в интересах общего дела уступить Болгарии Вардарскую Македонию. Царь разгадал этот маневр, сделав встречное предложение: послать сербскому королю совместное обращение трех монархов — Георга V, Виктора-Эммануила I и Николая II, а также президента Франции Р. Пуанкаре²¹.

По словам Трубецкого, такая тактика Грея и Делькасе не только мешала совместным действиям, но и создавала неверное представление в Сербии об особой ответственности России за предложения о территориальных уступках. Все это способствовало росту недовольства Россией в этой стране. Даже Н. Пашич, ориентировавшийся на Россию, горько сетовал по поводу политики Сазонова. «К Сербии пристали с ножом к горлу», — заявлял он.

Князь Трубецкой, защищавший интересы российского самодержавия, взваливал вину за раздел сербской территории на западных союзников России. Он писал: «Когда шел вопрос о территориальных компенсациях, наши союзники быстро откинули громко ими провозглашенные принципы прав народностей. Они кроили земли, как кусок полотна, притом как плохие и расточительные портные, которые мало заботятся о форме, выкройке и величине обрезков»²².

Но таким же «расточительным портным» был и царизм. Российский посланник в конце концов был вынужден признать, что и царская дипломатия также отступила от принципа «прав народностей», идя на поводу у Англии и Франции. «Мы цеплялись за мелочи, соглашаясь на главное», — констатировал Трубецкой²³.

¹ Емец В. А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914–1918 // ИЗ. 1965. Т. 77. С. 83.

² ВРС. Књ. 8. С. 59–60; Операције црногорске војске у провом светском рату. Београд, 1954. С. 50–53.

³ См.: Thomaz A. La guerre navall dans l'Adriatique. P., 1927.

⁴ Вујковић Д. Односи између Црне Горе и Француске за вријеме првог светског рата // ИЗап. 1964. Књ. XXI, св. 3. С. 437–497.

⁵ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4035. Л. 16. Н. Обнорский — МИД. Цетинье, 1914. 5.Х.

⁶ См.: Писарева Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.

⁷ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 127.

⁸ Там же. С. 127–129.

- ⁹ Писарев Ю. А. Отношения между Россией и Турцией накануне первой мировой войны // ВИ. 1986. № 12. С. 28–33.
- ¹⁰ Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 172.
- ¹¹ См.: Сидоров А. Ф. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1980.
- ¹² Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 172.
- ¹³ Там же. С. 138–139.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. VII, ч. 1. С. 125–126.
- ¹⁶ Там же. С. 163–164.
- ¹⁷ Там же. Т. VII, ч. 2. С. 55, 486.
- ¹⁸ Там же. Ч. 1. С. 486.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 241.
- ²⁰ Јанковић Д. Србија и југословенско питање 1914–1915 године. С. 112.
- ²¹ Там же.
- ²² Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 170.
- ²³ Там же.

СЕРБИЯ В ПЕРИОД «МИРНОЙ ПЕРЕДЫШКИ» И РОССИЯ

Общая обстановка в стране

Первые дни после Колубарской битвы Сербия «не могла прийти в себя», как выразился князь Г. Н. Трубецкой¹. Ее временная столица г. Ниш праздновала победу, но все еще не освободилась от чувства тревоги за будущее. Город был переполнен беженцами, государственными чиновниками, прибывшими вместе с эвакуированными из Белграда министерствами, служащими военного интендантства, офицерами всех рангов и званий, солдатами-инвалидами, надеявшимися найти пристанище в госпиталях, которых практически не было, населением окрестных деревень, приехавшим в столицу, чтобы реализовать свою нехитрую продукцию, военнопленными имперской армии, посланными в Ниш сербским командованием с целью установления за ними строгого надзора, но чувствующими себя весьма вольготно.

Интересные зарисовки из жизни политической столицы Сербии этого времени сделали американский журналист Джон Рид, автор знаменитой книги об Октябрьской революции в России «Десять дней, которые потрясли мир» (он посетил Сербию весной 1915 г.), и российский посланник Г. Н. Трубецкой.

Вот что писал, например, Д. Рид о пестроте населения и социальных контрастах в Нише: «В центре города, где находились два или три ресторана, ряд продыmlенных кофейных и захудалый отель „Ориент“, торговка-американка продавала обувь. Здесь же, между дешевенькими ремесленными мастерскими, вкрапчивались магазины, на сияющих витринах которых были выставлены дорогостоящие ожерелья и экстравагантные дамские шляпки. По тротуарам двигались разношерстные толпы народа: цыгане, затрапезно одетые крестьяне, жандармы с большими саблями на боку в красных и голубых мундирах, элегантные офицеры, увешанные орденами, солдаты в драных шинелях, с обмотками на ногах и в дырявой обуви, инвалиды — хромые, безногие и безрукие, — великое множество австрийских военнопленных. Государственные чиновники куда-то спешили с папками под мышкой. Толстые евреи — военные поставщики, как заговорщики, обсуждали в трактирах с клиентами вопросы перекупки товаров, жены министерских чиновников и любовницы офицеров торговались с крестьянками о покупке у них цветастых юбок и чулок различных расцветок»². Сходную картину нарисовали Г. Н. Трубецкой и члены Югославянского комитета в Лондоне Фрэнко

Поточняк и Богумил Вошняк, прибывшие в Ниш для переговоров с Пашичем³.

Вместе с тем они отмечали редкую для того периода общую атмосферу демократизма, выделявшую Сербию из числа других балканских государств. Все констатировали, что граждане Ниша и Сербии чувствовали себя равными, хотя социальное неравенство уже было значительным, нормально функционировали политические партии, в том числе социал-демократическая, которая критиковала правительство, в стране выходили газеты самых разных направлений, а правящие круги не подчеркивали своего положения.

«В Нише не существовало и подобия светской жизни,— отмечал Трубецкой.— Жены министров сами ходили на рынок... На площади наискосок от нашего дома стоял гул от толпы. Масса подвод, запряженных волами, крестьянки в своих красивых рядах с цветами, приколотыми к платку на голове, и тут же солдаты, чиновники, офицеры и женщины всех сословий...»⁴

Демократический режим делал Сербию привлекательной для югославян монархии Габсбургов. Недаром во время войны в сербскую армию из Австро-Венгрии перешли многие добровольцы, из которых был сформирован сначала один, а затем второй добровольческие отряды. В Нише югославяне-добровольцы основали свои культурные, художественные и музыкальные кружки, в которых участвовали и австрийские военнопленные⁵.

В рамках сербской демократии подспудно бушевали страсти. Правительство Пашича, несмотря на официальные заявления оппозиции о «национальном единстве» во время войны, подвергалось критике как справа, так и слева. Буржуазная оппозиция упрекала премьера в недостаточно решительном противодействии требованиям держав Тройственного согласия о территориальных уступках Сербии Болгарии и Италии, крайне правые круги в лице все еще сильного националистического офицерского союза «Черная рука» оказывали давление на Пашича, призывая правительство к расширению экспансионистской внешней политики; социал-демократия, напротив, предостерегала кабинет от авантюрных действий, считая, что мир на Балканах, а не война является единственно правильной целью⁶.

ССДП боролась против сербского буржуазного шовинизма, противопоставляя монархическо-гегемонистскому лозунгу «Великая Сербия» интернационалистскую программу создания подлинно демократической федерации балканских республик. Газета «Радничке новине» в номере от 11 апреля в статье «Где настоящий противник?» писала «Безумная политика войны до конца, ведущая к страшному уничтожению народа, обанкротилась. Социалисты провозглашают лозунг: интернациональная пролетарская классовая борьба против империалистического истребления народа. Главный враг каждого народа находится в его собственной стране»⁷. В статьях «Война и балканская федерация», «За мир» «Балканская федерация и мир» выдвигались задачи

объединения балканских народов для борьбы против войны и империализма. «Малые народы,—говорилось в статье «За мир»,— не имеют никаких причин продолжать войну. У них есть лишь одно спасение — мир»⁸. В августе в новой газете социалистов «Будучность», начавшей выходить вместо «Радничке новине», был опубликован Манифест Исполнительного комитета Межбалканского социалистического бюро против войны, в сентябре — Манифест международной социалистической конференции в Циммервальде, призывающий народы заключить мир без аннексий и контрибуций⁹.

В. И. Ленин высоко оценивал деятельность Сербской социал-демократической партии этого периода. «Только тогда социал-демократы исполняют свой долг,— писал он,— когда борются с шовинистическим угаром своей страны. И лучшим примером этого выполнения долга являются сербские социал-демократы»¹⁰. Большое значение имело выступление Сербской социал-демократической партии в защиту прав трудящихся, за их социальные завоевания¹¹.

Социал-демократическая партия констатировала, что война принесла стране лишь неисчислимые бедствия, отмечала кризисное состояние сербской экономики и тяжелое положение трудящихся масс.

Буржуазная печать, напротив, утверждала, что победа Сербии на р. Колубара способствовала завоеванию социальных прав и политических свобод. Так, газета «Политика» писала 22 мая: «На острие непобедимых штыков Сербия завоевала три свободы — политическую, национальную и экономическую»¹².

Разруха в экономике и финансах

Джон Рид, трижды побывавший в 1915 г. в Нише, каждый раз уезжал из города с тяжелым чувством, на него огромное впечатление производили разруха, нищета масс и другие бедствия, явившиеся последствием трех разорительных войн, которые следовали одна за другой — двух балканских и войны Сербии с Австро-Венгрией. Рид называл Сербию «страной смерти», более поздний сербский писатель Добрица Чосич, написавший о войне великопленный роман, охарактеризовал этот период как «время смерти»¹³, почти идентичные высказывания можно найти у другого сербского писателя Бронислава Нушича, очевидца и современника событий¹⁴; у русского писателя Леонида Андреева и у ряда публицистов и журналистов.

На Европейском континенте вряд ли имелаась другая страпа, положение которой по своему трагизму хотя бы приблизительно напоминало положение Сербии в годы первой мировой войны.

Главной причиной всенародного бедствия, обрушившегося в 1915 г. на сербское государство, было выведение из строя основной отрасли его экономики — сельского хозяйства. Военные дей-

ствия, проходившие в наиболее плодородных ее районах (Мачва и междуречье Савы, Дрины и Дуная), привели к подрыву производительных сил страны. Многие местности были опустошены оккупантами, с захваченных ими территорий бежало население (около 400 тыс. человек), подавляющее большинство непосредственных работников — мужчин призывного возраста — было мобилизовано в сербскую армию. «В деревне,— писала газета «Радичке новине»,— можно увидеть только старика, малого ребенка или больного»¹⁵.

После окончания военных действий многие беженцы (около 300 тыс. человек) вернулись на свои пепелища, но личный состав вооруженных сил Сербии остался почти неизменным — деревня так и не получила рабочих рук.

В 1915 г. правительством Пашича было проведено несколько реквизиций. На содержание армии у крестьян продолжали, как и во время военных действий, отбирать лошадей, фураж, зерно. Крестьяне не были заинтересованы в расширении сельскохозяйственного производства, опасались везти в город на продажу продукты питания¹⁶. В результате во многих районах Сербии возникли продовольственные затруднения, а в Белграде и ряде провинциальных городов появились признаки надвигающегося голода.

На бедствиях трудящихся наживались спекулянты. «Черный рынок» достиг в 1915 г. чудовищных размеров (на продукты питания цены возросли до 200%)¹⁷. В августе в Народную скупщину социал-демократами был внесен запрос о спекуляции и злоупотреблениях, но парламент и правительство оказались бессильными бороться с этим злом. По словам сербской газеты «Правда», органы власти сложили перед лихоимцами («военными пауками», как она назвала спекулянтов) свое оружие¹⁸.

Сербское государство переживало также финансовый кризис. На военные нужды только за один 1915 г. Народной скупщиной пять раз ассигновались чрезвычайные кредиты. Общая их сумма составляла почти 1 млрд динаров, что равнялось расходам на развитие народного хозяйства страны за несколько мирных лет¹⁹.

Единственным источником финансовых накоплений стали прямые и косвенные налоги. Первые составили 32% от общих поступлений в казну, вторые — 65%²⁰. Своей тяжестью они ложились главным образом на народные массы, так как рост косвенных налогов приводил к повышению цен, а заработная плата трудящихся оставалась на прежнем уровне²¹. В 1915 г. правительством было выпущено свыше 30 млрд бумажных денег, что лишь способствовало развитию инфляции²².

Государственная казна оскудела, и правительство было вынуждено прибегнуть к двум чрезвычайным мерам: временной отсрочке платежей по внутренним и внешним долгам и иностранным займам.

В сербских и русских архивах сохранилось много не использованных до сих пор исследователями материалов о крайне труд-

ном финансово-экономическом состоянии Сербии этого периода. Так, в депеше временного поверенного в делах России в Нише В. Н. Штрандтмана от 30 сентября (13 октября) 1914 г. говорилось: «В стране воцарилось очень тяжелое положение. Пять шестых мужского населения деревни оторвано от работы, полностью прекращена внешняя торговля, внутренние источники доходов — податные сборы и сборы от урожая этой осенью получены не будут. Казна из запланированных 64 млн динаров в лучшем случае получит лишь 12 млн динаров. Всего же государство недополучит доходов: 32 млн динаров от эксплуатации железных дорог, 11 млн динаров от гербового сбора, 15 млн динаров от городских налогов и налогов с монополий, в числе которых особенно пострадали торговля табаком, керосином и спичками; склады этих монополий в Белграде уничтожены. Для 214 млн динаров государственного бюджета эти потери слишком велики. Что касается заграничных кредитов, открытых для Сербии в начале войны, то они уже целиком распределены. В то же время возросли расходы в связи с помощью Сербии Черногории и Эссад-паше (в Албании). Сербское правительство рассчитывает получить на военные нужды 120 млн франков во Франции и надеется на поддержку России»²³.

Финансово-экономическая помощь России

Эта надежда оказалась не напрасной. Россия приступила к оказанию финансовой помощи Сербии с самого начала австро-сербской войны. Уже 28 июля 1914 г. Пашич обратился к русскому правительству с просьбой о кредите в 20 млн рублей в связи с необходимостью мобилизации сербской армии. Петроград предложил французскому правительству перевести эти деньги из русских банков в Париже в Ниш²⁴. Одновременно было принято решение об ежемесячных ассигнованиях Сербии от 3 до 5 млн рублей²⁵. 9 августа того же года сербский посланник в Петрограде М. Спалайкович запросил из России новый заем на сумму 6 млн рублей для нужд армии и получил положительный ответ²⁶.

Вопрос о дополнительном кредитовании Россией Сербии и Черногории решался на заседаниях Совета министров 30 декабря 1914 г., 23 и 31 января и 10 марта 1915 г.²⁷ Всего с февраля по сентябрь 1915 г. Россия предоставила на военные и другие нужды Сербии и Черногории долгосрочные кредиты на общую сумму 75.507 387 рублей²⁸. Помимо указанных ассигнований, Россия отпускала своим балканским союзникам целый ряд единовременных займов и оказывала им иные формы финансовой помощи²⁹.

Для Сербии неоценимое значение имели поставки из России хлеба. Они осуществлялись как централизованным образом через Главное управление земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ), так и сербскими уполномоченными, командированными правительством Пашича в Россию³⁰. Совет министров Российской империи предоставил ГУЗиЗ и уполномоченным Сербии широкие возмож-

пости для заготовки и закупки зерна и муки в любом районе страны, отдав распоряжение Министерству путей сообщения и Морскому министерству о беспрепятственной и внеочередной отправке заготовленного хлеба по железным дорогам и по морю за счет русского казначейства³¹. В связи с отсутствием в Сербии морских портов транспортировка хлеба из России осуществлялась главным образом по р. Дунай Российско-дунайским пароходством и Экспедицией особого назначения (ЭОН), во главе которой стоял контр-адмирал Михаил Михайлович Веселкин. Кроме того, зерно доставлялось кружным путем по морю, разгружалось в Салониках, а затем доставлялось в Сербию по железной дороге Салоники—Битоль. Главное управление земледелия и землеустройства, которое возглавлял Г. В. Глинка, на 3 мая 1915 г. закупило для Сербии 1200 тыс. пудов муки и для Черногории 1 млн пудов ячменя и 350 тыс. пудов кукурузы³². К этому же сроку Главным уполномоченным Сербии по закупке сельскохозяйственной продукции в России Михайлом Шайновичем было приобретено 1250 тыс. пудов муки, 650 тыс. пудов сена, 200 тыс. пудов соломы, 600 тыс. пудов овса и 1400 тыс. пудов пшеницы³³.

Югославский историк Н. Попович в своей работе «Сербия и Россия в 1914—1918 г.» писал, что не все, что было закуплено, оказалось доставленным в Сербию³⁴, а другой историк Б. Храбак в статье «Россия и „спасение“ Сербии осенью 1915 г.» вообще негативно оценил значение русских поставок продовольствия, указав на то, что они, как и военная поддержка в целом, были явно недостаточными³⁵.

Однако факты говорят о противном. К маю 1915 г. только Экспедиция особого назначения осуществила 15 рейсов от дунайского порта Рени до сербского порта Прахово и вывезла 1063018 пудов хлеба и фуража³⁶. В августе 1915 г. ЭОН было отправлено 30 транспортов с продовольствием, а всего за 1915 г.— 45 транспортов³⁷.

В то же время действительно не все русские грузы доставлялись адресатам вовремя. Объективными причинами была слабая пропускная способность порта Прахово и одноколесной железной дороги Прахово—Заечар. «Наши баржи неделями стоят не разгруженными», — сообщал М. М. Веселкин сербскому и русскому правительствам³⁸.

Автором в монографии «Сербия и Черногория в первой мировой войне» уже были приведены многочисленные факты нарушения сербской интендантской службой Верховного командования и закупочными организациями Королевства элементарных правил приема и распределения продовольственных поставок и предметов первой необходимости из России. Сербским правительством был раскрыт ряд афер, осуществленных местными посредническими организациями, которые наживались на этих поставках, спекулируя на черном рынке. Особенно громкий скандал вызвали две из них, так называемые песчаная и обувная аферы, когда было обнаружено, что в муку, доставленную из России сербски-

ми лафيرانтами и посредниками был применен речной песок, а в армию теми же дельцами вместо русской обуви, поставлялись педоброкачественные сапоги, изготовлявшиеся местными ремесленниками. Эти аферы рассматривались в Народной скупщине. Правительство Пашича не только не отрицало упомянутые факты, но и обратилось к русскому правительству с извинениями³⁹.

Небезгрешными оказались и многие русские интенданты, которые заготовленный ГУЗиЗ по твердым ценам хлеб перепродавали по спекулятивным ценам. Неудовлетворительно работали и русские складские помещения в торговом порту Рени на р. Дунай, бывали случаи неоправданной задержки с отправлением в Сербию предназначенных для этого транспортов.

Помощь оружием

Особенно большие трудности возникали со своевременными поставками в Сербию вооружения и боеприпасов. Одной из причин этого было отсутствие резервного оружия у самой русской армии. Россия плохо подготовилась к войне и ощущала острейший дефицит в вооружении, прежде всего в артиллерии. Генеральный штаб сухопутных сил, возглавляемый бездарным генералом Н. Н. Янушкевичем, не имел даже приблизительного представления о наличии вооружения и артиллерии в арсеналах. Янушкевич признался в этом сербскому военному агенту при царской Ставке полковнику Б. Лонткиевичу. Вот что сообщал по этому поводу Лонткиевич посланнику М. Спалайковичу 15 сентября 1914 г.: «Сегодня разговаривал в штабе с генералом Янушкевичем по вопросу о снабжении наших войск. Он мне сказал, что сделает все, что может, но не верит, что все будет в таких размерах, которые мы просим. Вообще он точно не знает сколько и чего имеется».

Далее Лонткиевич констатировал: «В самой русской армии ничего нет. Расходы военных материалов так велики, что им (штабу Ставки.— Ю. П.) представляют большие заботы. Горной артиллерии вообще нет, гаубиц недостаточно. На Юго-Западном фронте было израсходовано за 1 месяц больше, чем они рассчитывали потратить за 3—4 месяца. Ставка принимает к сердцу наши просьбы и хочет нам помочь, но всегда добавляет: „все, что можем“»⁴⁰.

Другой причиной трудностей была территориальная отдаленность Сербии и Черногории от русского фронта. Между Россией и Сербией не было непосредственной границы, и провозить оружие в эту страну надо было через нейтральные государства Румынию, Болгарию и Грецию, которые, опасаясь Германии и Турции, чинили всевозможные препятствия. Путь через Босфор и Дарданеллы фактически был закрыт Турцией. Оставалась лишь одна возможность — доставлять грузы по Дунаю, но и она не была безопасной, так как по реке в среднем ее течении, где находился Белград, курсировали австро-венгерские военные мони-

торы, а нижнее течение контролировалось болгарскими и румынскими пограничниками. Правда, премьер-министр Румынии И. Брэтиану пообещал российскому посланнику в Бухаресте С. А. Поклевскому «закрыть глаза» на отправку русского оружия в Сербию по Дунаю⁴¹, но при этом категорически отказался дать согласие на использование Россией с этой целью румынских железных дорог⁴².

Обращение С. Д. Сазонова к Англии с просьбой поддержать ходатайство России перед Румынией о протекции в перевозке военных грузов было безуспешным. «Английское правительство полагает неудобным сделать официальное представление Румынии по поводу провоза наших военных материалов в Сербию», — сообщал министр 11 сентября Поклевскому⁴³.

В ноябре 1914 г. румынское правительство ввело новые ограничения, предложив ЭОН при плавании по Дунаю не заходить в румынские порты и приобретать горючее для кораблей и продовольствие для членов экипажа на территории России либо через румынских агентов-посредников. Офицерам и солдатам было предложено следовать в гражданской одежде, а военные грузы маскировать под посылки Красного Креста⁴⁴.

Болгарское правительство В. Радославова сначала заняло идентичную позицию. Победы русских войск на галицийском фронте в августе—сентябре 1914 г. заставили его соблюдать благожелательный нейтралитет. Об этом сообщал русский посланник в Софии А. А. Савинский в телеграмме С. Д. Сазонову от 24 сентября 1914 г.⁴⁵

Через территорию страны болгарским коммерсантом Рафаиловичем в Сербию свободно провозился русский хлеб, а под маркой Красного Креста и некоторые военные материалы⁴⁶.

Однако так продолжалось недолго. Под давлением Германии правительство В. Радославова стало чинить препятствия русскому экспорту. Уже 23 октября Савинскому было отказано в просьбе о провозе через территорию страны русских военных грузов со ссылкой на нейтралитет Болгарии⁴⁷.

Сазонов попытался опровергнуть это решение, указав на 7 статью Гаагской конвенции 1907 г., которая не вменяла в обязанность нейтральным государствам препятствовать поставке оружия через свою территорию. Министр предложил Савинскому разъяснить это Радославову⁴⁸, но последний отказался даже выслушать российского посланника и вообще перестал принимать его под предлогом болезни, хотя был совершенно здоров.

«В канцелярии Радославова, — информировал Сазонова Савинский, — мне сказали, что премьер болен и никого не принимает»⁴⁹.

В то же время Болгария и Румыния открыли широкую дорогу для транспортировки военных материалов через свою территорию из Германии в Турцию. В болгарских речных портах стали базироваться австро-венгерские военные суда. Временный поверенный в делах России в Сербии В. Н. Штрандтман обратил на

это внимание посланника Болгарии в Сербии С. Чапрашикова, указав также на то, что, по имеющимся у него данным, были случаи обстрела болгарскими пограничниками русских пароходов на Дунае между Лом-Паланкой и Видином⁵⁰.

Турецкое правительство, в свою очередь, мешало перевозкам русских военных грузов. Еще до вступления в войну оно предупредило Петроград по поводу военных поставок Сербии, заявив, что в случае их продолжения на Дунай будут посланы турецкие сторожевые корабли.

Греческое правительство так же чинило препятствия поставкам Сербии оружия. Оно согласилось лишь на перемаркировку грузов, следующих из России, и это делалось при строгом контроле греческих таможенников, что фактически лишало Россию возможности направлять в Салоники свои военные транспорты⁵¹.

Морской генеральный штаб (МГШ) России оказался вынужденным разработать ряд контрмер. Суда стали сопровождаться военным конвоем, на баржах и пароходах ЭОН были установлены артиллерийские орудия и пулеметы (на каждой барже минимум по две пушки). В целях предосторожности корабли ЭОН передвигались, как правило, ночью или в туманную погоду, на пароходах был увеличен запас топлива и продовольствия, чтобы обходиться без его пополнения в румынских и болгарских портах. В целях блокирования действий австро-венгерских военных катеров по указанию Генерального штаба и с согласия Сербии была минирована та часть Дуная, которая проходила по австро-венгерско-сербской границе. В Сербию с этой задачей были направлены три отряда: старшего лейтенанта морской службы Юрия Федоровича Волковицкого⁵², который минировал реки Дунай и Сава близ Земуна (106 человек), лейтенанта Василия Антоновича Григоренко из 24 человек, действовавший совместно с сербским поручиком Борово Карач и инженерный отряд полковника Петра Ивановича Доброва, охранявший подступы к порту стоящего на Дунае с. Прахово, в составе 71 человека⁵³. Для сопровождения этих отрядов сербскими добровольцами из числа военнопленных австро-венгерской армии, находившихся в России, Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом были выделены специальные средства: по 40 рублей для сербов и 55 рублей в месяц для черногорцев⁵⁴.

Отрядам Волковицкого и Григоренко под огнем австро-венгерской артиллерии удалось установить 20 заградительных мин, 6 мин «уайтхола» и 3 решетки, на которых взорвался ряд вражеских кораблей. Минные заграждения предотвратили проникновение австрийских военных кораблей в нижнее течение Дуная⁵⁵. Отряд Доброва, усиленный до 720 с лишним человек, обеспечил переправу сербских войск через р. Сава⁵⁶.

Создание более благоприятных условий позволило ЭОН усилить военные поставки в Сербию. Однако по-прежнему работе Экспедиции мешала плохая организация сербской и русской интендантских служб, несогласованность их действий.

В архиве Военно-исторического института Югославской национальной армии хранится ряд документов, которые свидетельствуют о нечеткой организации этого дела. Так, например, начальник отдела Отделения путей сообщения Верховного командования сербской армии подполковник М. Ягжич в своем рапорте военному министру полковнику Душану Стефановичу от 13 октября 1914 г. сообщал о вопиющих фактах безответственного отношения сербской интендантской службы к приему русских транспортов с военными материалами и лошадьми для кавалерии в сербских портах Радуевац и Прахово. «В Радуеваце,— сообщил он,— интендатура не смогла обеспечить корма для 746 лошадей, высаженных с барж. Для их транспортировки не были поданы железнодорожные составы, и измученных животных направили своим ходом в Заечар. По дороге многие погибли. В Прахове под дождем были выгружены артиллерийские снаряды, порох и бочки с бензином, 25 240 тыс. патронов, 102 тыс. кг мостового оборудования. Все отсырело. Своевременно удалось подать только 48 вагонов. 11 русских барж после трехдневной разгрузки порожняком были отправлены обратно»⁵⁷.

Малоэффективными оказались и попытки царской дипломатии привлечь на свою сторону Румынию и Болгарию. Румынский премьер в разговоре с Г. Н. Трубецким, состоявшемся 26 ноября 1914 г., отклонил это предложение, заявив, что Румыния может вступить в войну на стороне Антанты только одновременно с Италией. Как известно, и это обещание Бухарестом было нарушено: Румыния присоединилась к Антанте только через год после Италии. С Болгарией дело обстояло еще хуже. Сазонов предупредил правительство В. Радославова о необходимости для Болгарии занять определенную позицию еще 3 августа, т. е. в самом начале войны: «В ответственную минуту, переживаемую ныне, поведение Болгарии быть может навсегда предопределяет отношение к ней России. Если она начнет питать какие-либо злые умыслы против Сербии, то ввиду вступления России в войну таковое поведение Болгарии будет рассматриваться нами, как открытый враждебный акт против России. Руководители Болгарии возлагают на себя личную ответственность за последующую политику»⁵⁸. Но болгарское правительство попросту уклонилось от ответа.

Не удался и зондаж военного агента в Софии полковника Романовского у военного министра, который, заверив Романовского в отсутствии у Болгарии агрессивных планов против Сербии и даже предложив России заключить военный союз на случай нападения на Россию Турции, выдвинул встречное требование о передаче Болгарии всей Македонии или, как минимум, так называемой бесспорной зоны.

Николай II, витая в эмпиреях, поверил антитурецким планам болгарского военного министра. На полях донесения полковника Романовского он написал: «Привлечение Болгарии на нашу сторону в случае вооруженного столкновения с Турцией теперь весьма возможно, что оттянуло бы часть турецких сил. Устранена

была бы также возможность выступления против нас Румынии»⁵⁹.

Военные круги России отнеслись к позиции Болгарии с меньшим доверием. Генерал-квартирмейстер русской армии Ю. Н. Данилов предложил Сазонову вручить правительству В. Радославова своего рода ультиматум. «По-моему,— писал он,— надо поставить вопрос прямо и определенно: или с нами или против нас»⁶⁰.

Начальник Морского генерального штаба вице-адмирал Александр Иванович Русин был настроен еще более решительно, он считал целесообразным послать в Южную Добруджу русский морской десант, поставив Болгарию и Румынию перед совершившимся фактом. Русин отдал командующему Черноморским флотом адмиралу А. А. Эбергарду приписание готовиться к высадке такого десанта⁶¹.

Эту идею поддерживали одно время А. А. Савинский, лидеры болгарской оппозиции и даже румынский посланник в Софии. «Эту меру,— писал первый,— можно считать удачным шагом воздействия на Румынию, так как она обеспечит ее тыл и на Болгарию, которая вернула бы себе Добруджу»⁶². Однако царский министр иностранных дел не решился на эту акцию. Он учитывал как ее бесперспективность, ввиду слабости Черноморского флота, так и возможность осложнения международной обстановки.

Англия, например, была противницей ухудшения отношений России с Болгарией, а Франция — с Румынией. Прибывший в Софию агент Э. Грея председатель Балканского клуба английского парламента Ноэль Бэкстон выступил против силового давления России на Болгарию. «Официальные болгарские газеты,— сообщал Савинский,— трубят о благородном заступничестве Англии за Болгарию в противовес угрозам со стороны России»⁶³.

Сазонов ошибочно ориентировался на победу оппозиции над австрофильским правительством В. Радославова. 18 сентября министр обратился в Министерство торговли и промышленности России с просьбой немедленно выслать в Болгарию 10 вагонов бумаги для русофильских газет. «Считаю крайне необходимым поддержать в настоящее время в болгарском общественном мнении благоприятное нам течение»,— писал он министру торговли Сергею Ивановичу Тимашову 17 сентября 1914 г.⁶⁴

Между тем кабинет В. Радославова все больше и больше уходил от России, сближаясь не только с Австро-Венгрией, но и с Германией, и только успехи русских войск на галицийском фронте осенью этого года заставили царя Фердинанда соблюдать нейтралитет. Эти успехи были значительными. В ходе наступательных боев русские войска освободили Львов, захватив трофейное оружие и боеприпасы, часть которых была направлена в Сербию. Австро-Венгрия оказалась вынужденной перебросить на галицийский фронт с Балкан свои резервы, что облегчило положение сербских войск. Сербский вопрос стал привлекать к себе внимание русской общественности.

Сербия и общественность России

Успехи русского оружия и поражение австрийской армии возбудили среди славянофилов и ряда других буржуазных кругов иллюзии скорого окончания войны. Поздней осенью 1914 г. многие печатные органы буржуазных партий («Русское слово», «Речь», «Новое время» и др.) в преддверии победы держав Тройственного соглашения выдвинули проекты решения сербского и югославянского вопроса, а некоторые из них выступили с более общими проектами реорганизации многонациональной империи Габсбургов и образования на ее развалинах новых национальных государств. Так, московская газета «Русское слово» в передовой статье от 4 сентября 1914 г. выдвинула идею полной ликвидации Австро-Венгерской монархии и ее расчленения на ряд самостоятельных государств, руководствуясь принципом воссоединения единоплеменных народов. Согласно этой программе, Босния и Герцеговина, Хорватия, Далмация, Банат и Буковина, где проживали главным образом югославяне, должны были воссоединиться с Сербией и вокруг нее, Трансильвания и Южная Буковина — с Румынией, Истрия и Южный Тироль — с Италией. Вопрос о будущем Австрии, Венгрии, Чехии и Словакии, по мнению газеты, должен был быть решен на основе самоопределения и экономических тяготений народов этих стран.

Газета высказывала мысль о превращении Австрии в государство-буфер между Германией и Балканскими странами, а Венгрии в самостоятельное государство с отделением от него национальных районов (т. е. Хорватии, Воеводины и Словакии). Что касается Славонии, то она по проекту получала бы автономию в «тесном сотрудничестве» с Сербией, а Чехия превращалась бы либо в независимое государство, либо расширяла свою автономию в рамках Австрии⁶⁵. 5 сентября газета, развивая этот план, в передовой, озаглавленной «Международная санкция», писала, что возможны и другие варианты решения югославянского вопроса, и высказала уверенность в неизбежном военном поражении многонациональной монархии Габсбургов. «Сквозь кровавый туман уже проглядывают контуры будущей Европы,— писала газета,— ее бастионами будут великая Сербия, объединенная Румыния и свободная Чехия»⁶⁶. Те же идеи были высказаны «Русским словом» в номерах от 14 сентября и 3 октября 1914 г. «Настанет час, когда диктовать будут не немецкие народы,— писала она. 3 октября газета предсказывала, что Сербия объединит вокруг себя население в 10 млн человек⁶⁷. Кадетская «Речь» и суворинское «Новое время» так же «били в литавры», заявляя о близкой победе Антанты.

Однако общественность, прежде всего социалисты, предупреждала об угрозе затягивания империалистической войны, выступала против решения национального вопроса на путях военной конфронтации. РСДРП поддерживала идею сербских и болгар-

ских социалистов (тесняков) о создании Балканской республиканской федерации.

На особых позициях стояла либеральная буржуазная интеллигенция, которая не разделяла идеи социал-демократов, но и не уповала на военную победу держав Антанты, а, напротив, указывала на трудности, испытываемые сербским народом, и призывала к его поддержке.

Начало массовой кампании помощи борющейся против австро-венгерского империализма Сербии положило обращение популярного писателя Леонида Андреева, опубликованное в газете «Биржевые ведомости» от 11 ноября 1914 г.⁶⁸ Писатель затронул три важных аспекта проблемы, дав оценку войне сербского народа против монархии Габсбургов как войне оборонительной. Он проанализировал социальные истоки патриотизма и показал, что поддержка этой борьбы народами России имеет исторический характер. Андреев акцентировал внимание на том, что серб такой же труженик, как и русский мужик. «Ведь и мы не из богатей, знаем и голод и нищету, и на один дворец у нас миллион придавленных к земле лачуг», — писал он. Андреев подчеркивал социальное значение победы «сербского мужика» над австро-венгерскими крупными землевладельцами-помещиками, сербского ремесленника над иностранными фабрикантами. «Да, серб беден и бос, и руки его в мозолях, и тело его в шрамах, и душа его налита неиссякаемой скорбью — он, серб, у которого дети вместо школы должны драться за свободу и жизнь. Необходимо помочь ему, необходимо»⁶⁹.

Обращение Леонида Андреева встретило горячую поддержку среди русской общественности и с глубокой признательностью было оценено в Сербии. 20 ноября в Нише было созвано внеочередное заседание Народной скупщины, принявшее единогласное приветствие писателю. Сербский парламент выразил благодарность не только Л. Андрееву, но и всему населению России за солидарность в борьбе Сербии против захватчиков. «Особенно большое спасибо Вам, — говорилось в этом послании, — за то, что Вы так образно показали русскому обществу бесконечную и жаркую любовь сербов к нашей дорогой России». К этому ответу присоединилась и Народная скупщина Черногории, опубликовав его в цетиньской газете «Вестник» 1 декабря⁷⁰.

6 декабря с идентичным призывом к русскому народу обратился известный публицист Александр Валентинович Амфитеатов⁷¹. В манифесте «Помогите сербам!» он предлагал организовать подписку средств в помощь Сербии, устраивать кружечные сборы, собирать медикаменты, теплые вещи и продовольствие для сербской армии. Чрезвычайно трогательно письмо учащихся 7-го класса Городского училища № 2 Петрограда (ул. Полозова, д. 2) сербским детям (письмо обнаружено в архиве Сербии): «Мы, дети России, до глубины души потрясены вашим несчастьем, искренне жалеем вас, хотим вам чем-нибудь помочь и шлем вам наши сбережения; мы знаем — эта сумма ничтожная, но у

нас больше нет: наши отцы и братья тоже ушли на войну и нам живется теперь нелегко, конечно, ваши страдания гораздо больше наших. Мы живем в Петрограде, не испытываем голод, у нас есть дом, а вы всего этого лишены. Если бы вы знали, как нам хочется повидать вас, милые друзья!»⁷².

Эти призывы упали на благодатную почву. Кампания в защиту Сербии и Черногории приняла в России массовый характер, охватив широкие слои общества — интеллигенцию, студенчество, либеральную буржуазию, часть рабочего класса и крестьянства. В Петрограде, Москве, Киеве, Одессе и во многих других городах Российской империи развернули активную деятельность славянские комитеты, которые проводили сбор добровольных пожертвований среди населения страны. М. Спалайкович сообщал своему правительству о регулярном получении посольством десятков тысяч денежных переводов от частных лиц и отдельных организаций⁷³. Помимо денег, русская общественность отправляла в Сербию и Черногорию посылки с продовольствием и теплой одеждой для солдат. Один лишь Всероссийский земский союз переслал в Сербию 215 132 посылки на общую сумму 1 983 423 рубля. По словам Н. Поповича, материальной помощью населения России воспользовалось 400 тыс. сербов⁷⁴.

Особенно большое значение для Сербии имела поддержка русским обществом сербского государства во время стихийного бедствия: эпидемии брюшного, сыпного и возвратного тифа, охватившей весной 1915 г. страну⁷⁵.

Возникнув вскоре после Колубарской битвы, в декабре 1914 г., в армии, эпидемия быстро перекинулась на гражданское население и к весне 1915 г. приняла настолько широкий размах, что стала настоящим национальным бедствием. Видный сербский общественный деятель В. Станоевич писал: «Лавровые венки больше лежали на гробах скончавшихся победителей (в Колубарской битве.— *Ю. П.*), чем вручались оставшимся в живых»⁷⁶. Число умерших от тифа только в сербской армии составило 30—35 тыс. солдат и офицеров, а общее количество заболевших среди населения — 500—400 тыс. человек⁷⁷.

Главной причиной появления эпидемии была война. Изнуренные непрерывными боями, полуголодные и плохо обмундированные сербские солдаты оказывались беззащитными перед грозной болезнью. Расширению эпидемии среди населения способствовали скученность беженцев и антисанитарные условия, в которых они находились. В Сербии медицинская служба в те годы была поставлена из рук вон плохо. В стране насчитывалось всего 534 врача (из них 132 умерли от тифа)⁷⁸. В Белградском университете не было медицинского факультета, большинство врачей-сербов получили свое образование в России или Австро-Венгрии. Почти совсем не было лекарств и других медикаментов.

Существенную помощь Сербии в это тяжелое для нее время оказала Россия. Одним из первых забило тревогу российское посольство, по предложению которого в феврале в страну прибыла

санитарно-медицинская комиссия супруги посланника Г. Н. Трубецкого в составе 25 человек с семьей вагонами медикаментов. Она открыла в Нише три русские больницы. Вдова бывшего русского посланника в Сербии Н. Г. Гартвига — А. П. Гартвиг-Фонвизина закупила на свои средства (100 тыс. рублей) медикаменты и также организовала лазарет⁷⁹. Активную помощь в борьбе против эпидемических заболеваний в Сербии оказали российский Красный Крест и ряд славянских обществ в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе и других городах.

Посольством при участии сербского правительства был сформирован совместный комитет, привлечший к ликвидации эпидемических заболеваний местные общественные силы. В его состав вошли служащие посольства и жена премьер-министра Сербии Н. Пашича. «Мы, кроме того, — вспоминал Трубецкой, — решили открыть столовые, где бы раз в сутки бедняки получали горячую пищу. Нишское городское управление составило списки наиболее нуждающихся и особые карточки для выдачи обедов. В четырех районах города были открыты столовые, в которых всего было выдано 283 тыс. обедов. Кроме того, близ вокзала было помещение, где всякий проходящий мог получить горячий чай. Кормление населения сослужило немалую службу в деле прекращения эпидемии, ибо среди беженцев немало было людей, несколько месяцев не имевших горячей пищи»⁸⁰.

Близ Ниша посольство открыло детский приют на 190 человек, а в монастыре Св. Петки — санаторий для туберкулезных детей.

Г. Н. Трубецкой отмечал все возрастающую помощь сербскому народу со стороны общественности России. «Приток пожертвований деньгами и вещами был настолько велик, — констатировал он, — что нам удалось в Белграде открыть такие же столовые, как и в Нише на средства, пожертвованные Петроградским городским комитетом. В Белграде было выдано свыше 230 тыс. обедов. Кроме того, мы послали вагон вещей и деньги нашим консулам в Скопле и Битоли»⁸¹.

Поздней осенью 1915 г. в Ниш прибыл хорошо оборудованный госпиталь Александрийской общины в Москве. В нем было 6 докторов и 30 сестер, русские санитары. «Благодаря теплоту южному солнцу, а также работе русской организации в Нише число болезней сократилось», — говорилось в докладе Трубецкого⁸².

Посланник особо отметил самоотверженный труд по борьбе с тифозной эпидемией следующих русских врачей и медицинских сестер: Н. И. Сычева, В. В. Семянниковой, С. К. Софотерова, А. В. Марцинкевич, Марианны Горяиновой и Софии Горбовой, С. И. Сироткина и Джуровича, серба по национальности. Многие из них и после прекращения эпидемии остались на сверхсрочной службе в Сербии, а доктора Николай Иванович Сычев и Николай Константинович Кисилев (он работал в Черногории) последовали с сербской армией на остров Корфу.

- ¹ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 109.
- ² Цит. по: Политика. 1963. 2.VIII. № 220.
- ³ См.: Јанковић Д. Србија и југословенско питање. 1914–1915. године. С. 239–240.
- ⁴ Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 98.
- ⁵ Там же. С. 78.
- ⁶ См.: Јанковић Д. Указ. соч. С. 300–325.
- ⁷ Радничке новине. 1915. 2.IV.
- ⁸ Перечисленные статьи см.: Там же. 4, 21, 22, 25.VI.
- ⁹ Там же. 4, 21, 22.VI.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 25.
- ¹¹ Будучност. 1915. 22, 26–28.VIII; 26.IX.
- ¹² Политика. 1915. 22.V, № 4038.
- ¹³ Ђосиф Д. Време смрти. Београд, 1972–1975. Т. 1–3.
- ¹⁴ Нушић Б. Деведесетпетнај ста: Сабрана дела. Београд, 1931. Књ. 1. С. 27.
- ¹⁵ Радничке новине. 1915. 1.VI.
- ¹⁶ Там же. 10, 15, 20.VI; 4.VIII.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Правда. Ниш, 1915. 12.IV, № 100.
- ¹⁹ Радничке новине. 1915. 18.I; 5.III.
- ²⁰ Српске новине. 1916. 22.X.
- ²¹ Историски архив КПЈ. Београд, 1950. Т. 3. С. 251–252.
- ²² ЦГИА СССР. Ф. 776. Оп. 32, ч. 2. Д. 173. Л. 231.
- ²³ АВПР. Ф. ПА. Д. 332. Л. 360–361. В. Н. Штрандтман – МИД. 1914. 30.IX. № 48.
- ²⁴ ДА ДСИП. ПО. 1914 г. Ф. 20. Д. 32. № 28420.
- ²⁵ Югославский историк Н. Попович ошибочно пишет, что заем был дан в динарах. См.: Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977. С. 116.
- ²⁶ ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 920. Л. 27–28.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 920. Особый журнал Совета министров. 1914. 30.XVI; 1915. 23, 31.I.
- ²⁹ МОЭИ. Сер. 3. Т. VIII, ч. 2. С. 665, 689.
- ³⁰ Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. С. 123–128.
- ³¹ Там же. С. 99–103, 124–125.
- ³² ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 924. Особый журнал Совета министров. 1915. 27.III.
- ³³ ЦГИА СССР. Ф. 456. Оп. 1. Д. 954. Л. 148.
- ³⁴ Поповић Н. Указ. соч. С. 120.
- ³⁵ Храбак Б. Русија и спасавање Србије у јесен 1975 г. // ИЧ. 1976. Књ. XXIV.
- ³⁶ Поповић Н. Указ. соч. С. 127.
- ³⁷ ЦГИА СССР. Ф. 456. Оп. 1. Д. 954. Л. 145.
- ³⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3448. Л. 91. Доклад ЭОН начальнику морского генерального штаба. 1915. 26.IX.
- ³⁹ ДА ДСИП. ПО. 1914. г. Ф. Посланство у Петрограду. № 151.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ АВПР. Ф. ПА. Д. 4007. Л. 10. С. Д. Сазонов – Е. П. Демидову. Пг., 1914. 24.XII. № 4884.
- ⁴² Там же. Д. 4219. Л. 2, 4. В. Н. Штрандтман – МИД. Ниш, 1914. 26.VII (8.VIII). № 326.
- ⁴³ Там же. Л. 10. С. Д. Сазонов – С. А. Поклевскому 1914. 11(24).IX. № 2879.
- ⁴⁴ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3517. Л. 113. С. А. Поклевский – МИД. 1914. 2(15).XI. № 391.
- ⁴⁵ АВПР. Ф. ПА. Д. 4218. Л. 7. А. А. Савинский – МИД. София, 1914. 24.IX.
- ⁴⁶ ЦРВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3175. Л. 38. М. Сталайкович – Б. Лонг-киевичу. Пг., 1914. 29.IX. № 5896.
- ⁴⁷ АВПР. Ф. ПА. Д. 4218. Л. 3. А. А. Савинский – С. Д. Сазонову. София, 1914. 14, 18.IX.

- ⁴⁸ Там же. Л. 6.
- ⁴⁹ Там же. Л. 3–4.
- ⁵⁰ АВІР. Ф. Канцелярія. 1914. г. Оп. 479. Д. 51, ч. 1. Л. 231. В. Н. Штрандт-ман – МИД. Ниш, 1914. 12(25).IX.
- ⁵¹ АВІР. Ф. ПА. Д. 4007. Л. 9. № 613. С. Д. Сазонов – Е. П. Демидову. 1914. 24.XII. № 4884.
- ⁵² ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3444. Л. 151–163. А. И. Русин – Ю. Ф. Волковицкому. 1914. 9.XI.
- ⁵³ Там же. Л. 45–49.
- ⁵⁴ ЛОГИА. Оп. 1. Д. 1594. Л. 64. Протокол заседания Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1914. 21.VIII.
- ⁵⁵ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1, ч. 1. Д. 344. Л. 151–163. А. И. Русин – Ю. Ф. Волковицкому. 1914. 9.XI.
- ⁵⁶ Там же. Л. 45. А. И. Русин – П. И. Доброву. 1914. 21.VIII. № 367.
- ⁵⁷ АВІІ. П. 3. К. 461. Ф. 1. № 5/1. Л. 12. М. Ягжич – Д. Стефановичу. Ниш, 1914. 13.X. № 398.
- ⁵⁸ МОЭІ. Сер. 3. Т. VI, ч. 1, № 153. С. 148.
- ⁵⁹ Там же. С. 153.
- ⁶⁰ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3054. Л. 130. Ю. Н. Данилов – С. Д. Сазонову. 1914. 10.VIII.
- ⁶¹ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3522. А. И. Русин – А. А. Эбергарду. 1914. 6.X.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Д. 3487. Л. 35. С. Д. Сазонов – А. А. Савинскому. Без даты. (Письмо о миссии Н. Бэкстона).
- ⁶⁴ ЦГИА СССР. Ф. 95. Оп. 7. Д. 1155. Л. 72. С. Д. Сазонов – С. И. Тимашову. 1914. 18.IX. № 654.
- ⁶⁵ Рус. слово. 1914. 4.IX.
- ⁶⁶ Там же. 5.IX.
- ⁶⁷ Там же. 14.IX; 3.X.
- ⁶⁸ Биржевые ведомости. 1914. 11.XI.
- ⁶⁹ Там же. 20.XI.
- ⁷⁰ Вјесник. Цетиње, 1914. 1. XII.
- ⁷¹ Рус. слово. 1914. 6(23).XII.
- ⁷² АС. Ф. Посланство у Петрограду. К. 3. Д. Прилози. 1914. Књ. 1.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Поповић И. Указ. соч. С. 135.
- ⁷⁵ Об истории распространения эпидемических заболеваний в Сербии см.: Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 109–124; Станојевић В. Пегави тифус у српској војсци 1914–1915 // Историја српског војничког санитетског искуства. Београд, 1925; Тодоровић К. Успомене о епидемији пегавца из 1914–1915. Београд, 1965. Књ. 2.
- ⁷⁶ Цит. по: Јанковић Д. Указ. соч. С. 237.
- ⁷⁷ Тодоровић К. Указ. соч. С. 64.
- ⁷⁸ Станојевић В. Указ. соч. С. 325.
- ⁷⁹ ДА ДСИП. ПО. 1915 г. Ф. XXI. Д. 4. № 672.
- ⁸⁰ Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 119.
- ⁸¹ Там же. С. 121.
- ⁸² Там же. С. 112–129.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ СЕРБИИ

Провозглашение Сербии «вторым Пьемонтом»

В конце 1914 г. сербское правительство впервые сформулировало свои военные и политические цели. 7 декабря Народная скупщина провозгласила так называемую Нишскую декларацию, в которой выдвигалась задача освобождения еще неосвобожденных югославянских народов и их объединение с Сербией¹, а 15 декабря, сразу после победы на р. Колубара, верховный главнокомандующий вооруженными силами страны принц-регент Александр выдвинул задачу создания «Великой Сербии».

Учитывая важность этого документа, приведем его полностью, опустив лишь второстепенные детали. «Мы,— говорились в приказе по войскам,— должны еще некоторое время выполнять нашу тяжелую обязанность и стоять за наших великих и могучих союзников, которые воюют за нас и повергнут нашего общего противника на его собственной территории. Тогда наступит мир, длительный мир. Он достойно вознаградит нас за все жертвы и создаст Великую Сербию»².

Примечательно, что в документе вместо слов «воевать в рядах союзников» говорилось «стоять» на их стороне, т. е. предусматривалась возможность неучастия сербских вооруженных сил в дальнейших совместных операциях. В то же время принц-регент выражал надежду, что державы Антанты, «повергнув нашего общего врага», вознаградят Сербию «за понесенные ею жертвы», предоставив ей территориальные компенсации.

Оба документа свидетельствовали о растущей в Сербии уверенности в скором окончании войны. Правительство уже на этой ее стадии думало о послевоенной перекройке карты Юго-Восточной Европы.

Не случайно в это же время Н. Пашич поставил вопрос об официальном признании державами Тройственного согласия Сербии в качестве своего военного союзника. Сербское королевство намеревалось сесть за стол переговоров на мирной конференции рядом со своими партнерами, а не ждать подарков из их рук.

Политическими соображениями можно объяснить и неучастие сербских вооруженных сил в военных действиях совместно с союзниками.

Прежде всего правительство стремилось сохранить армию, которая могла сыграть решающую роль на заключительном этапе войны, когда практически встал бы вопрос о присоединении к Сербскому королевству югославянских территорий Австро-Венг-

рии (в 1918 г. так именно и произошло). Армия нужна была правительству и для обороны в случае нападения на Сербию Болгарии. Кроме того, у Пашича была идея завоевания Албании или, как минимум, ее северной части с выходом к Адриатическому морю³.

В то же время Сербия не хотела воевать за чуждые ей интересы великих держав, которые особенно откровенно заявили об этом после подписания в апреле 1915 г. Лондонского пакта с Италией. В беседе с временным поверенным в делах России в Сербии В. Н. Штрандтманом, состоявшейся 9 июня, Пашич откровенно заявил, что правительству будет трудно заставить войска воевать вместе с Италией. «Не зная, что нам оставила Италия (какие территории.-- Ю. П.), мы должны ей помогать!» — возмущался сербский премьер⁴.

Правительство королевства, не имея возможности прямо отказать великим державам, настоятельно требовавшим активизации действий сербских войск против Австро-Венгрии, придерживалось тактики проволочков.

Трубецкого и Штрандтмана водил за нос Пашич, обещая переход сербской армии в наступление, по всякий раз откладывая якобы принятое Верховным командованием решение. Ссылаясь на недостаток у сербской армии оружия, он делал дополнительные запросы в России⁵, получив их, ссылаясь на нехватку обмундирования и продовольствия⁶, когда и это не помогало, ссылаясь на неблагоприятные погодные условия⁷.

В Петрограде и царской Ставке так же поступали посланник М. Спалайкович и сербский военный агент (атташе) полковник Бранислав Лонткиевич. Они давали обещания, но не выполняли их. В конце концов даже деликатный Сазонов, выходя из себя, ехидно спрашивал Спалайковича: «Ну как, у вас дожди все так же мешают войне?»

Министр отверг идею Пашича о признании Сербии своим военным союзником и угрожал ей финансовыми санкциями, однако и это не помогло: сербская армия продолжала бездействовать.

7 июля в Шантийи состоялась конференция по поводу дальнейших совместных действий союзников. Представлявший Сербию на этой встрече полковник Душан Стефанович пытался отбиться от заседавшего на него главнокомандующего французскими войсками маршала Ж. Жоффра, который требовал осуществления немедленного перехода сербских войск в наступление в междуречье Дравы и Савы, но не преуспел в этом. Конференция приняла соответствующие решения⁸, но дело и после этого не сдвинулось с места.

Т. Делькасе в беседе с А. П. Извольским 18 июня высказал даже предположение, что Сербия и Австро-Венгрия заключили секретное соглашение о взаимном неучастии в боевых операциях на фронте⁹. Идентичное заявление в разговоре с российским послом в Риме М. Н. Гирсом сделал итальянский министр иностранных дел в конце мая 1915 г.¹⁰ Командующий итальянскими вой-

сками генерал Луиджи Кадорна в книге «Война на Итальянском фронте в 1915—1917 гг.» писал, что одно время и он думал так же¹¹. Позже эта версия неоднократно муссировалась в итальянской печати и литературе¹².

В существе вопроса разобрался только один верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич, но не сразу — в начале и он метал громы и молнии по поводу фактического отказа Верховного командования сербских войск от активных действий¹³.

Позиция царской Ставки коренным образом изменилась после доверительного письма регента Александра великому князю Николаю Николаевичу от 17(4) июля 1915 г. В этом письме, доставленном в Ставку начальником оперативного отдела Верховного командования сербской армии полковником Драгомиром Милоевичем, раскрывалась «действительная причина ориентации Сербии в настоящий момент»¹⁴. Полное содержание письма и устного разговора Милоевича с верховным главнокомандующим осталось неизвестным, но, судя по дальнейшим событиям, великий князь принял во внимание соображения регента Александра и с тех пор перестал настаивать на участии Сербии в военных операциях совместно с русскими войсками.

Чем объяснить этот поворот?

Югославские историки Н. Попович и М. Марьянович высказали предположение, что Николай Николаевич лично осознал неразумность привлечения изолированных сербских войск к военным операциям России, отстоявшей от Сербии на многие сотни километров, во-первых, и что он не считал целесообразным оказание помощи сербам Италии, которая не дает ясного ответа о территориальных компенсациях Сербии за их участие в войне, во вторых¹⁵.

Не исключено, что истинной причиной изменения мнения верховного главнокомандующего было осознание опасности для Сербии предстоящего нападения на нее Германии, Австро-Венгрии и Болгарии (военная разведка России уже в это время доносила Ставке ряд данных об этом).

Во всяком случае, когда французский военный атташе при Ставке 24(11) июля предложил великому князю снова потребовать от Сербии предпринять наступательные действия против Австро-Венгрии, Николай Николаевич отклонил это предложение, составившись на мотивы, изложенные в письме Александра Карагеоргиевича¹⁶.

Можно высказать лишь гипотезу по поводу того, что и министерство иностранных дел России тоже не очень-то стремилось поддерживать чрезмерные требования Италии. В эти дни итальянский посол в Петрограде маркиз Андриа ди Рипарбелла Карлотти буквально осаждал Сазонова своими просьбами о помощи сербских войск войскам генерала Луиджи Кадорна в их походе на Люблян, но получал от него уклончивый ответ¹⁷.

В архиве секретариата иностранных дел СФРЮ хранится до-

кумент о том, что великий князь Николай Николаевич просил Д. Милоевича передать свое ответное письмо «строго в руки лично принцу Александру» и сохранить в тайне содержание своей беседы с сербским полковником¹⁸. Милоевич выполнил свое обещание: тайна этих переговоров так и осталась нераскрытой. Помощник начальника штаба Верховного командования сербской армии Живко Павлович писал, что «великий князь Николай Николаевич полностью усвоил аргументы нашего Верховного командования»¹⁹.

Югославянская проблема и Россия

Югославянская проблема и отношение к ней Сербии подробно освещены в цитированной книге профессора Белградского университета Д. Янковича.

Другие аспекты той же темы нашли отражение в многочисленных трудах академика Югославянской академии наук и искусств Д. Шепича²⁰ и ряда хорватских и сербских историков.

Однако позиция России в этом вопросе осталась менее исследованной, хотя Петроград принимал непосредственное участие в ее решении, что объясняется неизученностью зарубежными историками русских архивов. Мало того, в его освещении имеется в иностранной литературе немало неточностей и даже неверных положений.

Прежде всего следует выяснить правильность версии того же Янковича о том, что Петроград предумышленно отклонил предложение Папича о подписании с Сербией официального соглашения о союзе, ограничившись фактической поддержкой страны. Был ли в этом какой-либо скрытый смысл или, как утверждает историк, Россия вела «тайную игру»?

В известной мере это имело место. Сазонов, как многоопытный дипломат, не мог не понимать, что формальные обязательства перед Сербией вынуждали Россию уже в начале войны дать ей территориальные гарантии, чего царское правительство в той международной ситуации не могло сделать. Нельзя забывать, что далеко не все в балканской политике определялось Россией. Она сама в значительной мере зависела от своих союзников, особенно в тяжелый для нее 1915 г., когда терпела одно военное поражение за другим и остро нуждалась во всесторонней помощи Франции и Англии.

В Петрограде были заинтересованы в привлечении на свою сторону Болгарии, Италии, Румынии и Греции, а в Нише к первым двум государствам относились с настороженностью и даже с опасением. Заключение Россией союза с Сербией в этих условиях могло бы лишь отпугнуть эти государства.

Министра беспокоило также стремление сербского правительства захватить территорию Албании или, как минимум, установить контроль за северной ее частью, обеспечив выход Сербии к Адриатическому морю. Это была давняя мечта Сербии. Она ок-

купировала Тирану и ряд других городов Албании в 1913 г., затем пыталась сделать то же самое в 1914 г.²¹, в июне 1915 г. опять ввела войска в г. Эльбасан и Тирану под предлогом оказания помощи одному из претендентов на албанский престол сербскому Эссад-паше и предотвращения нападения албанских чет (отрядов) на сербскую границу²².

Между тем албанское правительство еще 28 июля 1914 г. ратифицировало ноту о соблюдении страной нейтралитета, и в глазах мировой общественности действия Сербии могли быть расценены как незаконное вмешательство в албанские дела²³.

Для негативного отношения российского правительства к планам Пашича имелся еще ряд оснований: в 1914 г., когда Турция не вступила в войну, поход Сербии против Албании мог нарушить планы Сазонова по вовлечению Турции во Всебалканский союз, нападение на эту страну в 1915 г. вызвало бы негативную реакцию у Италии, Греции и Черногории, которые сами претендовали на албанские земли; наконец, переключение сил Сербии с Австро-венгерского фронта в Албанию ослабляло возможности сербской армии, которые должны были использоваться, по мнению Сазонова, исключительно против монархии Габсбургов²⁴.

Сазонов в телеграмме В. Н. Штрандтману от 20 июня 1915 г. предложил поставить Пашича в известность о крайней желательности, с точки зрения международной политики, немедленного вывода сербских войск из Албании²⁵.

Сазонов встретил понимание со стороны руководства сербской армии. Начальник штаба Верховного командования воевода Радомир Путник был противником распыления сил, а главнокомандующий принц Александр, по-видимому (у нас нет точных данных), также не одобрял идею Пашича, не веря в ее благоприятный исход и не желая осложнить отношений с союзниками — гарантами (с 1913 г.) независимости Албании²⁶. Сходными аргументами руководствовался Сазонов и при решении югославянской проблемы. Россия никак не прореагировала на Нишскую декларацию. Для Петрограда казалось преждевременным высказывать свою точку зрения о разделе Австро-Венгрии, хотя предварительно об этом шла уже речь в упомянутом выше приказе Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича от 4 сентября 1914 г.

Но общая декларация Ставки еще не означала, что той же позиции придерживается правительство. В Петрограде было известно отношение к этому вопросу Англии и Франции, которые видели в монархии Габсбургов возможный противовес Германии, а также Италии, которая была противницей создания Великой Сербии. Об этом прямо заявил по поручению С. Соннино итальянский посол в Петрограде А. Карлотти начальнику канцелярии МИД барону М. Шиллингу 27 февраля 1915 г.²⁷

Между тем уже в конце февраля — первых числах марта 1915 г. начались секретные переговоры держав Тройственного соглашения с Италией, и Сазонов не мог не учитывать этого.

Тем не менее министр иностранных дел в частной беседе с французским послом в Петрограде Морисом Палеологом, состоявшейся 14(1) сентября, т. е. всего лишь через полтора месяца после начала войны, высказался в пользу создания сильного сербского государства на Балканах с присоединением к нему Боснии и Герцеговины, Далмации и северной Албании и превращения Великой Сербии в морскую державу ²⁸.

По словам хорватского общественного деятеля Франьо Супило, посетившего в марте 1915 г. Петроград, Сазонов продолжал придерживаться той же точки зрения и после Нишской декларации, считая, что югославский вопрос должен быть решен в пользу Сербии ²⁹. Сазонов и его единомышленники в то же время не игнорировали интересы других югославянских народов.

В памятной записке Министерства иностранных дел России, переданной английскому послу в Петрограде 23 января 1915 г., говорилось о «необходимости для России считаться с национальными стремлениями славян, подвластных в настоящее время мадьярам» (т. е. хорватов и сербов Хорватии и Воеводины) ³⁰.

22 марта, когда в Лондоне, Париже и Петрограде развернулись переговоры с Италией, директор канцелярии МИД М. Ф. Шиллинг во время встречи с итальянским послом А. Карлотти сообщил ему о позиции царского правительства в югославянском вопросе. Вот что зафиксировано в «Поденной записи» Министерства иностранных дел России за это число: «Карлотти стремился доказать обоснованность итальянских вождедений в сторону далматинского побережья, барон Шиллинг возражал ему, развивая нашу точку зрения на недопустимость принесения в жертву итальянским притязаниям жизненных интересов Сербии, а также хорватского населения северной Далмации и Приморья» ³¹.

Позицию России в югославянском вопросе раскрывает и публикуемая ниже «Записка статского советника А. М. Петряева» (в выдержках), обнаруженная автором этих строк в Архиве внешней политики России ³².

Записка А. М. Петряева ³³

Александр Михайлович Петряев принадлежал к числу тех дипломатов, кто добился заветного кресла не благодаря своему происхождению и связям при дворе, а в результате кропотливой повседневной работы. Он был большим знатоком югославянского вопроса и едва ли не первым служащим министерства, кто понастоящему разбирался в хитросплетениях балканских проблем. Прослужив долгое время консулом в городах Битоль и Митровице, в 1913 г. он был назначен представителем России в Международной комиссии по определению границ Албании, а в годы войны переведен на службу в министерство, получив портфель генерального консула при несуществующем правительстве Албании. Ему поручалось составление наиболее ответственных проек-

тов и аналитических записок по балканским и ближневосточным делам. С. Д. Сазонов, занятый общеевропейской политикой, в балканских делах полностью опирался на своих помощников — сначала на князя Г. Н. Трубецкого, затем на К. Н. Гулькевича, но больше всего на А. М. Петряева, мнение которого он разделял.³⁴

Петряев перед тем, как написать свой проект, изучил «меморандум приморских южных славян-эмигрантов», присланный 11 февраля 1915 г. на имя поверенного в делах России в Италии А. Н. Крупенского и ознакомился также с другими проектами (Ф. Супило, профессоров Белградского университета Л. Стояновича и А. Белича, чешских политических деятелей Т. Масарика и В. Клофаца, депутата Хорватского местного парламента — собора В. Лорковича).

Что же представлял собой доклад Петряева? Дипломат исходил из предположения, что Австро-Венгрия неизбежно потеряет в результате войны ряд национальных районов — Галицию, Буковину, Закарпатье, а возможно, и югославянские земли, прежде всего Боснию и Герцеговину. Он предсказывал также бурное развитие в стране социальных и политических конфликтов, что, по его мнению, должно заставить австро-венгерское правительство пойти на реформы и преобразовать многонациональную монархию в федерацию или конфедерацию.

А. М. Петряев не верил, однако, в возможность революционного преобразования государства и указывал, что центробежные тенденции могут привести лишь к объединению народностей Австрийской империи «с более сильными соседними государствами», в том числе с Сербией.

По его мнению, Сербия могла бы сыграть роль «второго Пьемонта», что, с точки зрения России, имело бы большое значение. «Возникновение единой великой Сербии или сербо-хорватословенского государства, было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась».

Развивая эту мысль, составитель записки писал: «Сильное славянское царство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, и интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике». Но осуществим ли этот проект на деле, спрашивал Петряев, и отвечал: «Это окажется возможным, если Сербия фактически завоюет территории Хорватии и Словении, что даст ей на них единственные неоспоримые права. Если же Далмация, Хорватия и Истрия со славянскими землями будут заняты союзниками, то в случае согласия их отдать названные провинции Сербии решающим фактором надо считать желание или нежелание хорватов и словенцев соединиться с сербами».

А. М. Петряев предостерег правительство Сербского королевства от насильственных актов по отношению к Хорватии, указав на необходимость проведения более осторожной политики естест-

венного объединения. «Насильственное присоединение хорватов к Сербии,— писал он,— в виде ли компенсации за участие в войне или во имя великосербской национальной идеи, если бы оно даже и состоялось, только ослабит Сербию, так как небольшой народ в 5 млн не может поглотить равный ему по численности другой, хотя и родственный, народ, но отличный по религии и культуре и противящийся такому поглощению»³⁵.

А. М. Петряев, предусматривая другие варианты решения национального вопроса в Австро-Венгрии, отдавал предпочтение идее создания объединенного и жизнеспособного югославянского государства во главе с Сербией, что отвечало интересам самих югославян. Россия, сделал он общий вывод, всецело сочувствует стремлению Сербии к национальному единству и будет оказывать ей мощную поддержку в достижении этого идеала.

Составитель затем остановился на вопросе об отношении Англии, Франции и Италии к югославянской проблеме. «Следует иметь в виду,— отмечал он,— что Англия и Франция по высшим политическим соображениям не будут поддерживать великосербские планы и способствовать образованию на берегах Адриатики большого славянского государства, тяготеющего к России. Они, несомненно, предпочтут создание независимого Хорватского королевства, которое всецело подпадет под их влияние и будет служить им опорой для умирения итальянских империалистических притязаний в Адриатике и Средиземном море»³⁶.

Петряев резко критиковал экспансионистскую политику Италии, призывая царское правительство занять твердую позицию в поддержку Сербии. Он писал, что Италия, получив Приморье, Триест и Истрию, не успокоится на этом: «Она никогда не допустит без борьбы кондоминиум на Адриатике славянской державы»³⁷.

Точка зрения Петряева (в 1917 г. он стал помощником министра иностранных дел) находила поддержку у высших правительственных и военных кругов Российской империи. Можно высказать предположение, что упомянутый выше поворот взглядов Верховного главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича в пользу неучастия сербских войск в совместных с итальянцами наступательных операциях объяснялся теми же соображениями. Не случайно в заключение своей беседы с представителем регента Александра полковником Милоевичем он намекнул, что Россия, связанная с Италией военной конвенцией от 21 мая 1915 г., готова закрыть глаза на позицию сербского командования. Можно ведь ограничиться «демонстрацией военной поддержки Италии» (Сербией.— Ю. П.),— дал понять великий князь Николай Николаевич³⁸.

Вооруженные силы Сербии в 1915 г. и Россия

Правительству Пашича удалось не только сохранить свою армию, но и усилить за счет поставок оружия и боеприпасов из союзных стран. По данным югославского историка Н. Поповича, только за первые пять месяцев 1915 г. Сербия получила в общей сложности «для ведения войны» от союзников 150 млн франков кредита, т. е. по 30 млн франков ежемесячно ³⁹.

Кредиты держав Антанты на приобретение сербской армией оружия, артиллерии, снарядов и другого необходимого военного материала продолжали увеличиваться ⁴⁰. 19 ноября Спалайкович известил Пашича, что МИД России принял решение дать Сербии новый аванс на военные нужды в размере 180 млн франков за период ноябрь 1915 — март 1916 г. ⁴¹

Кроме военных кредитов из России, уже после Колубарской битвы было поставлено (до 15 марта 1915 г.) оружия, амуниции, обмундирования и другого военного материала на сумму около 14 млн рублей ⁴². Согласно французским источникам, из Франции (до 1.X.1916) в Сербию было послано 206 тыс. ружей разного калибра и 231 544 снарядов для полевой артиллерии ⁴³.

Однако эта помощь все же была недостаточной для полного перевооружения сербской армии, о чем Пашич сообщал Спалайковичу 19 июня 1915 г. с просьбой информировать об этом русское правительство ⁴⁴.

Сербские вооруженные силы находились в невыгодном положении из-за растянутости фронта почти на тысячу километров и из-за полной изолированности от союзников. Только итальянские войска соприкасались непосредственно с сербскими, но Италия, как уже говорилось выше, была не только ненадежным союзником, но и скрытой противницей Сербии. Кроме того, существовала угроза со стороны Болгарии, и Верховному командованию сербской армии приходилось держать на границе с ней свои войска. Обо всем этом сообщал 22 июня начальник штаба Верховного командования воевода Радомир Путник Николе Пашичу, а регент Александр — великому князю Николаю Николаевичу ⁴⁵.

В то же время среди правящих кругов Сербии наблюдалась опасная для страны самоуспокоенность. После победы на Колубаре многие уверовали в непобедимость сербской армии. «Мы были уверены в том, что всякое новое нападение на нас исключено, — писал видный сербский адвокат С. Максимович. — В этом убеждении мы жили вплоть до того дня, когда от сна нас разбудила немецкая артиллерия» ⁴⁶.

Орган оппозиции газета «Правда», преувеличивая значение побед Сербии, писала 9 декабря 1914 г. «Последняя победа поставила Сербию и сербский народ на первое место в Европе, в ряд первых людей в мире» ⁴⁷.

Интересные наблюдения о черте национального характера сербов сделал Г. Н. Трубецкой. «Сербь, — писал он, — никогда не видят вещи, как они есть, но всегда или лучше, или хуже дей-

ствительности. Настроение играло у них огромную роль во время войны. Это так характерно сказалось во время второго австрийского наступления, когда от крайнего отчаяния они перешли к энтузиазму и упоению победой. В этом была слабость, но в этом заключалась и необыкновенная жизненность этого маленького народа... Многие из них искренне считают себя первым народом в мире, а свою армию лучшей в Европе. То же самое они думают о своей литературе и науке. В Нише, например, была прочтена лекция о влиянии сербской литературы на европейскую»⁴⁸ (причем она состоялась накануне вторжения в Нипп вражеской армии!).

Новый натиск стран Центральной коалиции, к которой в сентябре 1915 г. присоединилась Болгария, застал Сербию врасплох.

-
- ¹ *Šišić F.* Dokumenti o postanku i razvitku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1920.
 - ² Српске новине. 1914. 17.XII.
 - ³ См.: *Храбак Б.* Станје на српско-албанској граници и побуна Арбанаса на Косову и у Македонији // Србија, 1915 године. Београд, 1985. С. 63–92.
 - ⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. VIII, ч. 1. С. 198–199.
 - ⁵ Там же. Т. VII, ч. 2. С. 225.
 - ⁶ В связи с этим Россией в Сербию дополнительно и бесплатно был послан хлеб.
 - ⁷ *Павловић Ж.* Рат Србије са Аустро-Угарском, Немачком и Бугарском, 1915. Београд, 1965. С. 19.
 - ⁸ АВИИ. Л. 3. К. 3. № 20.
 - ⁹ МОЭИ. Сер. 3. Т. VIII, ч. 1. С. 432.
 - ¹⁰ Там же. С. 138.
 - ¹¹ См.: *La guerre della fronte Italiana, 1915–1917.* Milano, 1921.
 - ¹² *Marjanović M.* Londonski ugovor iz godini 1915: Prolog poviesti borbe za Jadran, 1914–1917. Zagreb, 1960. S. 277–278.
 - ¹³ МОЭИ. Сер. 3. Т. VIII, ч. 1. С. 249; АВИИ. Л. 3. К. 81. № 11/48.
 - ¹⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. VIII, ч. 1. С. 482–483.
 - ¹⁵ *Marjanović M.* Op. cit. S. 281.
 - ¹⁶ МОЭИ. Сер. 3. Т. VIII, ч. 1. С. 482–483.
 - ¹⁷ АВПР. Ф. Канцелярия. 1915 г. Оп. 478. Д. 63, ч. 1. Л. 251.
 - ¹⁸ ДА ДСИП. ПО. 1915 г. Ф. 1-1. Д. VII. № 12665.
 - ¹⁹ *Павловић Ж.* Указ. соч. С. 24.
 - ²⁰ *Sepić D.* Italija Saveznici i jugoslovensko pitanje, 1914–1918. Zagreb, 1970.
 - ²¹ АВПР. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 478. Д. 106. Л. 160, 172.
 - ²² МОЭИ. Сер. 3. Т. VII, ч. 2. С. 378.
 - ²³ См.: *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије.
 - ²⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. VIII, ч. 1. С. 127.
 - ²⁵ Там же. С. 144.
 - ²⁶ *Писарев Ю. А.* Балканы между миром и войной. Лондонские конференции, 1912–1913 // ННИ. 1984. № 4. С. 63–79.
 - ²⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. VII, ч. 1. № 459.
 - ²⁸ Там же. Т. VI, ч. 1. С. 247–248.
 - ²⁹ *Шешић Д.* Писма и меморандуми Франа Супила (1914–1917). Београд, 1987. С. 67.
 - ³⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. VI, ч. 1. № 68.
 - ³¹ Там же. Т. VII, ч. 1. № 409.
 - ³² АВПР. Ф. ПА. Д. 5270. Л. 1–22.
 - ³³ См.: *Писарев Ю. А.* Проекты образования югославского государства в годы первой мировой войны // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8. С. 256–277.

- ³⁴ Д. Янкович в своей книге (с. 197), ссылаясь на Ф. Супило, утверждал, что Сазонов якобы даже не знал, где находится Словения, что вряд ли соответствовало действительности. Министр еще в 1914 г. ознакомился с запиской Д. Густинчика и других словенских общественных деятелей.
- ³⁵ АВПР. Ф. ПА. Д. 5270. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Л. 18.
- ³⁷ Там же. Л. 20.
- ³⁸ ДА ДСИП. ПО. Ф. XXV-39. Д. 1. № 9655.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Поповић Н. Србија и Русија, 1914–1918. Београд, 1977. С. 128.
- ⁴¹ ДА ДСИП. ПО. 1915 г. Ф. XXV-39. Д. 1. № 16079.
- ⁴² Там же. Ф. 3–4. Д. V. № 2251. М. Спалайкович – Н. Пашичу. 1915. 15(2).III.
- ⁴³ Поповић Н. Указ. соч. С. 135.
- ⁴⁴ ДА ДСИП. ПО. 1915 г. Ф. 1. Д. 2. № 972.
- ⁴⁵ Там же. Д. 7. № 12503. Телеграмма Т. Поповича – Н. Пашичу, 1915. 5.VII (22.VI).
- ⁴⁶ Максимовић С. Успомене из окупације немачке, аустријске и бугарске, 1914–1918. Београд, 1919. С. 18–19; Јанковић Д. Србија и југословенско питање, 1914–1915. Београд, 1973.
- ⁴⁷ Правда. Ниш, 1914. 9.XII. № 297.
- ⁴⁸ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 92.

ГЕРМАНСКИЙ БЛОК И СЕРБИЯ В 1915 Г.

Балканские планы Германии в начале войны

Промахами дипломатии держав Тройственного соглашения в решении болгаро-сербского спора из-за Македонии пыталась воспользоваться Вена. Уже во время своего посещения Берлина 5 июля 1914 г. начальник канцелярии министра иностранных дел Австро-Венгрии граф Александер Гойос заговорил на эту тему с помощником статс-секретаря по иностранным делам Германии Артуром Циммерманом и передал ему слова своего шефа графа Леопольда Берхтольда о необходимости привлечь на свою сторону потенциального противника Сербии Болгарию. Гойос информировал Циммермана о том, что Австро-Венгрия уже предпринимала шаги в этом направлении, сделав соответствующее предложение Софии.

Однако это предложение встретило в Берлине прохладное к себе отношение — кайзеровское правительство все еще не доверяло болгарскому царю Фердинанду I Кобургу, которого Вильгельм II называл не иначе, как «хитрым византийцем» и «лицемерным попрошайкой». Император Германии употреблял в адрес болгарского монарха и непечатные слова. Генеральный штаб Германии низко ставил вооруженные силы Болгарии, потерпевшей поражение во второй Балканской войне, а берлинская дипломатия не хотела поддерживать болгар, так как это могло бы встретить недовольство ее бывших противников, прежде всего Турции и Румынии.

В противоположность Австро-Венгрии, ориентировавшейся на Болгарию, германское правительство и Вильгельм II лично вынашивали план создания так называемых Соединенных Штатов балканских государств, имея в виду вовлечение в это объединение не только упоминавшихся выше государств, но и Сербии и Греции. Император написал на полях донесения германского посла в Вене Генриха фон Чиршки «Я придерживаюсь взгляда, что комбинация Сербия, Румыния и Греция под австрийским руководством естественнее и лучше, так как к ней скорее присоединится Турция, чем к одной Болгарии. Благодаря этому союзу Австрии, Румынии и Греции опасная славянская война будет раздроблена, в то время, как предлагаемым Берхтольдом путем все славяне будут искусственно и силой посланы в объятия России»¹.

Вильгельм игнорировал союзнические обязательства Германии по отношению к Австро-Венгрии. Последняя находилась в состоянии войны с Сербией, войны, на которую совсем недавно под-

толкнула ее Германия. Однако на Вильгельмштрассе считали это обстоятельство неважным: монархия Габсбургов уже выполнила свою главную задачу — помогла Германии разжечь мировой пожар — теперь можно было и не считаться с ее интересами. Словом, в Берлине рассуждали в духе известного изречения: «Мавр сделал свое дело...»

Имелись ли при этом реальные условия для осуществления этого плана? Почему в Берлине решили избрать новую тактику? Во-первых, эти новации определялись рядом причин. Главная среди них состояла в общей военной стратегии, которой придерживалась Германия². Для Берлина балканский вариант имел второстепенное значение. Основные сражения происходили на Восточном и Западном фронтах, отвлечение же сил на Балканы могло помешать этому.

Во-вторых, активное участие Германии в военных действиях против Сербии было на руку только Австро-Венгрии, что мало устраивало саму германскую империю. Она имела значительные экономические и политические позиции на Балканах и вовсе не собиралась «таскать каштаны из огня» для Австро-Венгрии. Напротив, Берлин соперничал с Веной на балканском рынке, ему было выгодно создавшееся на Балканах равновесие сил, а поражение Сербии могло усилить влияние дунайской монархии в регионе³. Немаловажный вес в глазах правительства кайзера имели и внешнеполитические соображения. Берлин боялся лишиться своего союзника в лице Италии, которая также не хотела установления гегемонии Австро-Венгрии на Балканах. Наконец, на Вильгельмштрассе учитывали и отношения к этому вопросу Румынии, Греции и Турции. Первые два государства находились в союзе с Сербией. Турция, хотя и не имела с ней официального союзнического договора, во второй Балканской войне воевала вместе с Сербией и Черногорией против Болгарии. Участие Германии в совместных с Австро-Венгрией операциях против Сербии могло вызвать нежелательную для Берлина реакцию балканских государств.

Что же обещали Сербии в Берлине в обмен на ее измену державам Антанты?⁴ Кайзеровское правительство, как, впрочем, и другие правительства империалистических государств, стремилось решить этот вопрос за чужой счет. Оно предлагало то, что само не имело. Германия сулила Сербии северную Албанию, не считаясь с интересами самого албанского народа. Когда Вильгельм II заметили, что Албания — суверенное государство, он цинично ответил: «Мне наплевать на Албанию!»⁵

Берлин выдвинул план государственного объединения Сербии и Черногории, хотя в ту пору он не отличался реализмом: его осуществлению мешала вражда двух династий, а против слияния Сербии и Черногории выступала Австро-Венгрия.

Наконец, Германия весьма туманно обещала Сербии выход к Адриатическому морю, что также выглядело проблематично, так как побережье Адриатики принадлежало Австро-Венгрии.

Однако все попытки Берлина вступить в переговоры с Пашичем о сепаратном мире отклонялись сербским правительством (об этих контактах мы знаем лишь по косвенным данным).

В основе негативной позиции Сербии лежали не только политические, но и экономические мотивы. Германия представляла собой серьезную опасность для экономической независимости сербского государства. Экспансия немецкого капитала на сербский национальный рынок началась еще в 80—90-е годы XIX в. и имела тенденцию к усилению.

За 30 лет (с 1876 по 1906 г.) Германия дала Сербии займов на сумму около 200 млн марок и вышла на второе место после Франции по иностранным инвестициям в сербскую экономику⁶.

Крупнейшие немецкие банки («Хандельсгезельшафт», «Дармштадтски индустри унд хандельбанк» и банкирский дом братьев Бергман из Франкфурта на Майне) участвовали в Главном монопольном управлении Сербии и инвестировали развитие ряда отраслей ее экономики.

Еще до 1914 г. германские промышленные концерны и торговые компании установили широкие связи с промышленными предприятиями Сербии, проникли к ее источникам сырья и в железнодорожное строительство. Фирма Круппа, например, установила связь с предприятиями по добыче руды в восточной Сербии, компания баварского промышленника Штейнбайса — с угольными шахтами в центральной и западной Сербии, фирма Юлиуса Гербера — с акционерным обществом по строительству железной дороги Скопле — Битоль⁷.

Весьма интенсивными накануне войны были торговые отношения между Германией и Сербией. Воспользовавшись таможенным конфликтом Сербии с Австро-Венгрией 1906—1911 гг., Германия оттеснила дунайскую монархию с сербского рынка⁸. Она создала ряд новых крупных торговых объединений, которые взяли в свои руки управление значительной частью коммерческих организаций Сербии, Болгарии и других балканских государств.

В 1906 г. в Берлине был основан «Дойче синдикат фюр ди Остхандель», а накануне мировой войны еще два аналогичных объединения: «Берлинер бунд фюр индустри унд Хандель» и «Ниедераустеррейхише бунд» с филиалами в Сербии⁹. Немецкие коммерсанты и промышленники установили связи с сербскими торговцами и предпринимателями, договорились о создании смешанного германо-сербского торгового общества («Дойче-сербше хандельгезельшафт») с общим капиталом в 250 тыс. немецких марок, взяв на себя главную часть взаимного экспорта и импорта. Центральное правление общества находилось в Гамбурге, филиал правления в Белграде. Немецкую сторону в обществе представляли Ганзейский банк в Гамбурге, сербскую — Савский и Шабацкий банки и несколько других коммерческих предприятий Сербии¹⁰.

В Берлине рассчитывали, что истощенное тремя войнами народное хозяйство Сербии не выдержит новых испытаний и серб-

ское правительство окажется вынужденным пойти на мирные переговоры, приняв план «Срединной Европы» ¹¹.

Последний представлял собой смертельную угрозу для независимости сербского государства. Разработанный немецкими монополиями, он был одобрен в 1915 г. рейхсканцлером Германии Теобальдом Бетман-Гольвегом и рассчитан на превращение всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе Сербии, в подконтрольные Германии территории ¹². Австрийский официозная газета «Нойе фрайе прессе» писала 5 января 1915 г.: «Образование огромного Среднеевропейского союза... будет самым значительным итогом нашей войны» ¹³.

Но все эти планы были построены на песке: Сербия так и не примкнула к Центральной коалиции, не изменив своей ориентации. Позиции России в этой стране оказались сильнее позиций Германии. В Берлине это поняли еще летом 1915 г., однако вплоть до осени того же года продолжали тешить себя прежними иллюзиями, рассчитывая вовлечь ее в свою орбиту.

Позиция Австро-Венгрии

Австро-Венгрия в отличие от Германии и слышать не хотела о каком-либо перемирии с Сербией. Не для того она начала войну, чтобы отречься от прежних своих планов!

Вместе с тем на позицию Вены оказывали влияние многие привходящие обстоятельства, и прежде всего неудачи на фронте.

Наиболее наглядно это проявилось в конце 1914 — начале 1915 г., т. е. сразу после разгрома имперских войск русскими войсками на Галицийском фронте и сербскими австрийцев в битве на р. Колубара.

Говоря о настроениях правящих кругов монархии в это время, видный общественный и государственный деятель Иозеф Редлик записал в дневнике от 30 декабря: «Трагическая депрессия. Я с трудом удерживаю слезы. Столько жертв — и все напрасно!» ¹⁴ Сотрудник МИД Австро-Венгрии граф Форгач, один из инициаторов австро-венгерского ультиматума, предсказавший, что война с последней будет «своего рода прогулкой» для имперских войск, заявил, что для монархии возникла ситуация, имеющая «катастрофические последствия» ¹⁵. Обеспокоен положением вещей был и сам император.

В декабре 1914 — январе 1915 г. Франц Иосиф, желая поправить ситуацию, занялся перемещениями в армии и правительстве. Он уволил в отставку не только командующего Балканской армией генерала Оскара Потioreка, но и самого первого министра Леопольда Берхтольда, который уехал добровольцем на Итальянский фронт. Его примеру последовал начальник канцелярии министра иностранных дел граф А. Гойос, сменивший дипломатический фрак на военный мундир. Он отбыл в главную квартиру Верховного командования, куда направился и престолона-

следник эрцгерцог Карл. Первым министром стал энергичный барон Иштван Буриан, занимавший ранее пост представителя Венгрии при императорском дворе.

Однако эти перемены не дали желаемых результатов. Внутриполитическая и международная ситуация для монархии Габсбургов продолжала оставаться напряженной.

В феврале — мае сблизились отношения дунайской империи с Италией, которая потребовала передачи ей Триеста и Трентино, угрожая перейти на сторону Антанты. Не лучшим образом складывались взаимоотношения с двумя другими союзниками — Румынией и Германией. Первая притязала на Трансильванию и готова была порвать с Центральной коалицией, вторая, разочаровавшись в военных способностях австро-венгерской армии, отказывала дунайской монархии в равном партнерстве. Именно в этот период в Берлине родилась идея создания Срединной Европы, что способствовало бы превращению Австро-Венгрии в зависимое от Германии государство. Дело дошло до того, что посол Германии в Вене Генрих фон Чиршки предлагал вообще прекратить сотрудничество с Австро-Венгрией, назвав ее «гнилой монархией».

Правительство кайзера стало оказывать прямое давление на свою союзницу, требуя, чтобы она пошла на территориальные уступки Италии и Румынии.

9 февраля 1915 г. из Берлина в Вену пришли две телеграммы: одна от рейхсканцлера Теобальда Бетман-Гольвега министру иностранных дел барону Иштвану Буриану, другая — от начальника немецкого генерального штаба генерала Эриха фон Фалькенгайна начальнику австро-венгерского генерального штаба генералу Францу Конраду фон Гетцендорфу. Бетман рекомендовал Буриану проявить гибкость в отношении Италии. «Мы, — писал он, — готовы наше союзническое обязательство выполнить до последних возможных границ... Однако мы не можем сделать больше того, что уже сделано и не должны закрывать глаза на то, что идем к катастрофе». В телеграмме Фалькенгайна еще более обнаженно говорилось о неизбежном поражении коалиции в войне в случае, если Австро-Венгрия не пойдет на уступки Италии и Румынии: «Итальянский и румынский вопросы должны быть полностью решены в нашем смысле примерно до середины февраля... Если Италия и особенно Румыния станут нашими неприятелями, я не убежден, что мы победоносно закончим войну. Последствия поражения ясны: как Германия, так и Придунайская монархия будут разгромлены как великие державы, панславизм в союзе с итальянским и румынским ирредентизмом завершат крушение империи. Чтобы этого не случилось, надо идти на жертвы»¹⁹.

Как же реагировали на эти требования в Вене? Среди правящих кругов монархии имелись разные точки зрения в связи с возникшей ситуацией. Наиболее твердую позицию занимали министр-президент Венгрии граф Иштван Тиса и министр иностран-

ных дел барон Буриан. Они не хотели поступиться Трансильванией в пользу Румынии и с осторожностью относились к предложению Берлина о передаче Италии Трентино. В крайнем случае оба государственных деятеля соглашались уступить Италии только ту часть области, которая была населена итальянцами, предлагая взамен приобрести вдвое большую территорию в Сербии.

Граф Тиса поднял вопрос о возобновлении наступательных действий против Сербии на объединенном заседании Совета министров Австрии и Венгрии 3 февраля¹⁷, а через месяц, 3 марта, во время встречи с Бурианом настаивал на предоставлении монархии Габсбургов «свободы рук» в отношении Сербии. По его мнению, позиция Румынии в значительной мере зависела от успехов Сербии в войне. Так, после Колубарской битвы Тиса боялся, что сербы разовьют свое наступление в Банате, которое могло заставить Румынию присоединиться к Сербии. «Победоносное наступление противника в глубь монархии означало бы катастрофу, принимая во внимание, что Румыния только этого и ждет», — предупреждал Тиса императора в письме от 15 декабря 1914 г.¹⁸ Убедившись в нереальности этой угрозы (сербская армия тоже была ослаблена), Тиса одним из первых призвал правительство к реваншу. В письмах к министру-президенту Австрии графу Карлу Штюргку и барону Иштвану Буриану от 22 декабря 1914 г. граф Тиса убеждал, что военную операцию против Сербии надо провести как можно скорее, пока она не собралась с силами и пока Россия не перешла к решительным действиям на Галицийском фронте. «Уже в начале следующего года, — предлагал он, — на границах с Сербией надо сконцентрировать столько немецких и наших войск, чтобы их было достаточно для нашего наступления в долине Моравы... Тем самым мы разобьем главные сербские силы в краткие сроки или заставим их отступить на юг»¹⁹.

Барон Буриан также настаивал на активизации военных действий против Сербии, аргументируя это не только военными, но и политическими соображениями. «Мы, — втолковывал он генералу Конраду 1 апреля 1915 г., — не сможем заставить Болгарию вступить в акцию, пока сами не предпримем акции против Сербии»²⁰. В другом письме Конраду от 28 марта Буриан коснулся позиции Румынии: «Успешная акция в Сербии положительно скажется на позиции Румынии». Министр иностранных дел выражал надежду, что удастся договориться и с Италией²¹.

Иной точки зрения придерживался сам начальник Генерального штаба, который лучше, чем кто-либо другой, был осведомлен о действительном положении вооруженных сил монархии. Он отдавал себе отчет, что война против целой коалиции держав Тройственного соглашения и их союзников является непосильной для дунайской империи, и все надежды поэтому возлагал на помощь Германии.

Эти взгляды генерал высказывал еще до войны. Так, 7 июля 1914 г., после заседания австро-венгерского объединенного Сове-



Последний флирт Румынии.
Карикатура из журнала «Кривое зеркало» (1915 г.)

та министров, на котором в принципе было принято решение о войне с Сербией, Конрад доверительно сказал начальнику осведомительного отдела Генерального штаба фон Остримиецу: «Мы еще не доросли (воевать.— Ю. П.) против неприятельской комбинации, в которую вошли бы Россия, Румыния, Сербия и Черногория. Хотел бы ошибиться, но это так»²².

18 декабря, после получения первых известий о поражении имперской армии на галицийском фронте и на р. Колубара, Конрад предложил подписать сепаратный мир с Россией²³, а 26 декабря в беседе с посланником Австро-Венгрии в Бухаресте графом Оттокар Черниным заявил: «Можно удовольствоваться тем, что сохраним статус-кво и не будем платить контрибуции»²⁴. Югославский историк А. Митрович, внимательно изучивший переписку Конрада, сделал вывод, что генерал был одним из наиболее неуравновешенных лиц среди правящих кругов монархии этого времени. В Государственном архиве Австро-Венгрии и Военном архиве Австрии Митрович обнаружил, например, интересный до-

кумент о плане генерала Конрада подписать сепаратный мир с Россией, что, в свою очередь, способствовало бы и решению сербской проблемы.

В апреле 1915 г. Конрад передал свой проект Фалькенгайну, предлагая продумать вопрос о замирении Центральной коалиции с Россией и сосредоточении всех войск на Западном фронте. Генерал утверждал, что царизм согласится на этот вариант, если ему пообещают Константинополь и Дарданеллы. Австро-Венгрия, заявлял Конрад, «уступила бы России восточную Галицию, получив в обмен свободу рук в отношении Сербии и Черногории»²⁵. По словам начальника Генерального штаба дунайской империи, Россия могла бы проникнуть к Босфору через Румынию и Болгарию и тем самым вовлечь и эти государства в орбиту войны на стороне германского блока.

Этот план, как и многое другое, что предлагал время от времени генерал, был построен на песке, о чем ему и сказал Фалькенгайн²⁶. Начальник Генерального штаба Германии мыслил более реалистически и нередко осаждал своего пылкого коллегу. Он сказал Конраду, что нет никаких признаков того, что царское правительство готово идти на сепаратные переговоры. Весьма проблематичным Фалькенгайн считал и перспективу вовлечения таким образом в войну Румынии и Болгарии, да и весь проект Конрада он назвал неосуществимым²⁷.

В мае Конрад выступил с новым планом, прямо противоположным первому. К этому времени дела на Восточном фронте стали складываться лучше для Центральной коалиции, и экзальтированный генерал высказался за доведение войны с Россией до победного конца. Ныне, по его словам, к военным действиям против России можно было бы привлечь и Румынию, пообещав ей русскую Бессарабию. Начальник Генерального штаба выразил надежду, что германскому блоку удастся также договориться с Италией²⁸. Когда выяснилась несбыточность и этих планов, он снова впал в депрессию.

Еще более переменчивым было настроение самого императора, который шарахался из крайности в крайность. 8 марта 1915 г., узнав о готовящейся измене Италии, монарх созвал чрезвычайное заседание Коронного совета, сделав заявление, что во имя спасения империи он готов отдать Италии Трентино. «Все рушится», — сетовал он²⁹.

В Германии к итальянской проблеме относились спокойнее. С одной стороны, Берлин соглашался на уступку Трентино Италии, во имя сохранения ее в составе Центральной коалиции, с другой — правительство кайзера пыталось убедить Австро-Венгрию сохранять хладнокровие. Даже если Италия выступит, писал Бетман Буриану, нельзя считать войну проигранной. Если все же Италия начнет воевать, надо ответить ей контрударом³⁰.

17 мая канцлер предложил Фалькенгайну на всякий случай составить оперативный план итальянской кампании.

Вступление в войну Италии и новые планы германского блока

25 мая Италия начала войну с Австро-Венгрией, что ухудшило военно-стратегическое положение дунайской монархии. Новый итальянский фронт не только отвлекал на себя и без того недостаточные силы империи Габсбургов, но и непосредственно угрожал жизненно важным центрам государства, которые находились в нескольких переходах вражеских войск от линии фронта, а югославянские земли страны вообще оказались под непосредственным прицелом войск Антанты. Возросшее беспокойство держав Центральной коалиции вызывала также позиция Румынии. Вслед за Италией она вот-вот могла переметнуться на сторону Тройственного соглашения, что создавало угрозу для германо-турецкого «моста», по которому в Константинополь через территорию Румынии поставлялось немецкое оружие.

Правительство кайзера стремилось предотвратить совместное выступление Италии, Румынии и Сербии и снова вернулось к планам заключения с последней сепаратного мира.

Еще 23 мая, за два дня до вступления Италии в войну, фон Чиршки предупреждал Буриана о назревающей угрозе, сделал предложение об уступках Сербии со стороны Австро-Венгрии в боснийском вопросе. Чиршки заявил, что для перетягивания Сербии на свою сторону Австро-Венгрия должна пообещать ей часть Боснии, где проживало сербское население³¹.

25 мая это предложение подтвердил рейхсканцлер Бетман-Гольвег на совместном заседании руководителей Немецкого и Австро-венгерского генеральных штабов, на котором присутствовал и барон Буриан. Канцлер обратил внимание Буриана также на актуальность решения румынского вопроса, подчеркнув, что при создавшейся ситуации надо пойти на мир с Сербией, отделив ее от Италии³².

Берлинская дипломатия пыталась воздействовать на Вену и окольным путем. Германский посланник в Стокгольме беседовал на этот счет 18 июня с австро-венгерским посланником. Он указал, что при сложившейся ситуации, когда Италия вступила в войну, важно использовать итало-сербские противоречия из-за югославянского побережья Адриатического моря. Германский дипломат посоветовал также не препятствовать объединению Сербии с Черногорией. Пусть Сербия станет единым государством, сказал он. Ее всегда можно держать в своих руках, посадив на престол послушную черногорскую династию Петровичей-Негошей и отстранив от трона русофилов Карагеоргиевичей³³. Сходную мысль высказал Буриану Бетман-Гольвег во время их июньского свидания в Вене.

Наконец, «сербский вариант» рассматривался на совещании руководящих государственных деятелей Германии и Австро-Венгрии 25—27 июля в Берлине. Однако предложения Германии натолкнулись на сопротивление Австро-Венгрии. Буриан заявил,

что Сербия должна выполнить ряд предварительных условий, а именно: передать всю Македонию Болгарии, отказаться от ведения антиавстрийской пропаганды и согласиться на ущемление своего национального суверенитета³⁴. Министр повторил основные положения австро-венгерского ультиматума от 23 июля 1914 г., после которого началась война. По его поручению 27 июля 1915 г. австро-венгерский посол в Берлине принц Готфрид Гогенлоэ-Шилингфюрст сообщил Готлибу фон Ягову, что император Франц Иосиф выступает против каких-либо переговоров о мире с Сербией и настаивает на организации против нее военного похода³⁵. Оказались безнадёжными и попытки германской дипломатии установить связь с сербским правительством через подставных лиц. Ягов известил об этом того же 27 июля начальника Генерального штаба Фалькенгайна: «Наши попытки установить контакты с сербским правительством не дали результатов... Остается единственное средство — организовать против Сербии военную акцию»³⁶.

Руководитель внешнеполитического ведомства отмечал, что и этот вариант заслуживает внимания, поскольку не удалось заставить Сербию капитулировать мирными средствами. В письме Фалькенгайну он писал: «Как только мы продеремся через Сербию, победив это государство, мы свяжем Болгарию, спасем Турцию и так запугаем Англию, после чего у наших противников не останется никакой надежды выиграть мировую войну»³⁷. Ягов выражал уверенность, что тогда Сербия и державы Антанты согласятся на заключение мира на выгодных для германского блока условиях. Фалькенгайн, в свою очередь, дал обещание послать на Балканы войска, как только они освободятся на Восточном фронте.

Перед нашествием

Окончательное решение о новом нападении на Сербию было принято Центральной коалицией в августе 1915 г., когда положение на других фронтах стало для нее более благоприятным. В Дарданеллах потерпела провал англо-французская экспедиция и одни лишь англичане потеряли свыше 100 тыс. отборных морских войск, на Восточном фронте германские войска захватили Царство Польское и часть Прибалтики. Австро-Венгрии удалось приостановить наступление итальянцев. Важное значение для германского блока имело и то обстоятельство, что Румыния, собиравшаяся было выступить в марте—апреле против коалиции, не только сохранила нейтралитет, но продолжала снабжать Германию хлебом и нефтью; а также служила передаточной станцией для поставок в Турцию немецкого оружия. Г. Н. Трубецкой, проезжая в мае через столицу Румынии, констатировал: «В Бухаресте все та же картина веселого беспечного города, сброда аферистов, шпионов, кокоток, шумной ярмарки, распродажи оптом и в розницу муки, керосина, части и всего вообще, за что можно сорвать деньги»³⁸.

Осенью 1915 г. в завершающую фазу вступили и германо-болгарские переговоры. Они велись по нескольким каналам. Негласные встречи с Фердинандом I Кобургом обеспечивал бывший воспитатель детей его сестры фон Экарт, по дипломатической линии Берлин действовал через болгарского посланника в Германии и немецкого посланника в Болгарии, по финансово-экономической линии — через берлинский банк «Дисконте Гезелльшафт», который был связан с болгарской Управой государственных долгов. Банк пообещал представить Болгарии кредиты, гарантированные правительством кайзера³⁹.

6 сентября Германия и Австро-Венгрия подписали с Болгарией три документа: Договор о дружбе и союзе, Секретную конвенцию и Военную конвенцию. В Секретной конвенции определялись границы Болгарии, в первом и последнем документах шла речь о совместном выступлении сторон против Сербии. Нотой от 5 сентября Берлин оговорил возможность передачи сербской территории в районах Дойран и Джевджелии не в руки Болгарии, а под контроль Германии. Правительство кайзера тем самым оставляло за собой право предложить эту территорию Греции в расчете на то, что последняя присоединится к Четвертому союзу.

Однако и после заключения названных соглашений болгарское правительство не сразу приступило к их выполнению. Сверхосторожный Фердинанд не захотел рисковать, опасаясь сопротивления своего народа войне с Россией и возможности неудачи Центральной коалиции в войне с державами Антанты. На всякий случай он запрятал подписанные документы в личный сейф, и о них знало лишь ограниченное число лиц. Фердинанд решился на войну с Сербией и Россией только в октябре 1915 г., когда на Балканах была сосредоточена армия германского генерала Макензена⁴⁰.

В первую декаду сентября армии вторжения заняли исходные позиции на сербской границе. На австрийском берегу Савы и Дуная была сконцентрирована 11-я немецкая армия под командованием генерала Максимилиана фон Гальвица, в южном Банате — австро-венгерская 3-я армия под командованием генерала Германа барона Кёвеша, на болгаро-сербской границе 1-я и 2-я болгарские армии под командованием генералов Бояджиева и Тодос-



Немецкий генерал
Август фон Макензен,
командующий балканской
группой армий

рова. Главнокомандующим группой войск был назначен немецкий генерал-фельдмаршал Август фон Макензен, начальником штаба немецкий генерал Ганс фон Зект. Одна лишь германо-австрийская армия вторжения насчитывала около 380—400 тыс. солдат и офицеров. Она имела подавляющее превосходство над сербской в артиллерии и военной технике.

Прежде чем направиться в главную квартиру, Макензен нанес визит обоим императорам. Вильгельм II поставил перед генералом задачу в крайне сжатые сроки разгромить Сербию: «Сербскую армию надо победить самым решительным образом и тем обеспечить связь через Белград и Софию с Царьградом»⁴¹.

В Шенбрунне Макензен имел аудиенцию у Франца Иосифа. Австрийский император также выразил надежду на победоносный исход войны. Сравнивая Макензена с бывшим главнокомандующим Балканской армией Оскаром Потioreком, он отдал предпочтение немецкому. «Я в Вас уверен, Вы не подведете», — сказал монарх, прощаясь с «железным полководцем»⁴². Однако прежде чем начать наступление, Германия предприняла еще одну попытку заключить сепаратный мир не только с Сербией, но и с ее главным союзником Россией. Причем эту идею выдвинул тот же Готлиб фон Ягов, который всего лишь несколько недель тому назад одобрил план Генерального штаба об организации военного похода Германии против Сербии.

Чем же объясняются эти перемены: неустойчивым характером министра иностранных дел и его постоянными колебаниями, как об этом писали немецкие историки двадцатых годов, или более серьезными причинами? На этот вопрос дал ответ сам фон Ягов.

Новая попытка Германии подписать сепаратный мир с Сербией и Россией

Статс-секретарь по иностранным делам Германии в своей внешней политике руководствовался глобальными задачами, которые нередко вступали в противоречие с локальными целями. Для него Сербия имела второстепенное и даже третьестепенное значение, гораздо меньшее, чем для Австро-Венгрии, которая видела в независимости сербского государства основное препятствие к достижению заветных планов — обеспечению своей гегемонии на Балканах. Германия же стремилась к большему — мировому господству, и считая главным своим противником Англию, вела с ней и ее союзниками — Францией и Россией — войну не на жизнь, а на смерть.

Летом 1915 г., после поражения русских войск на Восточном фронте, по мнению фон Ягова, появилась, наконец, возможность разорвать роковую для Германии квадратуру круга — войну на два фронта, что имело бы для Центральной коалиции решающее значение.

В этой ситуации министр иностранных дел и его единомышленники считали лучшим исходом мирное решение вопроса, имея в виду Россию и Сербию. Оба эти государства также нуждались в мире, и с ними, по мнению правящих кругов Берлина, легче было договориться.

Прозондировать почву о готовности русского и сербского правительств пойти на соответствующие переговоры предполагалось обходным путем. В отношении России это должны были сделать представители деловых кругов, используя контакты с агентами (атташе) Российского министерства торговли и промышленности в нейтральной Швейцарии, а — Сербии через посредничество королевского двора в Греции.

Вопрос о том как осуществлялись эти идеи на деле недостаточно изучен в литературе из-за отсутствия источников. Например, до сих пор не найдено письмо Вильгельма II своему зятю греческому королю Константину I с просьбой установить связи с сербским правительством. Известны лишь некоторые подробности названной истории. Согласно документам, опубликованным во французском сборнике «Германия и проблема мира во время первой мировой войны», это письмо было направлено 23 сентября, за две недели до начала военного вторжения немецких войск в Сербию⁴³. По поручению Константина, которого Вильгельм называл по-родственному Тином, делом занялся его сын Николай, встретившийся с сербским посланником в Афинах Живоином Балугжичем⁴⁴.

Имеются также некоторые сведения о программе немецкой стороны. Министр иностранных дел Германии фон Ягов выдвигал три аргумента в пользу отказа от военного решения сербской проблемы: заинтересованность Германии в сохранении своих сил для борьбы на Западном фронте («нам дорог каждый солдат», — писал он), трудность войны на Балканах (горный рельеф, сопротивление сербских войск, возможность потерь от эпидемий) и неизбежность международных осложнений (высадка в Салониках войск держав Антанты в защиту Сербии).

Ягов полагал, что с Н. Пашичем можно договориться на условиях сохранения сербского независимого государства с предоставлением ему выхода к Адриатическому морю. «Сербия — аграрная страна и ей нужно продавать свою продукцию», — заявил он⁴⁵.

Руководитель внешнеполитического ведомства на Вильгельмштрассе не соглашался с министром иностранных дел Австро-Венгрии бароном Бурианом, который настаивал на полной ликвидации сербского государства или его значительном «умалении». Фон Ягов считал это опасным, предсказал, что сербы «никогда не примирятся с потерей независимости». И далее он писал: «Если мы хотим обеспечить мир на Балканах, мы должны считаться с этим фактором». Вместе с тем министр тоже стоял за значительное сокращение территории Сербии и передачу Болгарии всей Македонии, а самой Германии сербского Неготинского

округа, который мог бы служить мостом для связи Берлина с Константинополем.

Ягов предлагал заменить главу сербского государства короля Петра I Карагеоргиевича представителем иностранной династии — креатуры Германии. При этом он не возражал против объединения Сербии с Черногорией, отдавая, однако, предпочтение ведущей роли в новом государстве Черногории с черногорским королем Николаем I во главе⁴⁶.

Большой интерес представляют мысли Ягова о будущих взаимоотношениях Германии со своими союзниками Австро-Венгрией и Болгарией. Поддерживая их общую программу, статс-секретарь по иностранным делам выступал вместе с тем против чрезмерного усиления их влияния на Балканах. «Дунайская монархия,— замечал он,— не должна присваивать себе больше того, что она может освоить»⁴⁷.

В югославских архивах нам не удалось обнаружить материалы о реакции сербской стороны на предложения Ягова. Можно высказать лишь гипотезу о том, что правительство Н. Пашича вряд ли приняло их всерьез. Оно не собиралось переходить на сторону Центральной коалиции и оставалось верным до конца своим союзникам — России и другим державам Антанты.

Провалом закончился и зондаж деловых кругов Германии о подписании сепаратного мира с Россией, который был предпринят Берлином в ноябре того же года. Об этих переговорах сохранился следующий любопытный документ из фондов Министерства торговли и промышленности (МТиП) Центрального государственного исторического архива СССР в г. Ленинграде. В своем совершенно секретном донесении агент МТиП в Берне В. Фелькнер от 4(17) ноября 1915 г. за № 629 сообщал: «Спешу донести, что сегодня, 4(17) ноября 1915 г., около 5 часов вечера в мою квартиру вошел, не посылая под предлогом личного знакомства вперед своей карточки, пожилой господин, направившийся ко мне лишь с протянутыми вперед руками. „Вы узнаете меня, Вы примите меня,— произнес он взволнованно.— Я — Рене. Помните Берлин, Вашего шефа, тайного советника Голубева, Мендельсонов, наши с Вами добрые тогда отношения? Мы виделись с Вами в последний раз в 1908 г. Как все изменилось с этой ужасной войной! Я приезжал теперь в Берн из Берлина и, зная, что Вы здесь, не хотел пропустить случая. Ведь Вы меня примите! Лично мы с Вами не ведем войны... Но, разумеется,— продолжал рассказ Рене,— вопрос не в материальной стороне, а в ужасной потере людей. Когда, как Вы думаете, может кончиться это кровопролитие? Где конец взаимному избиению?“. Рене упомянул, что „Германия потеряла свыше 2 млн человек. Он пытался взвалить ответственность на генералов, мечтавших о материальных жезлах и выгораживавал таких „слабых людей“, как Бетман-Гольвег и Ягов, которые „ничего не могут поделать!“.

„У нас теперь усиливается пессимизм относительно результатов войны,— продолжал он.— Столько жертв, а какой конец!

Возникает сомнение. Время, когда всем распоряжался один Генеральный штаб, проходит. Берут верх благоразумные голоса гражданских государственных деятелей, которые спрашивают себя, что будет дальше?“

В конце разговора Рене выдал цель своего прихода. Он сказал: „Прошу Вас, скажите, есть ли шансы в России на заключение мира с Германией. Я пришел к Вам как частный человек к знакомому, и Вы отвечайте мне как русский. Ведь мы немедленно можем очистить все оккупированные нашими войсками русские области. Конечно, Вы в курсе русских настроений, и мне важно прозондировать почву. Быть может, Вы облегчите мне дело“.

„Разговор, — доносил Фелькнер, — был прерван новым посетителем — редактором экономического отдела газеты „Базлер нахрихтен“. Рене ушел, оставив визитную карточку, на которой надписал, что, если мне что-нибудь потребуется, я могу обратиться во Франкфурт. Позже Рене направил из Цюриха мне письмо, в котором предлагал „своих людей“, в том числе директора Берлинского политического и Дисконтного банка Хассепштайна, и дал понять, что связь надо держать с германским посольством в Берлине»⁴⁸.

Россия не только отклонила эти предложения, но и предприняла попытку оказать военную помощь Сербии перед лицом новой агрессии держав Четверного союза против этого государства.

¹ GP. Bd. 34, T. II, N 1293, 1294.

² См.: *Писарев Ю. А.* Первая мировая война и проблемы сепаратного мира // ННИ. 1985. № 6. С. 45–55.

³ L'Allemagne, Vol. 1, N 143. P. 182–183.

⁴ См.: *Храбак Б.* Сепаратни мир са Србијом у политичкој стратегији Централних сила (1914–1915) // Зборник филозофског факултета у Приштини. Приштина, 1969. № 6а. С. 149–170.

⁵ *Лихарев А.* Секретная дипломатия в эпоху мировой войны // *Анналы*. Пг., 1923. Т. 3. С. 258–269.

⁶ *Hallgarten G.* Imperialismus vor 1914: Die sociologischen Grundlagen der Aussenpolitik europaischen Grossmächte vor dem ersten Weltkrieg. München, 1951. Bd. 1. S. 28–29.

⁷ *Милић Д.* Немачки капитал у Србији до 1918 // ИЧ. 1963. Књ. XII/XIII. С. 320–321, 326–339.

⁸ См.: *Ђорђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србији 1906–1911. Београд, 1962.

⁹ *Beogradske Novine*. 1916. 18.I.

¹⁰ *Милић Д.* Указ. соч. С. 335–338.

¹¹ *Писарев Ю. А.* Германо-австрийские планы на Балканах в годы первой мировой войны // ННИ. 1973. № 2. С. 79–82.

¹² *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 21.

¹³ *Neue Freie Presse*. 1915. S. I. // ЦГИА СССР. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 292. Л. 11.

¹⁴ *Redlich J.* Schicksalsjahre Österreichs, 1908–1919: Das politische Tagebuch. Bd. 1. S. 294.

¹⁵ *Hantsch H.* Leopold Graf Berchtold: Grandseigneur und Staatesmann. S. 709–730.

¹⁶ Цит. по: *Mitrović A.* Prodor na Balkan i Srbija. S. 228.

¹⁷ *Protokolle*. S. 200–201.

¹⁸ *HNSTA*. Wien. PA. K. 499.

- ¹⁹ *Tisza S. Briefe. S. 131.*
- ²⁰ HHSTA. Wien. PA. K. 490.
- ²¹ Ibid.
- ²² *Conrad von Hötzendorff F. Aus meinen Dienstzeit, 1906–1918. Bd. 4. S. 56.*
- ²³ Ibid. Bd. 5. S. 811.
- ²⁴ Ibid. S. 231.
- ²⁵ *Mitrović A. Op. cit. S. 231–233.*
- ²⁶ HHSTA. Wien. PA. K. 499.
- ²⁷ *Mitrović A. Op. cit. S. 235.*
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ *Protokolle. S. 215–232.*
- ³⁰ *Mitrović A. Op. cit. S. 299.*
- ³¹ *L'Allemagne. Vol. 1. N 87. P. 102–107.*
- ³² HHSTA. Wien. PA. K. 503.
- ³³ *L'Allemagne. Vol. 1, N 91. P. 111.*
- ³⁴ *Mitrović A. Op. cit. S. 249.*
- ³⁵ Ibid. S. 255.
- ³⁶ *L'Allemagne. Vol. 1, N 143. P. 182–183.*
- ³⁷ Цит. по: *Hitrovit A. Op. cit. S. 259.*
- ³⁸ *Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 35.*
- ³⁹ *Влазов Т. България и Централните сили в навечериято на правата световна война // Известия на института за история. С., 1951. Т. 1/2. С. 37–80.*
- ⁴⁰ См.: *Avramovski Z. Opredelenje Bugarske za Centralni sile u prvom svetskom ratu: Jugoslovensio-bugarske odnosi XX vjeka. Beograd, 1980. S. 61–97.*
- ⁴¹ Цит. по: *Опачић П. Борба за Балкан у јесен 1915. Кн. IV. С. 209.*
- ⁴² OUA. Bd. VII, N 8948. S. 525–526.
- ⁴³ *L'Allemagne. Vol. 1. P. 104–106, 182–183.*
- ⁴⁴ См.: *Храбак Б. Указ. соч. С. 159–168.*
- ⁴⁵ *L'Allemagne. Vol. 1, N 151. P. 195.*
- ⁴⁶ Ibid. N 157–159. P. 202–205.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ ЦГИА СССР. Ф. 23. Оп. 11. Д. 228. Л. 51–52. В. Фелькнер – С. И. Тимашову. Берн, 1915. 4.XI. № 629.

ПЛАН РУССКОЙ СТАВКИ ПО СПАСЕНИЮ СЕРБИИ И СОЮЗНИКИ

В роковую осень 1915 г., когда на Сербию готовилось нашествие Центральной коалиции, сербское государство оказалось в изоляции. Его военные союзники в силу ряда обстоятельств не смогли оказать стране действенной помощи.

Россия сама находилась в критическом состоянии. С мая 1915 г. германские войска, перейдя в наступление на Восточном фронте, заняли Царство Польское, почти всю Белоруссию и Прибалтику, значительную часть Украины. В ходе боев русская армия понесла значительные и трудновосполнимые потери — 1,5 млн солдат и офицеров, т. е. почти весь кадровый состав первого призыва. Общие же потери России с начала войны составили 3,5 млн человек. Английский посол в Петрограде Дж. Бьюкенен, рассказывая о ситуации на Восточном фронте, писал в воспоминаниях: «Потери убитыми, ранеными и пленными во время этого долгого ужасного отступления были колоссальны. Недостаток в ружьях был так велик, что значительный процент солдат стояли безоружными до тех пор, пока им не доставались ружья их убитых товарищей. Еще чудо, что армия осталась цела. Один момент Петроград был в такой опасности, что были приняты меры к перевозке архивов и золотого запаса в Вологду. Стоял также вопрос о вывозе художественных сокровищ Эрмитажа»¹.

В этих экстремальных условиях Ставка не могла оказать непосредственной военной поддержки Сербии, но прибегла к косвенным мерам.

За дело взялся начальник штаба Ставки генерал Алексеев — один из наиболее способных русских стратегов. Генерал А. А. Брусилов считал Алексеева «подлинным руководителем Ставки», царь называл его своим «косоглазым» другом², но, к сожалению, не всегда следовал его советам.

Так произошло и на этот раз, причем главную вину за невыполнение намеченной программы несли союзники России — Англия, Франция и Италия, отказавшиеся от совместных военных действий для спасения Сербии.

План Алексеева состоял в следующем. Начальник штаба Ставки предусматривал осуществление совместных военных действий на Западном, Восточном, Итальянском и Балканском фронтах, что могло заставить Центральную коалицию прекратить сосредоточение войск против Сербии. Россия брала на себя

задачу нанесения удара по наиболее слабому месту в обороне Австро-Венгрии в двух направлениях: юго-западном на Темешвар и северо-западном — в Галиции. Англия и Франция должны были вести наступательные операции на Салоникском фронте³.

Ставка запросила для этой кампании у союзников 500 тыс. ружей, предполагая сформировать 5 армейских корпусов для похода на Балканы. Царское правительство обратилось к правительству Румынии с официальной просьбой о пропуске через ее территорию 200 тыс. войск для соединения с сербской армией, но получило отказ⁴.

Морской Генеральный штаб России также предпринял попытку оказать поддержку Сербии. В районе Одесса—Кишинев—порт Рени на Дунае началось сосредоточение военно-морского экспедиционного корпуса, предполагаемой численностью до 100 тыс. человек.

Из Батума в устье Дуная были направлены 2 мелководных миноносца и канонерская лодка, которые должны были обеспечить безопасность перевоза войск на участке между Систовым и Руцуком и в районе Железных ворот⁵.

Морское министерство планировало отправить в Рени еще 4 боевых корабля, 2 речные канонерки и 3 небольшие подводные лодки. В Рени и в другие речные порты на Дунае из Севастополя была прислана тяжелая артиллерия и 50 минометов. Экспедиции особого назначения, обеспечивавшей ранее поставки продовольствия Сербии, было поручено участие в военных действиях, и она была передана в распоряжение 7-й русской армии, которая должна была обеспечить контроль над нижним течением Дуная. По распоряжению того же ведомства к отправке в Сербию были назначены Керченский морской батальон и батальон Черноморского морского экипажа⁶, а в Кишинев с согласия военного министра были направлены войска сопровождения, о чем сообщил С. Д. Сазонов французскому послу в Петрограде М. Палеологу⁷. Эти меры, однако, не удалось полностью реализовать из-за вступления в войну Болгарии.

План Алексева был нарушен союзниками. Италия, по существу, вообще отказалась помогать Сербии, ссылаясь на отсутствие резервных войск. «Итальянское королевство,— заявил официоз «Коррьере делла сере»,— не желает ввязываться в военные действия на Балканах»⁸. Вместо посылки 70 тыс. войск на Австрийский фронт, как предполагалось планом, Италия направила свои войска в Албанию и оккупировала Валону и прилегающие к городу районы.

Англия и Франция на словах ратовали за поддержку Сербии, но на деле и они тормозили совместные действия, указывая на объективные трудности посылки войск на Балканы. Так, в докладе, составленном Генеральным штабом Франции в сентябре 1915 г., говорилось о нежелательности военного поражения Сербии, но тут же давалась ссылка на трудность ведения войны на трех фронтах — Западном, Балканском и Дарданелльском. «Раз-

гром Сербии имел бы самые серьезные последствия и его следовало бы избежать», — говорилось в начале документа. Во второй же его части делалась следующая оговорка: Франция не в силах проводить одновременно «две крупные операции — в Сербии и Дарданеллах»⁹. Главнокомандующий французской армией маршал Ж. Жоффри вообще противился отправке на Балканский театр военных действий французских войск. В то же время он настаивал на расширении помощи Сербии со стороны России, которая, по его мнению, имела «неистощимый запас человеческого материала». На той же позиции стояли Раймон Пуанкаре и многие члены французского правительства. Президент демагогически заявлял, что он возражает против «угона на убой на далекие Балканы миллионов французов»¹⁰, а лидер социал-шовинистов Густав Эрве, поддерживая военные цели французского империализма в Западной Европе, выступил против отвлечения сил для оказания помощи Сербии. «Французам, — заявил он, — нет дела до сербов, но не до войны вообще. Если уже жертвовать французской кровью, то лучше устремить свои усилия на овладение Константинополем»¹¹.



Генерал М. В. Алексеев,
начальник штаба Ставки
в 1914—1917 гг.

Английское правительство заняло двойственную позицию. Статс-секретарь по иностранным делам Э. Грей заверил парламент в «готовности Великобритании оказать Сербии всестороннюю помощь»¹², но военное министерство не разрешило снять с Галлиполийского полуострова ни одной дивизии для отправки в Сербию. «Мы, — констатировал министр вооружений Дэвид Ллойд Джордж, — в самом начале отказались поддержать Сербию, хотя мы тогда могли спасти эту страну от разорения и превратить ее в базу для союзных атак на Австрию. Впоследствии, слишком поздно, мы перебросили экспедиционный корпус в Салоники; он был слишком мал, чтобы вести серьезное наступление против неприятеля... Мы не сумели удержать Болгарию от присоединения к нашим врагам и в течение долгого времени так запутывали наши отношения с Грецией, что она не только не становилась нашим союзником, но оставалась опасной занозой в нашем тылу»¹³.

Только после всеобщей мобилизации в Болгарии союзники приступили к созданию Экспедиционного корпуса, который осу-

ществил высадку в Салониках 5 октября 1915 г., т. е. всего лишь за один день до наступления германо-австро-венгерских войск на Сербском фронте. В высадке англо-французского десанта участвовало всего 6 тыс. солдат и офицеров, тогда как германо-австрийская армия насчитывала свыше 300 тыс. человек. Командующий Экспедиционным корпусом французский генерал Морис Сарраиль назвал эту операцию «театральным жестом». «Три или четыре армейских корпуса — такова должна быть численность французских сил, если мы хотим сделать что-либо серьезно», — писал он Жоффру, прося подкреплений¹⁴.

Весьма неудачно действовала и дипломатия держав Антанты. Она не только упустила Болгарию, позволив ей присоединиться к Центральной коалиции, но и ожесточила сербское правительство ультимативными требованиями о территориальных уступках в пользу Болгарии, не дав ей взамен никаких конкретных обещаний об эквивалентной компенсации.

2 и 4 августа Англия, Франция, Россия и Италия вручили в Софии и Нише коллективную ноту, в которой в резкой форме потребовали решить, наконец, македонский вопрос, имея в виду передачу Сербией Болгарии не только «спорной», но и «беспорной» зоны, т. е. практически всей Македонии до р. Вардар. Болгария должна была немедленно присоединиться к Антанте, а Сербии в самой общей форме обещались после окончания войны Босния и Герцеговина и «некоторые другие территории» без указания какие именно¹⁵.

Нота не встретила поддержки в Софии, которая в это время вела секретные переговоры с Берлином и Веной, обещавшими ей значительно большие территории, а в Нише вызвала бурю возмущения. Пашич, получив этот документ, в пылу раздражения заявил в беседе с английским и французским посланниками, что требования Антанты весьма напоминают действия держав по разделу Африки, а при встрече с Трубецким сказал, что «Сербия готова погибнуть, но не пойдет в Каноссу»¹⁶.

Глава сербского правительства намекнул представителям Антанты, что Сербия может заключить с Центральной коалицией сепаратный мир.

Вопрос об ответе Сербии на упомянутую ноту обсуждался на закрытом заседании Народной скупщины 16 августа, а также на секретном совещании Пашича с королем Петром I и регентом Александром. 1 сентября сербское правительство дало письменный ответ на требования держав Антанты. Соглашаясь в принципе на некоторые территориальные уступки в пользу Болгарии на основе сербско-болгарского союзного договора 1912 г., сербское правительство выдвигало ряд контртребований. Главными из них были: 1) гарантия со стороны держав Антанты, что после окончания войны к Сербии будет присоединена Хорватия с портом Фиуме, а также западная часть Баната; 2) официальное признание Тройственным согласием Сербии в качестве союзной державы с правом участия ее представителя при обсуждении терри-

ториальных вопросов на послевоенной мирной конференции; 3) финансовая помощь Сербии в течение войны в размере 36 млн франков ежемесячно; 4) обеспечение союзниками суверенитета сербского государства. В этой ноте говорилось также, что Сербия согласна на территориальные уступки Болгарии только в случае ее вступления в войну на стороне Антанты¹⁷.

Этот шаг сербского правительства вызвал негативную реакцию в Лондоне, Париже и Риме. Эдуард Грей и Сидней Соннино отклонили все предложения Николы Пашича, Теофил Делькасе указал, что надо принять обещание Сербии пойти на некоторые территориальные уступки Болгарии, но отвергнуть контртребования сербского правительства. Только Россия пошла навстречу Пашичу в вопросе о признании Сербии «фактическим союзником» Антанты¹⁸.

Трубецкой телеграфировал 5 сентября в Петроград: «В конце концов у сербов возникло горькое представление, что все нейтралы, ведя торговлю с нашими неприятелями и нашими союзниками, получают вознаграждение за свой цинизм, а сербы остаются в стороне»¹⁹.

Российский посланник в письме товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову указывал на трудность работы в Сербии при таких условиях и попросил освободить его от занимаемого поста. Однако заявление Трубецкого не было удовлетворено. А. А. Нератов и начальник Ближневосточного отдела МИД К. Н. Гулькевич продолжали настаивать на проведении прежнего курса, хотя уже в начале сентября стала совершенно очевидной германофильская политика болгарского царя Фердинанда.

В середине сентября по инициативе Э. Грея и Т. Делькасе, поддержанной Трубецким, была выдвинута идея отправки в южную Сербию английских и французских войск, которые должны были взять под свой контроль стратегическую железную дорогу Битоль—Салоники, предотвратив тем самым ее захват болгарскими войсками. Пашич с удовлетворением встретил это предложение, но оно так и не было реализовано. Вместо присылки 150 тыс. войск, как обещали союзники, в Сербию прибыли лишь небольшие отряды, которые, не оказав помощи сербским войскам, вскоре были отозваны обратно²⁰.

Союзники выступали против намерений Сербии развязать превентивную войну с Болгарией. Пашич, осведомленный о военной подготовке Болгарии, предложил Англии, России и Франции план предупредительного нападения Сербии на болгарские позиции, доказывая, что только это может предотвратить неминуемую катастрофу для сербского государства. Но и эти планы встретили сопротивление Парижа, Лондона, Петрограда и Рима. Делькасе аргументировал свой отказ поддерживать план Пашича позицией Греции и Румынии, которые в случае нападения Сербии, как это было предусмотрено соглашениями 1913 г. между тремя государствами гарантами Бухарестского договора, не обязаны были оказывать ей помощь.

Сазонов в беседе с сербским посланником в Петрограде Мирославом Спалайковичем 23 сентября указал на опасность военного конфликта Сербии с Болгарией, которым могла воспользоваться Центральная коалиция. «Даже победа над болгарами не может иметь решающего значения для будущего,—заявил министр.— Они (сербы.— Ю. П.) очутились бы, ослабленные борьбой с Болгарией, одни против немцев, господство которых было бы обеспечено на Балканах»²¹.

Царское правительство продолжало надеяться на то, что Болгария не примкнет к германскому блоку. «Мысль о том, что Болгария может перейти в лагерь врагов России, казалась такой чудовищной, такой невероятной,— писал Трубецкой,— что только этим можно объяснить, что Савинский, да не он один, до конца все еще не хотели верить, все еще надеялись, что болгары „блефуют“, чтобы принудить сербов к большим уступкам»²². Россия разорвала дипломатические отношения с Болгарией только 5 октября, накануне вторжения войск Четверного союза в Сербию. По словам Трубецкого, Россия, выступив против превентивного нападения Сербии на Болгарию, «взяла грех на свою душу»²³.

Так ли это? Можно ли считать позицию Сазонова и его единомышленников ошибкой? Не вернее ли предположить, что у Сербии не было реальных перспектив при помощи нападения на Болгарию предотвратить национальную катастрофу? Правительство Пашича и Верховное командование сербской армии допустили три серьезных просчета, которые имели фатальные последствия. Во-первых, они недооценили боеспособность и боеготовность болгарской армии, преувеличив в то же время свои возможности. Болгария давно отмобилизовала свои вооруженные силы, тогда как сербская армия еще не осуществила их реорганизации после первого года войны. Во-вторых, в Нише оказались недостаточно осведомленными о подлинных силах германских и австро-венгерских войск. Французские летчики, обслуживавшие сербскую армию, дезориентировали Верховное командование, сообщив, что на границах Сербии будто бы не происходит концентрации войск Макензена. Сербские вооруженные силы оказались неподготовленными к отражению вторжения Центральной коалиции. Они были растянуты на многие десятки километров по австро-венгерской границе, не имели резервов, уступали в несколько раз германской артиллерии»²⁴.

В-третьих, сербское правительство проявило излишний оптимизм в связи с позицией греческого правительства Венизелоса, которое в ответ на болгарскую мобилизацию провело мобилизацию своих войск. Венизелос, в свою очередь, поддался на обещание Англии и Франции прислать в Грецию 150 тыс. войск в случае вступления в войну Болгарии. Дело закончилось тем, что Греция так и не выступила в поддержку Сербии²⁵, а союзные войска, как упоминалось выше, опоздали со своей высадкой в Салониках.

В этих условиях превентивная война Сербии против Болгарии вряд ли принесла бы ей успех. Этой точки зрения придерживался и сам начальник штаба Верховного командования сербских вооруженных сил воевода Радомир Путник, который считал нереалистичным план нападения на Болгарию одной Сербии, без ее поддержки со стороны союзников. Вот что ответил он в марте 1916 г., находясь на о. Корфу, на вопрос депутата скупщины Радоя Янковича о том, не явился ли ошибкой штаба Верховного командования Сербии его отказ от превентивного нападения на Болгарию: «Наши противники — не дети. Они знали как надо воевать. Болгары не позволили бы нам разбить их за несколько дней. Их тактика была бы такой — отступление, пока им на помощь не придут союзники. Мы не имели сил, чтобы играть в войну, особенно когда началось австро-германское нападение»²⁶.

Но было и другое мнение. Его высказал начальник штаба царской Ставки генерал М. В. Алексеев военному агенту Сербии в России полковнику Браниславу Лонткиевичу: «Необходимо задержать болгарскую мобилизацию, или даже напасть на Болгарию». Однако генерал тут же заметил, что одна Россия не в состоянии предотвратить нападение на Сербию Болгарии, Германии и Австро-Венгрии, указав на необходимость совместных действий всех держав Антанты²⁷. С. Д. Сазонов, одоблив план Алексеева, предложил послам в Лондоне, Париже и Риме согласовать его с союзными правительствами. В телеграмме от 11 ноября, т. е. в период, когда нападение Четверного союза на Сербию уже началось, но помочь Сербии еще было возможно, царский министр просил внести полную ясность в вопрос о количестве войск, которые могут послать Англия, Франция и Италия в помощь Сербии. На Балканы, предлагал Сазонов, надо направить 10 корпусов союзных войск, которые могли бы отбросить войска Макензена за Дунай. Одновременно Россия послала бы такое же количество войск навстречу союзникам, итальянцы предприняли бы наступление на Лайбах, а сербские войска взяли бы на себя отпор болгарским войскам. Эти совместные операции, утверждал Сазонов, могли привести к перелому в войне на Балканском фронте, выведя из строя союзника Германии Австро-Венгрию. Они оказали бы воздействие на Болгарию и Турцию, которые запросили бы перемирия, и на Грецию и Румынию, которые присоединились бы к державам Согласия²⁸.

Британский генеральный штаб, признав на словах, что он «вполне разделяет взгляд генерала Алексеева», на деле уклонился от его выполнения, а военный министр Англии Китченер и вовсе отказался от посылки войск в помощь Сербии²⁹.

Идентичную позицию заняла и Франция. Маршал Жоффр назвал «крайне желательными действия русских на юге», но воздержался от посылки в Сербию французских войск³⁰.

Генерал Алексеев с горечью писал Сазонову: «Уход союзников с Балканского полуострова и отказ их от дальнейшего веде-

ния борьбы на этом театре будет знаменовать собой совершенное уничтожение Сербии»³¹. Его предсказания оказались пророческими...

-
- ¹ Бьюкенен Э. Мемуары дипломата. М., 1927. С. 137.
 - ² Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957. С. 25.
 - ³ ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 351–357. Всеподданнейший доклад генерала Алексеева от 31.X.1915 относительно помощи Сербии.
 - ⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX. Л. 318.
 - ⁵ Красный арх. 1928. Т. VI (31). С. 35.
 - ⁶ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3443. Л. 79, 81, 108.
 - ⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX, № 149.
 - ⁸ *Coggiere de la Sera*. 1915. 18.X.
 - ⁹ ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 357–358.
 - ¹⁰ Цит. по: Емец В. А. Позиция России и ее союзников в вопросе о помощи Сербии в 1915 г. // ИЗ. 1965. Т. 75. С. 127.
 - ¹¹ ЦГИА СССР. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 20. Л. 288–289.
 - ¹² АВПР. Ф. Канцелярия. 1915 г. Оп. 470. Д. 83. Л. 451.
 - ¹³ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1937. Т. 6. С. 101.
 - ¹⁴ Цит. по: Емец В. А. Указ. соч. С. 122.
 - ¹⁵ ДА ДСИП. Ф. Посланство у Петрограду. 1914 г. № 1108.
 - ¹⁶ *Stanković Đ. Nikola Pašić saveznici i stvaranje Jugoslavije*. Beograd, 1984. S. 155.
 - ¹⁷ ДА ДСИП. Ф. Посланство у Петрограду. 1914 г. № 1208.
 - ¹⁸ МОЭИ. Сер. 3. Т. VII, ч. 2. С. 51.
 - ¹⁹ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. С. 150–151.
 - ²⁰ АВПР. Ф. Канцелярия. 1915 г. Оп. 470. Д. 64. Л. 177.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 156.
 - ²³ Там же. С. 152–160.
 - ²⁴ ВРС. Кн. VIII. С. 24–25.
 - ²⁵ Греция в виде компенсации потребовала от Сербии территориальных уступок в районе Дойранного озера.
 - ²⁶ ВРС. Кн. VIII. С. 288, 295.
 - ²⁷ Николаевский М. Србија и њени савезници. Београд, 1923. С. 39–42; Скоко С. Србија и велике силе у периоду оперативног затишја на српско-босанском ратишту // Србија 1915 године. С. 173.
 - ²⁸ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Пг., 1917. С. 20.
 - ²⁹ ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 375. Д. Бьюкенен – С. Д. Сазонову. Пг., 1915. 1.XI.
 - ³⁰ Там же. Л. 379. Представитель Франции при Ставке генерал П. де Лагисш – М. В. Алексею. Ставка, XI. 1915.
 - ³¹ Там же. Д. 52. Л. 20.

КАТАСТРОФА

**Военное поражение Сербии
и капитуляция Черногории**

6 октября пришли в движение германские и австро-венгерские полки Балканской армии Макензена. В первые дни наступления концентрированной атаки подверглась столица Сербии Белград. За одни только сутки из 360 крупных орудий по городу было выпущено около 100 тыс. снарядов, которые поражали целые кварталы, школы, больницы, промышленные предприятия, ремесленные мастерские¹. Белградский гарнизон, имея всего 77 пушек, героически сопротивлялся, отвечая на огонь до последнего снаряда. Среди артиллеристов, защищавших Белград, находились русские солдаты, а в сражении на р. Дунае участвовал отряд русских моряков-минеров².

Правый берег Дуная и Савы несколько раз переходил из рук в руки, бои в городе продолжались двое суток — и днем и ночью — за каждую улицу. В них участвовали население столицы, волонтеры, сербские солдаты. Однако силы были неравными. Для захвата Белграда Макензен двинул два отборных австро-венгерских корпуса генерала Кёвеша, поддержанных артиллерией³. Командующий Балканской армией придавал капитуляции сербской столицы особое значение, рассчитывая, что после нее правительство Пашича пойдет на мирные переговоры. 9 октября он телеграфировал Вильгельму II и Францу Иосифу: «С сегодняшнего дня в Белграде на королевском дворце и над крепостью развеваются германские и австрийские флаги»⁴.

Но Сербия, потеряв столицу, не прекратила сопротивления. Из города организованно отступил гарнизон Белграда и вместе с ним русские моряки и артиллеристы, а также французские и английские матросы, состоявшие в команде береговой обороны⁵.

В целом военная обстановка складывалась крайне неблагоприятно для Сербии. 14—16 октября в войну на стороне Центральной коалиции вступила Болгария, после чего соотношение сил для Сербии стало катастрофическим. Четверной союз насчитывал 650 тыс. войск (360 тыс. — Макензен и 300 тыс. болгар) против 250 тыс. сербских солдат и офицеров⁶. Особенно ощутимым было превосходство интервентов в артиллерии и боевой технике. Только группа войск Макензена имела 1700 артиллерийских орудий и 100 самолетов, сербы — в несколько десятков раз меньше⁷.

Тем не менее первое время сербы упорно сопротивлялись. Немецкая газета «Кёльнише цайтунг» писала: «Сербы сражаются с

храбростью отчаяния. В битвах принимают участие не только солдаты, но и гражданское население»⁸. За первые 10 дней боев сербские войска вывели из строя около 20 тыс. солдат противника. Город Крагуевац оборонялся 26 дней, гарнизон на горе Авала — 12 дней⁹. «В селе Селевце, — сообщал командующий 11-й германской армией генерал Гальвиц, — 25-я дивизия была вынуждена вести уличные бои за каждый дом. В боях участвовало все население деревни, даже женщины. Было арестовано 400 женщин»¹⁰.

Вместе с сербами в эти трудные дни сражались русские матросы Экспедиции особого назначения, команда инженерного отряда, сооружавшая речные мосты на железной дороге Ниш—Кнежевац и на реках Дунай, Морава и Колубара, а также русские команды минеров и отряды береговой артиллерии. Многие русские солдаты и офицеры за проявленную отвагу были награждены сербскими орденами¹¹.

Однако война Сербии в одиночку против целой вражеской коалиции была бесперспективна. Сербские войска были вынуждены действовать на два фронта: против германских и австро-венгерских и против болгарских войск. В создавшейся ситуации страна могла надеяться только на помощь западных союзников¹². 16 октября регент Александр, а 17 октября глава правительства Пашич официально обратились к Англии и Франции с просьбой о немедленной присылке в Сербию войск для обороны временной столицы Сербии Ниша и железной дороги Битоль—Салоники¹³. На состоявшемся 18 октября совещании военных представителей Англии и Франции в Шантийи было принято решение отправить на Балканы две английские дивизии для усиления Экспедиционного корпуса на Салоникском фронте, но это решение не было осуществлено. Лондонская «Таймс» писала: «Английские полководцы не имеют права расширять губительную салоницкую авантюру»¹⁴. 22 октября Пашич направил английскому и французскому правительствам новую ноту с просьбой о помощи, полную отчаяния: «Если не позднее, чем через 10 дней, к нам на помощь из Салоник не прибудет 120—150 тыс. союзных войск, то все погибло... Мы обращаем к вам свой последний призыв»¹⁵.

Военный министр Герберт Китченер отрицательно отнесся к просьбе Сербии, заявив, что для отправки значительного количества войск нужно время, и послал ей 27 октября всего 2 дивизии, которые участвовали в мелких операциях по прикрытию одного из участков железной дороги Битоль—Салоники¹⁶. Франция направила в Сербию всего 2 батальона и одну горную батарею артиллерии, но 1 ноября отозвала эти войска обратно¹⁷.

Только 31 октября между Англией и Францией было достигнуто соглашение об увеличении Экспедиционного корпуса генерала Мориса Саррайля до 150 тыс. человек, но было уже поздно: к этому времени болгарские войска перерезали салоницкую железную дорогу, лишив Сербию возможности соединиться с союз-

никами. Видный английский ученый-археолог Артур Эванс писал в газете «Манчестер гардиан»: «Британская дипломатия заведомо оставила на произвол судьбы нашего сербского союзника и позволила ему погибнуть»¹⁸.

Другим фактором, способствовавшим национальной трагедии Сербии, были неблагоприятные внутренние условия, сложившиеся в результате общей анархии при отступлении сербской армии. Сербь стойко защищались на первом этапе войны, но вели лишь разрозненные арьергардные бои при отходе в глубь страны. Российский посланник Г. Н. Трубецкой так характеризовал сербскую армию: «Это было войско, обладавшее первоклассными боевыми качествами, которые оно не раз показало, но вместе с тем по своему складу сербская армия имела сходные черты с милицией. Сербский селяк особенно хорошо сражался, когда защищал родное село, близкий ему край. Ради этого достоинства он беззаветно жертвовал жизнью, но в его понятии не уживалось представление о возможности покинуть хотя бы на время эти родные места, не попытавшись их защитить»¹⁹.

Вот почему вместе с армией отходили местные жители. Поток беженцев был таким же грандиозным, как и во время первого наступления против Сербии имперских войск осенью 1914 г.²⁰ «Мужчины, женщины, дети, — сообщала немецкая газета „Фос-сише Цайтунг“, — сопровождают сербских солдат толпами в сто, тысячу человек и идут на север... Офицеры отгоняют женщин и детей, но они все идут и идут»²¹. Количество беженцев все увеличивалось. Та же газета писала 20 ноября 1915 г.: «Почти все население северной Сербии бежало в район западной Моравы, покидали свои дома, взяв с собой только необходимое, и бежало, чтобы не попасть неприятелю в руки»²². Г. Н. Трубецкой констатировал 1 ноября 1915 г.: «Вся Сербия представляет кочующую массу беженцев, не находящих крова и пищи при ненастии и бездорожьи»²³. Беженцы вносили дополнительную дезорганизацию при движении сербских войск, часто лишали их самого необходимого — хлеба и жилья, существовала опасность нового распространения эпидемий.

В довершение всего правительство и Верховное командование армии постоянно меняли свои решения о переносе временной столицы государства. Российский посланник писал в своих воспоминаниях: «Вопрос о том, оставаться или уезжать из Ниша и куда именно — обсуждался ежедневно в бесконечных и малопродуктивных заседаниях Совета министров. В этой бесполезной болтовне несчастные министры, привыкшие, как и все сербы, очень много говорить, отводили душу. Каждый день они перерешали то, к чему приходили накануне. Иностранные миссии получили из Министерства иностранных дел ноту, приглашавшую их приготовить тяжелый багаж... по назначению, которое еще было неизвестно... (Потом) решили эвакуировать миссии и правительственные учреждения временно в Краљево, а там дальше, как видно будет...»²⁴

После Кралево правительство эвакуировалось в небольшой городок Рашку, затем Чачак и Призрен. Население было дезорганизовано этими переездами. Положение усугублялось острыми противоречиями между правительством и главной квартирой армии. Вот что писал по этому поводу Г. Н. Трубецкой: «Между Верховной командой и Правительством никогда не было вполне хороших и согласных отношений. Во всем, что случалось во время войны, обе власти — военная и гражданская — ревниво следили друг за другом. Страна и армия переживали с начала войны ряд кризисов: вначале кризис боевого снабжения, потом неслыханное развитие эпидемий, потом кризис продовольственного снабжения армии, наконец, переговоры об уступках Болгарии по требованию Держав и в довершение всего обманутые надежды на выступление Греции, на быструю помощь союзников, неправильный учет неприятельских сил — все это следовало одно за другим; каждое из бедствий, недостатки организации и предвидения, ошибки, промахи, разбитые иллюзии — служили предметом взаимных обвинений»²⁵. Обе стороны упрекали друг друга в военном поражении. Никола Пашич конфликтовал с начальником штаба Верховного командования воеводой Радомиром Путником, среди министров и руководителей армии не было полного единства.

Неустойчивые элементы стали говорить о необходимости заключения сепаратного мира и капитуляции. Обнаружились скрытые коллаборационисты, в их числе оказались бывший министр времен царствования Обреновичей Вукашин Петрович, политические деятели Стоян Рибарац, Владан Джорджиевич и Воислав Велькович. Они остались в курортном местечке Врнячка Баня в ожидании неприятеля. По свидетельству современника событий военного историка Ж. Павловича одно время заколебался даже помощник Р. Путника воевода Живоин Мишич, высказавшийся за заключение мира с немцами²⁶.

Однако король Петр I, регент Александр, глава правительства Никола Пашич, большая часть министров, а также Верховное командование проявили стойкость. Пример хладнокровия и выдержки подавал сам председатель Совета министров Н. Пашич. «Он поражал своей бодростью и спокойствием, — констатировал российский посланник. — Глядя на него, можно было понять влияние, которое он оказывал на окружающих и Верховную команду, заряжая их своей непоколебимой верой в торжество правого дела. Оставшись с ним наедине, я откровенно поставил ему вопрос, как смотрит он на опасное настроение и ропот в населении и на толки об отдельном мире. Пашич, не обидясь, ответил мне, что если Сербию постигнет участь Бельгии, то и в этом случае лучше все перетерпеть, но не сдаваться, чтобы потом воскреснуть. Лично его все больше беспокоили колебания Англии относительно присылки войск в Салоники»²⁷. На заседании Совета министров в Крушеваце 29 октября под председательством Верховного командующего регента Александра было принято ре-

шение о продолжении войны с Четверным союзом даже в условиях эмиграции правительства и отступлении армии за пределы страны²⁸. Сербия не встала на колени перед захватчиками.

Планы германского блока относительно Сербии и России в период военного нашествия

У главных поджигателей войны на Балканах — германского и австро-венгерского империализма — в 1915 г., на заключительном этапе войны, когда она, по выражению министра финансов Венгрии Яноша Телеки, приняла «счастливый для Центральной коалиции характер»²⁹, имелись различные планы относительно побежденной Сербии, а также ее союзницы России.

«Теперь, — писала швейцарская германофильская газета «Нойе Цюрихер Цайтунг» 23 октября 1915 г., — великое дело свершилось: от Остенде до Багдада широкой полосой пролегает огромная империя, которая в будущем, может быть весьма недалеко, еще прочнее сплотится в единую Четверную империю: Германию, Австро-Венгрию, Великую Болгарию и Оттоманскую Порту. В экономическом смысле этот новый союз государств захватит в свои руки гегемонию над Старым Светом»³⁰.

Руководящую роль в этой империи, как уже отмечалось выше, должна была играть Германия, что предусматривалось планом «Срединной Европы».

10—11 ноября в Берлине был подписан договор между дунайской империей и Германией об экономическом и политическом союзе двух государств сроком на 30 лет, по существу превращавшем Австро-Венгрию в сателлита Германии³¹.

Этот договор и план «Срединной Европы» в целом имели различные толкования среди военных и гражданских властей Германии. Военные круги, начавшие все больше набирать силу, отесняя на второй план самого императора Вильгельма II, рассматривали победу на Балканах как промежуточный этап в войне против держав Антанты. С их точки зрения «Срединная Европа», т. е. государства, присоединившиеся к германскому блоку, были главным образом резервуаром «пушечного мяса», которое надо немедленно использовать на других фронтах, чтобы успешно завершить войну. Военные круги считали Балканы удобным местом для связи с союзной Турцией и хотели направить болгарскую армию, а при благоприятном развитии событий греческие военные силы против салоникского Экспедиционного корпуса Антанты. Они по-прежнему были не прочь удовлетвориться капитуляцией Сербии и заключить с ней сепаратный мир с тем, чтобы двинуть сербские войска после перемирия против Италии. Среди военных снова появились планы сохранения Сербии как государства, находившегося под протекторатом Германии, но недостаточно сильного и нежизнеспособного. С этой целью военные идеоло-

ги и руководители немецкой армии Эрих фон Фалькенгайн, начальник штаба армии Макензена Ханс фон Зеект, близкий по своим взглядам к милитаристам Курт Риецлер³² еще раз выступили с проектом передачи Сербии северной Албании, т. е. за участие ее войск в изгнании из этой страны итальянцев и за предоставление сербскому государству выхода к Адриатическому морю.

Военные круги и отчасти правительство Германии, как и ранее, не возражали против слияния Сербии и Черногории и готовы были примириться даже с тем, что во главе этого государства окажется династия Карагеоргиевичей. Существовала также идея воцарения в Сербии кого-нибудь из Гогенцоллеров или креатуры Берлина, побочного сына бывшего сербского короля Милана Обреновича Георгия³³. «Наша задача,— записал еще 27 сентября в своем дневнике Курт Риецлер,— создать новый Балканский союз при немецком протекторате»³⁴.

По-иному понимали программу «Срединной Европы» монополистические круги. Они стремились прежде всего к созданию рынка для сбыта немецких товаров и расширению сфер приложения капиталов. Представители германских монополий имели широкоидущие планы экономического поглощения соседних стран, распространения влияния Германии на всю северную, восточную и центральную Европу³⁵.

При этом оба направления среди правящих кругов Германии смыкались в отношении России. И военные, и монополисты стояли за экспансию на Восток, за завоевание Европейской России или за ее расчленение. Западногерманский прогрессивный историк Ф. Фишер в своей фундаментальной монографии «Прыжок к мировому господству» убедительно раскрыл эти планы немецкого империализма. Еще в сентябре 1915 г. кайзеровское правительство рассмотрело и одобрило меморандум группы промышленников и военных о «завоевании территории всего Востока»³⁶. Единственная возможность нашего расширения в Европе, говорилось в этом документе, это «славянский Восток»³⁷. В меморандуме предусматривался захват Германией Прибалтики, Украины, Крыма, Кавказа, Донской области или их отделение от России и создание буферных государств³⁸.

С этими планами относительно России были согласны в Вене (и в 1918 г. участвовали в их осуществлении), но имели собственное мнение по вопросу о Балканах, резко расходившееся с немецким. Прежде всего правящие круги монархии Габсбургов рассматривали Балканы как сферу своих, а не германских интересов и не собирались ничего уступать Берлину. Среди господствующей элиты в Австро-Венгрии высказывались три точки зрения по поводу побежденной Сербии и упомянутого германского проекта. На крайних, великодержавных позициях стоял лидер военной партии генерал Конрад. После победы над Сербией он снова резко активизировался, заявив, что Германия хочет выбить монархию Габсбургов «из седла». Начальник Генерального шта-

ба Австро-Венгрии в ноябре направил министру иностранных дел И. Буриану меморандум по сербскому вопросу, в котором выражалось требование о ликвидации Сербии как самостоятельного государства и аннексии ее территории, а также оккупации территорий Черногории и Албании войсками Австро-Венгрии, Болгарии и Германии (по взаимному соглашению). С Конрадом в принципе был согласен и ведущий сотрудник МИД граф Форгач.

Иную точку зрения по разным причинам высказал министр-президент Венгрии граф И. Тиса, повторивший свои прежние опасения о нарушении равновесия в монархии в результате присоединения к ней Сербии. В интервью венской газете «Нойе фрайе прессе» от 3 ноября Тиса заявил, что «Сербия должна быть уменьшена и ослаблена» и поставлена под контроль монархии. По словам Тисы, необходимо добиваться того, чтобы навсегда ликвидировать опасность превращения Сербии «во взрывоопасный очаг» беспокойства для Австро-Венгрии³⁹.

В то же время глава венгерского правительства выдвинул план присоединения к Венгрии Боснии и Герцеговины и Далмации, аргументируя свои предложения тем, что Австрия получает «русскую Польшу», что может привести к нарушению существующего баланса сил в двуединой монархии. Эту идею еще 2 октября подхватило венгерское правительство, направившее императору соответствующий меморандум.

В отношении Германии Тиса проявлял осторожность. Он стоял за военный союз с Берлином, но крайне опасался осуществления плана «Срединной Европы», отдавая себе отчет в том, что в результате Германия поглотит Австро-Венгрию.

Третью точку зрения, близкую к позиции Тисы, но не по всем пунктам совпадающую с ней, высказывал министр иностранных дел Австро-Венгрии барон Иштван Буриан. Положение Буриана было более сложным, чем Конрада и Тисы. Как руководитель дипломатии Буриан вынужден был вести более тонкую игру, не раскрывая своих взглядов или камуфлируя их во время встречи с немецкими дипломатами и государственными деятелями, которые осуществляли прямой нажим на представителя союзной монархии.

В такой ситуации, например, Буриан оказался во время посещения Берлина 10 и 11 ноября, когда канцлер Германии Бетман Гольвег и статс-секретарь по иностранным делам фон Ягов вновь, уже в третий раз, подняли вопрос о возможности заключения с Сербией сепаратного мира после ее капитуляции, а Буриан вежливо, но настойчиво выдвигал контрпредложения, уверяя собеседников в двух вещах: в том, что Сербию надо ликвидировать как государство и установить протекторат Австро-Венгрии над Албанией⁴⁰.

Это была, так сказать, программа-максимум, но у Буриана имелась и программа-минимум, рассчитанная на достижение компромисса с германской дипломатией. Он считал возможным сохранение урезанного сербского государства, но при этом на-

стаивал на включении в состав монархии Габсбургов наиболее плодородных районов, таких, как Мачва, и самые развитые в экономическом отношении территории с Белградом во главе. Буриан заявлял, что эти территории тесно связаны с имперским рынком и находятся в «сфере интересов» Австро-Венгрии⁴¹. Выражая требования венгерско-австрийских промышленников и торговцев, министр выдвигал предложение о передаче контроля над железными дорогами и речными путями в руки дунайской монархии, о создании единого таможенного союза под ее руководством и ряд других.

Проекты Буриана встретили сопротивление не только Германии, но и членов Четверного союза — Болгарии и Турции. Первая претендовала на всю Македонию и ту часть Сербии, которую хотел заполучить Буриан. Турция стремилась сохранить на своих балканских границах несколько слабых государств вместо сильной Австро-Венгрии. Она склонялась скорее к планам Германии, чем дунайской империи.

Таким образом, и после завершения военной кампании против Сербии и Черногории среди стран германского блока не было достигнуто единства взглядов на сербскую и общевосточную проблему. «Мы перешагнули горы трупов среди чужих и своих солдат, но не добились единства», — сетовал начальник Оперативного отдела Генерального штаба Австро-Венгрии А. Урбански фон Остримец⁴².

Трагедия

Тем временем сербская армия отступала, пытаясь вырваться из огненного кольца. Болгарские войска перерезали пути ее отхода по линии Битоль—Салоники и мешали соединиться с английскими и французскими войсками, немцы и австрийцы заняли центральную и почти всю северную Сербию, двигаясь навстречу болгарам, сербам оставался один единственный путь — через горы Черногории и Албании к Адриатическому морю и на греческий остров Корфу.

Но это решение означало, что сербское правительство оставляет население страны на милость победителям. Вот как описывал реакцию населения на этот шаг правительства и Верховного командования сербской армии полковник Л. Маркович: «Еще 24 часа тому назад они (жители и солдаты. — Ю. П.) были свободными гражданами. А сегодня! Для них закатилось сербское солнце и наступила тьма. Около 4 час. 30 мин. пополудни к штабу прибыли автомобили. Всех нас охватила тоска. Наступил тяжелый момент. У меня сжималось горло, я смотрел на седых стариков и матерей с детьми. Их взгляды спрашивали: на кого вы нас покидаете?»⁴³.

Большинство населения, все, кто мог идти, отправилось вместе с армией. Корреспондент газеты «Фроссше дайтунг» в статье «Как погибла Сербия» писал: «Целые десятки тысяч людей —

стариков, женщин и детей, нагруженные домашним скарбом, потянулись в нелюдимые ущелья албанских и черногорских гор, не подозревая о том, что там их ждет верная смерть от голода и холода»⁴⁴. В поход с сербской армией отправились 30 тыс. молодых людей, будущих солдат. Из них только 15 тыс. добрались до моря, остальные погибли в пути⁴⁵.

В обозе двигались чиновники и служащие государственных учреждений, депутаты Народной скупщины и профессора Белградского университета, учителя гимназий и журналисты, работники печати, монахи и священники, иностранные дипломаты и среди них посланник России Г. Н. Трубецкой. Последний перед походом повредил себе ногу, но стойчески перенес трудности дороги. Вместе с посланником в путь отправился русский медицинский персонал — он не захотел бросить сербскую армию. Не оставил ее и семидесятилетний король Петр I, которого солдаты часто несли на руках. Сербские войска вели с собой и военнопленных. Их численность составляла 35—40 тыс. человек⁴⁶. Всего же в отступлении участвовало около 250 тыс. человек. Из них только половина добралась до о. Корфу⁴⁷.

Вслед за военным поражением Сербии в феврале 1916 г. капитулировала Черногория. Ее король Николай I Негош-Петрович бежал из страны, которая была оккупирована австрийскими войсками.

Однако история неслыханных страданий для сербского народа не закончилась. Прошли еще почти три долгих года войны, прежде чем он восстановил свою свободу и государственную независимость.

⁴⁴ См. подробнее: *Лазаревич М.* Борба око Београда 1915 године. Београд, Б. г.

⁴⁵ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3462. Л. 26.

⁴⁶ См.: *Rat Srbije i Crne Gore*, 1915. Beograd, 1954. S. 148—181.

⁴⁷ *Macensen A. von.* Briefe und Aufzeichnungen. Leipzig, 1938. S. 223.

⁴⁸ *Корсун Н. Г.* Балканский фронт мировой войны, 1914—1918. М., 1939. С. 26—28.

⁴⁹ ВРС. Београд, 1926. Кн. VIII. С. 24—25; *Österreich-Ungarns letzter Krieg*, 1914—1918. Wien, 1933. Bd. 3. S. 33.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ ЦГИА СССР. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 21. Л. 168.

⁵² Там же. Д. 20. Л. 91.

⁵³ Цит. по: *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. С. 141.

⁵⁴ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5462. Л. 3—7, 26, 38, 146.

⁵⁵ *Stanković Đ.* Nikola Pašić, saveznici i stvalanje Jugoslavije. Beograd, 1984.

⁵⁶ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX. С. 7, примеч. 1.

⁵⁷ Times. 1915. 15.X.

⁵⁸ АВПР. Ф. Канцелярия. 1915 г. Оп. 470. Д. 63. Л. 467.

⁵⁹ *Корсун Н. Г.* Указ. соч. С. 36.

⁶⁰ Там же. С. 51.

⁶¹ Manchester Guardian. 1915. 17.II.

⁶² *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914—1917 гг. С. 176.

⁶³ *Ланчевич Д.* Окупација. Београд, 1926. С. 32.

⁶⁴ Цит. по: *Милић Д.* Београд под окупацијом у правом светском рату. Београд, 1958. С. 282—283.

- ²² Fossische Zeitung. 1915. 20.IX.
- ²³ АВПР. Ф. Канцелярия. 1915. Оп. 470. Д. 63. Л. 478. Г. Н. Трубецкой — МИД. Ниш, 1915 г. 1.XI.
- ²⁴ Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 177.
- ²⁵ Там же. С. 174.
- ²⁶ Записници Министарског савета Србије, 1915–1918. Београд, 1976. С. 187.
- ²⁷ Трубецкой Г. Н. Указ. соч. С. 184.
- ²⁸ Там же. С. 174–175.
- ²⁹ Цит. по: Лебович М. Ф. Господствующие классы Венгрии в первой мировой войне // Первая мировая война. М., 1968. С. 130.
- ³⁰ Neue Züricher Zeitung. 1915. 23.X.
- ³¹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. S. 258–259.
- ³² Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. S. 345.
- ³³ Ђорђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије, 1906–1911. Београд, 1962. С. 37.
- ³⁴ Riezler K. Op. cit. S. 200–201.
- ³⁵ Naumann F. Mitteleuropa. B., 1915. S. 29–31.
- ³⁶ Fischer F. Op. cit. S. 187–188, 225, 228–259.
- ³⁷ Ibid. S. 187–189.
- ³⁸ Теодоровић И. М. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. // Первая мировая война. М., 1969. С. 116–118.
- ³⁹ Mitrović A. Prodor na Balkan i Srbija. S. 292–293.
- ⁴⁰ Hantsch H. Leopold Graf Berchtold. S. 752.
- ⁴¹ HHSTA. Wien. PA. K. 503. Запись И. Буриана от 14.XI.1915; Mitrović A. Op. cit. S. 293–296.
- ⁴² Urbansky von Ostrymiez A. Conrad und Reise Thronfolger nach Sarajevo // ВМ. N 1. 1924.
- ⁴³ Из минулих дана. Успомене из 1915–1918 године од пуковника М. Марковића. Београд, 1920. С. 31.
- ⁴⁴ Fossische Zeitung. 1915. 25.XI.
- ⁴⁵ Нотовић Ф. О. Разгром Србије в 1915 и «помощь» союзников // Красный арх. 1934. Т. IV–V (65–66). С. 71.
- ⁴⁶ Hrabak B. Austro-ugarski zarobenici u Srbiji 1914–1915 godine prilikom povlačenja kroz Albaniju // Zbornik Historijskog instituta Slavonije. Slavonski Brod, 1964. Sv. 2. S. 196.
- ⁴⁷ См.: Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 150–152, 152–166.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В середине ноября 1915 г., после бегства сербского правительства из Ниша, в этом городе была назначена историческая встреча трех монархов-победителей: императора Германии Вильгельма II Гогенцоллерна, австрийского императора Франца Иосифа Габсбурга и болгарского царя Фердинанда I Кобурга. В Берлине, Вене и Софии предстоящему свиданию придавали большое значение. Оно должно было продемонстрировать военное могущество союзников и единство их взглядов на дальнейший ход войны. Для болгарского царя назначенная церемония имела особое значение: впервые за последние годы он был удостоен чести стоять на военном параде рядом с главами двух великих держав, которые ранее при посещении Фердинандом Берлина и Вены не уделяли ему непосредственного внимания, посылая для переговоров своих министров.

Однако ожидаемых торжеств не получилось. Сначала, сославшись на нездоровье, отказался от поездки на Балканы Франц Иосиф. Затем возникли другие сложности. Бывшая многолюдная временная столица Сербии г. Ниш встретила августейших особ кладбищенской тишиной: на улицах не было народа, никто не предложил «хлеба-соли», состоявшийся парад войск носил помпезный, но строго официальный характер. В довершение всего Фердинанду доложили о дезертирстве болгарских солдат, отказавшихся воевать против России. Российский посланник в Сербии Г. Н. Трубецкой писал в воспоминаниях, что уже в ноябре из Ниша началось бегство болгарских солдат, которые присоединялись к отряду русских моряков, отступавших вместе с сербским войском в Черногорию¹.

Расстроенный Фердинанд вернулся в Софию, а Вильгельм II направился в Вену для встречи с Францем Иосифом.

Об этом свидании не сохранилось официальных документов. Оно происходило с глазу на глаз, во время беседы и после нее не велось записей, и об ее содержании можно судить лишь по косвенным данным. Биограф Франца Иосифа Маргутти в своей книге воспоминаний «О старом императоре»² зафиксировал, например, различие настроений двух собеседников: бравурно-оптимистическое у Вильгельма II и подавленно-пессимистическое у Франца Иосифа. Мемуарист объяснял это недомоганием восьмидесятипятилетнего австрийского императора (на следующий год Франц Иосиф умер), которого мучали подагра и бессонные раздумья.

О чем же мог раздумывать старый монарх? Современники высказали предположение, что Франц Иосиф в последний год своей жизни часто сомневался в правильности избранного им пути. Императора, писали они, волновала проблема войны и мира, т. е. та, которая была ключевой для монархии.

Существовала ли необходимость военного конфликта с Сербией и Россией или взаимоотношения с этими государствами можно было построить на мирной основе? Франц Иосиф, как известно, опасался, что война может привести к революции и распаду многонациональной монархии. Он был также скрытым противником гегемонистских планов Германии и не мог согласиться с идеей Берлина о создании так называемой «Срединной Европы», что привело бы к поглощению австрийской империи немецким райхом.

Вильгельм II во время названной встречи предложил проект экономической интеграции двух государств, но это предложение не нашло поддержки у австро-венгерского монарха.

Вряд ли также Франц Иосиф возликовал при сообщении кайзера «о полной победе» германской коалиции над Антантой на Балканах. Поражение Сербии и Черногории, конечно, обрадовало монарха, но одновременно возник вопрос о дальнейшей судьбе этих государств. Их территории подлежали оккупации войсками Четверного союза. Но как долго должна была продлиться эта оккупация, будет ли участвовать в ней Германия, что достанется Австро-Венгрии и что Болгарии, какие выгоды от победы над Сербией извлечет для себя Австро-Венгрия? Эти и другие вопросы беспокоили Франца Иосифа.

Предметом его раздумий могла стать судьба самой дунайской империи в случае продолжения войны. Балканская кампания не решила всех задач, стоявших перед германской коалицией. Сербия была разгромлена, но не покорилась, продолжая войну, русская армия к концу 1915 г. прекратила отступление, а на галицийском участке фронта, т. е. той части театра военных действий, который имел прямое касательство к Австро-Венгрии, готовила контрнаступление; Англией и Францией был создан новый, Салоникский фронт, Италия угрожала империи в районе Адриатики. В этих условиях отвлечение части имперских войск на выполнение оккупационных функций в Сербии и Черногории могла иметь лишь негативные последствия.

Заботой Франца Иосифа был также вопрос о внутренней жизнестойкости монархии. Военная диктатура, введенная в стране в конце 1914 г., не привела к стабилизации режима. В Хорватии, Словении, Далмации и других национальных окраинах проявлялись центробежные тенденции.

Не все гладко обстояло во взаимоотношениях Австрии и Венгрии. Растущий мадьярский империализм оказывал сопротивление австрийскому гегемонизму. В Будапештском парламенте подняли возню вокруг вопроса о возможном присоединении к Австрии земель «русской Польши», потребовав взамен воссоединения с

Венгрией Боснии, Герцоговины и приморской части Далмации от порта Фиуме на юг до Дубровника. Некоронованный король Венгрии граф Иштван Тиса набирал силу, а назначение на пост министра иностранных дел его сторонника барона Буриана вместо покорного монарху Леопольда Берхтольда создавало для Франца Иосифа новые сложности.

Довольно непростым было и положение Вильгельма II, который на встрече с Францем Иосифом проявлял показной оптимизм. Германский император, несмотря на военные успехи на Балканах, потерял свое первоначальное влияние на ведение государственных и военных дел. Многие проблемы военного строительства и дипломатической деятельности по мере продолжения войны решались теперь не им, а «железным генералитетом» — П. Гинденбургом, Э. Фалькенгайном и Э. Людендорфом, в сфере дипломатии — канцлером Теобальдом Бетман Гольвегом и руководителем внешнеполитического ведомства на Вильгельмштрассе Готлибом фон Яговым. Они, а не кайзер, вели переговоры с Бурианом о будущих условиях мира с Сербией, Фалькенгайн непосредственно встречался с генералом Конрадом для определения военно-стратегических задач.

Балканская военная кампания 1915 г. не удовлетворяла в полной мере ни германское правительство, ни немецкий генеральный штаб.

Макензен и болгарское командование допустили серьезную ошибку, позволив сербской армии вырваться из кольца. Берлинской дипломатией не была выполнена задача привлечения на сторону Четверного союза Греции, ей не удалось также сколотить новый антирусский и антиантантовский Балканский союз. Присчетом штаба группы немецких и австро-венгерских войск на Балканах явился отказ от наступления на Салоникском фронте, чем незамедлительно воспользовались Англия и Франция, высадившие в Греции 150-тысячный Экспедиционный корпус генерала М. Саррайля.

Германский империализм, имевший широкие захватнические цели на Востоке, просчитался в отношении России. Перевооружив свою армию, Российская империя постепенно от обороны перешла к активному сопротивлению, а в 1916 г. осуществила контрнаступление (Брусиловский прорыв в Галиции).

Начальник штаба русской Ставки генерал М. В. Алексеев снова выдвинул план военной помощи Сербии³. В конце октября в районе Одессы начал формироваться Сербский добровольческий корпус из числа военнопленных югославян, который должен был быть отправлен на Салоникский фронт.

В другом конце Европы, в Лондоне, в 1915 г. тоже был создан очаг сопротивления югославян германо-австрийскому империализму — так называемый Югославянский комитет. В его состав вошли общественные деятели — политические эмигранты из Австро-Венгрии. Комитет провозгласил своей задачей ликвидацию монархии Габсбургов при помощи ее военного поражения и со-

здания на ее развалинах независимого югославянского государства.

Таким образом, уже в 1915 г. были заложены идеи государственного объединения сербов, хорватов и словенцев, и военное поражение Сербии не помешало их осуществлению. Сербия, словно легендарная птица Феникс, в 1918 г. восстала из пепла, присоединив к себе югославянские территории распавшейся монархии Габсбургов. Вопрос об исторических судьбах противоборствующих государств в годы первой мировой войны — Австро-Венгрии и Сербии — найдет более подробное освещение в следующей книге «От национальной катастрофы — к национальному возрождению», над которой уже работает автор.

¹ *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914—1917 гг.

² *Margutti A.* Vom alten Kaiser. Wien, 1921.

³ ЦГА ВМФ СССР. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3445. Л. 93. М. В. Алексеев — начальнику Главного морского генерального штаба. Ставка. 1915. 27.X.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия империализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299–426.
- Ленин В. И. Новая глава всемирной истории // Там же. Т. 22. С. 155–156.
- Ленин В. И. Балканские народы и европейская дипломатия // Там же. С. 142–143.
- Ленин В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед // Там же. С. 186–188.
- Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Там же. Т. 26. С. 13–23.

Опубликованные документы

- Аустро-угарски ултиматум Србије и одговор српске владе 1914 // Тридесет дана. Београд, 1949. С. 44–45.
- Боровић В. Дипломатска преписка Краљевства Србије, 1902–1914. Београд, 1925.
- Дипломатически документи по намесата на България в Европейската война. С., 1920. Т. 1.
- Дипломатска преписка о српско-аустријском сукобу/МИД. Ниш, 1914.
- Дневник МИД за 1915–1916 // Красный арх. 1923. № 4; 1928. № 6; 1929. № 1; 1932. № 5/6; 1933. № 3.
- Документи о спољној политици Краљевине Србије, 1903–1914. Београд, 1981–1982. Књ. 7, св. 1/2.
- Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922.
- Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий об обороне государства, 1915. М., 1975.
- Заговор против мира: Как была развязана первая мировая война: Факты и даты. М., 1934.
- Запасници Министарског савета Србије, 1915–1918. Београд, 1976.
- Зеленая книга. Пг., 1916.
- Каутский К. Как возникла мировая война: По документам германского МИД. М., 1924.
- Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. 1.
- Константинополь и проливы. М., 1925. Т. 1.
- Красный архив. М., 1928. Т. 3–4. 1928.
- Кто должник? Сб. документов и ст. М., 1926.
- Љубурић А. Капитулација Црне Горе: Документи. Београд, 1938.
- Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922.
- Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов парского и Временного правительства, 1878–1917. Сер. 3. 1914–1917. М.; Л., 1931–1938. Т. 1–10.
- Начало войны, 1914: Поденная запись бывшего МИД // Красный арх. М., 1925. Т. 4.
- Неколико докумената из 1913 до 1915 години // Записи. Цетинье, 1937. Св. 1/2.
- Сборник дипломатических документов: Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. М., 1914.
- Синяя книга: Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Пг., 1915.

- Шурмин Б.* Документи за Видов дан // ЛМС. 1929. Св. 2.
L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale.
 Documents. P., 1962. Vol. 1.
Auswärtiges Amt, 1939–1941. B., 1941.
Barac F. Les Croates et les Slovenes ont été les amis de l'Entente pendant la Guerre. P., 1919.
Bittner D., Übereberger H. Serbiens Aussenpolitik, 1917–1918. Wien, 1945. Bd. 3: (26 Mai bis 6 August 1914).
Bogitschewitsch M. Die Auswärtige Politik Serbiens, 1905–1914. B., 1928–1931. Bd. 1–3.
 British documents on the origins of the war, 1898–1914. L., 1926–1932. Vol. 1–9.
 Der diplomatische Schriftwechsel Iswolski, 1911–1914: Aus dem Geheimakten in deutsche Übersetzung der Russischen Staatsarchive. B., 1924.
 Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch. B., 1927.
 Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914: Sammlung der Akten des Deutschen Auswärtigen Amts. B., 1926. Bd. 20, 34.
 Die Jülkrise und der Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Darmstadt, 1983.
 Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914: Ergänzungen und Nachträge zum Österreichisch-Ungarischen Rotbuch. Wien, 1919. Bd. 1–3.
 Documents diplomatiques français relatifs aux origines de la guerre 1914. 3^e sér. P., 1935–1936. Vol. 10–11.
 Documenti diplomatici italiani. Roma, 1953. Vol. 1.
 Grosserbische Umtriebe vor und nach Ausbruch der ersten Weltkriegs. Wien, Bd. III, 1944.
 Julkrise und Kriegsausbruch: Eine Dokumentensammlung/Hrsg. J. Geiss. Hannover, 1936–1964. Bd. 1, 2.
Kapidžić H. Ispisi iz bečkih arhiva o predistoriji prvog svetskog rata // Glasnik arhiva i društva arhivskin radnika Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1970–1971. Knj. 10.
 Mlada Bosna: Pisma i prilozi. Sarajevo, 1954.
 Montenegrische Dokumente zum Ausbruch des Weltkrieges // BM. 1931. N 11.
 Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914: Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Aussern. Wien; Leipzig, 1930. Bd. 1–9.
 Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1914–1918). Budapest, 1966.
 Sarajevski atentat: Izvorne stenografske beleške. Sarajevo, 1954.
 Sarajevski atentat: Pisma i saopćenja. Sarajevo, 1965.
 Sarajevski atentat: Stenogram Glevne rasprave proti Gavrila Prinsipa i drugih 1914. Sarajevo, 1954.

Неопубликованные документы

- Архив внешней политики России.
 Фонды: Политический архив; Канцелярия 1914, 1915; Особый политический архив.
 Архив Академије наука и уметности Србије. Ф. Н. Пашић, К. Стојановић и др.
 Arhiv Bosne i Hercegovine. Präsidial Bosne i Hercegovine.
 Архив Војно-историјског института Југословенские народне армије, Ф. Генералштаб.
 Архив Института историји у Београду. Ф. Црна рука. Рукописна оставштина.
 Архив Југославије. Ф. Јован Јовановић: Краљевски двор. Посланство у Лондону. Преписка председника Савета министара, Посланство у Петрограду.
 Архив Института за пољопривреду. Ф. Организацији «Уједињење или смрт».
 Архив Историјског института Црне Горе. Титоград. Ф. Рукописна оставштина.

- Архив Кралевског двора на Цетињу. Ф. Преписка краља Николе I. Венгерский государственный архив (Magyar Országos Levéltár). Ф. Совет министров, Министерство внутренних дел, Министерство по делам Хорватии.
- Государственный архив Австрии. (Haus-Hof und Staatsarchiv in Wien). Ф. Krieg 1914, Ausseministerium, Politisches Archiv.
- Државни архив Државног секретариата иностраних послера Југославије. Политичко одељење. Ф. Савет министара, Српско посланство у Петрограду, Преписка Н. Пашића и др.
- Државни архив Црне Горе. Ф. Министарство иностраних послера, Министарство финансија.
- Ленинградский областной государственный исторический архив. Ф. Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество.
- Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Ф. Главное управление Генерального штаба (рапорты военного агента России в Сербии полковника В. А. Артамонова).
- Центральный государственный исторический архив СССР. Ф. Совет министров, Министерство торговли и промышленности, Общая канцелярия министерства финансов, Российская палата по внешней торговле, Главное управление по делам печати, Комитет по делам печати иностранной, Петербургское телеграфное агентство, Министерство земледелия и землепользования.
- Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР. Ф. Главный морской штаб, Морской генеральный штаб.

Дневники, мемуары, переписка

- Алексеев М. В. Из дневника // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1.
- Артамонов Николай Викторович – письма Ю. А. Писареву (СПА, Калифорния, X–XI. 1988).
- Балутжић Ж. Око уласка Бугарске у светски рат // СКГ. Нови Сад, 1923. Књ. 9.
- Бетван-Гальвег Т. Мысли о войне. М., 1925.
- Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935.
- Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Берлин, 1924.
- Вильгельм II. Мемуары. События и люди, 1878–1918. М.; Л., 1923.
- Гризингер З. Београд уоћи и објави рата // Политика. 1930. 5.X, № 8088.
- Данев С. Мои аудиенции с императора Николай II // Сила. С., 1922. 28.XI.
- Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915. Берлин, 1924.
- Жофр Ж. Ратни мемоари. Београд, 1956.
- Живковић М. Пад Црне Горе: Прилог српске историји за време од 23 септембра 1915 по 9 јануара 1916. Београд, 1923.
- Извольский А. П. Воспоминания. Пг., 1924.
- Јовановић Ј. Сарајевски атентат и планови Франца Фердинанда // СКГ. Нови Сад, 1924. № 5.
- Јовановић Ј. Порекло светског рата // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1930. Књ. 39.
- Јовановић Ј. Руси за Србију // Политика. 1930. 18.XI.
- Јовановић Ј. Аустријска тајна архива 1914 // Записи. Цетиње, 1931. Књ. III С. 33–34.
- Јовановић Ј. Стеван Тиса и Србија, 1914–1916: Одговорност Мађарске за рат. Сремски Карловци, 1931.
- Јовановић Ј. Аустрија и Русија (1914) // Руски архив. Београд, 1932. Т. 18–19.
- Јовановић Ј. Руска хроника за 1914 // СКГ. 1933. Књ. 38.
- Јовановић Ј. Одлучујући корак у светском рату // Там же. 1934. Т. 28/29.
- Јовановић Ј. Франц Фердинанд и Босна // Преглед, 1934. № 10.
- Јовановић Ј. После Видована // Крв словенства: Спомени на десетогодишњице светског рата. Београд, 1924.

- Jovanovic S.* Moji savremenici: Uros Petrović Jovan Skerlec, Apis // Glas Kanaadskih srba. Vindsor, 1962. 2–18. VIII; 18.X.
- Камбон К.* Дипломат. М., 1946.
- Кокочов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919. Париж, 1933. Т. 1–2.
- Куль Г.* Германский генеральный штаб: Его роль в подготовке и ведении войны. М., 1922.
- Ланчевид Д.* Оккупација. Београд, 1921.
- Лизновский К.* Моя миссия в Лондоне, 1912–1914. М., 1949.
- Ллойд Джордж.* Военные мемуары. М., 1934–1938. Т. 1–6.
- Луи Ж.* Записки посла. М., 1925.
- Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне, 1914–1918. М., 1924. Т. 1–2.
- Маджаров М.* Дипломатическая подготовка на наших войни. С., 1932.
- Максимовид С.* Успомене из окупације немачке, аустријске и бугарске, 1914–1918. Београд, 1919.
- Марескотти Л.* Дипломатическая война: Воспоминания, М., 1944.
- Милуков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2.
- Мишић Ж.* Моје успомене. Београд, 1985.
- Морель Э.* Десет лет секретной дипломатии. М.; Л., 1928.
- Неклюдов А.* При Фердинанд Български. С., 1920.
- Никола Пашић.* 10.XII.1926–10.XII.1933: Поводом десетогодишњице. Београд, 1937.
- Никола I.* Мемуары. Цетиње, 1929.
- Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1923.
- Паћу Л.* Судбоносни дани у Нишу // Политика. 1930. 7.XI. № 8094.
- Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894–1914.* М., 1923.
- Поповид Д.* Изволски и Ерентал: Дипломатске успомене из анексионој кризе. Београд, 1927.
- Поповид Д.* Дипломати у Петрограду // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1935. Књ. XIII.
- Поповид Ч.* Аписово саопштење зашто је наредио да се убије Фрања Фердинанда // Нова Европа. 1922. Књ. XXX.
- Поповид Ч.* Организација уједињење или смрт (Црна рука) // Там же. 1927. 11.XI.
- Поповид Ч.* Сарајевски атентант и организација «Уједињење или смрт» // Нова Европа. 1932.
- Последни часови и речи Хартвигова* // Политика. 1932. № 9499.
- Протић С.* Један сведок // Радикал. Београд, 1922. № 75.
- Пуанкаре Р.* Происхождение мировой войны. М., 1924.
- Пурталес Ф.* Между миром и войной: Мои последние переговоры в Петербурге. М.; Пг., 1923.
- Радовић А.* Црна Гора у евроском рату // Слободна мисао. Београд, 1931. № 1–5, 14–18, 24–28, 32, 33, 35, 40.
- Рейсс Р.* Как австро-венгры вели войну в Сербии: Расследования, произведенные на местах подданными нейтральных держав. Лозанна, 1916.
- Розен Р., барон.* Европейская политика России. Пг., 1917.
- Сазонов С. Д.* Воспоминания. Берлин, 1927.
- Спалајковић М.* Драма Русије. Београд, 1919.
- Спалајковић М.* Господин Пашић // Политика. 1926. № 6533–6535.
- Споменика Никола. Пашича, 1845–1925.* Београд, 1925.
- Стид У.* Енглези и рат // Југословенски гласник. Ниш, 1915. № 1.
- Сухомилинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1924.
- Сфорцо К.* Никола Пашић и уједињење Југословји: Ратни и дипломатски успомене. Београд, 1937.
- Трубецкой Г. Н.,* Русская дипломатия в 1914–1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983.
- Чернин О.* В дни мировой войны: Воспоминания. М., 1923.
- Andrássy J.* Diplomatie und Weltkrieg. В., 1920.
- Artamonov V. A.* Erinnerungen an meine Militärattaschezeit in Belgrad // ВМ 1939. N 7/8.

- Baurneithner J.* Fragmente eines politischen Tagebuch: Die südslawische Frage und Österreich-Ungarn vor dem Weltkrieg. B., 1928.
- Betmann-Holweg T.* Betrachtungen zum Weltkrieg. B., 1919. Bd. 1.
- Bilinski L.* O sarajevskom atentatu i generalu Potioreku // Pregled. 1936. N 12.
- Burian I.* Drei Jahre aus der Zeit meiner Amstführung. B., 1923.
- Cistler R.* Kako sam branio Principa i drugove 1914 godine. Ljubljana, 1937.
- Conrad von Hötzendorf F.* Aus meinen Dienstzeit, 1906–1918. Wien etc., 1921–1923.
- Cormons E.* Schicksale und Schatten. Salzburg, 1951.
- Czilassy I.* Der Untergang der Donau-Monarchie: Diplomatische Erinnerungen. Belrin, 1921.
- Dobrorolsky S.* Die Mobilmachung der russischen Armee, 1914. B., 1923.
- Falkenhay E.* Der Feldzug der 9. Armee gegen die Russen, 1916–1917. B., 1921. Bd. 1–2.
- Giesl W.* Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient. B., 1927.
- Grey of Fallodon.* Twenty life years, 1892–1916. L., 1926. Vol. 1–2.
- Grisinger J.* Die kritische Tage von Serbien // BM. 1939. N 9.
- Hoyos A.* Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Österreich-Ungarns. B., 1922.
- Hubka G. von.* Kritische Tage in Montenegro // BM. 1931. N 1.
- Lützov H.* Im diplomatischen Dienst der K. und K. Monarchie. München, 1971.
- Margutti A.* Kaiser Franz Joseph: Personliche Erinnerungen. Wien; Leipzig, 1924.
- Redlich J.* Schicksalsjahre Österreichs, 1908–1919: Das politische Tagebuch. Graz; Köln, 1953–1954. Bd. 1, 2.
- Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Göttingen, 1972.
- Tusza S.* Briefe (1914–1918). B., 1928.
- Urbansky von Osrzymiez B.* Conrad von Hötzendorf und die Reise Thronfolger nach Sarajevo // BM. 1924.

Пресса и периодические издания в комплектах

- Будучност. Ниш, 1915.
- Летопис Матице српске. Нови Сад, 1929–1930.
- Политика. Ниш, 1915.
- Правда. Београд; Ниш, 1915.
- Нова Европа. Загреб, 1926–1928.
- Српске новине. Београд; Ниш; Корфу, 1914–1915.

Некомплектные газеты и журналы

- Записи. Цетиње, 1951.
- Историјски записи. Титоград.
- Историјски гласник. Београд.
- Историјски часопис. Београд.
- Политика. Београд, 1924, 1925, 1930.
- Glas kanadskih srba. Vindsor, 1962.
- Militärische Rundschau. 1914.
- Österreichische Rundschau. 1912, 1914.
- Österreichische Volkswirtschaft. 1914.
- Reichspost. 1914.
- Sarajevski list. 1914.

Литература

- Аветян А. С.* Основные вопросы ближневосточной политики германского империализма накануне первой мировой войны // Первая мировая война. М., 1968.
- Аврамовски Ж.* Ратни циљеви Бугарске и Централни силе, 1914–1918. Београд, 1985.

- Адамов Е. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922.
- Амфитеатров. Помогите сербам // Рус. слово. 1914.23.XI.
- Андреев Л. Слово о Сербии // Биржевые ведомости. 1914.11.XI.
- Андреевская Е. Л. Балканы в планах французской буржуазии накануне первой мировой войны // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1969. Т. 307.
- Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910–1914) // ИЗ. 1965. Т. 75.
- Бестужев И. В. Основные аспекты внешней политики России накануне июльского кризиса // Первая мировая война. М., 1968.
- Бовыкин В. И. Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне первой мировой войны // ИЗ. 1957. Т. 59.
- Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны: Отношения между Россией и Францией в 1912–1914 гг. М., 1981.
- Васюков В. С. Внешняя политика России накануне февральской революции, 1916 – февраль 1917. М., 1989.
- Вильфигус Р. Вильгельм II о себе самом // Анналы. Пг., 1923. Вып. 3.
- Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
- Виноградов К. Б. Накануне первой мировой войны: (Некоторые итоги новых исследований) // ННИ. 1973. № 1.
- Виноградов К. Б. Основные направления буржуазной историографии австро-сербского конфликта и возникновения первой мировой войны // УЗИС. Т. 24.
- Владимиров Л. Война и Балканы. Л., 1918.
- Влазов Т. България и централните сили в навечерието на првата световна война // Известия на института за история. С., 1951. Т. 1–2.
- Вукичевић М. Петроград и војна // Време. 1914. № 934, 935, 938, 942, 950, 955, 941.
- Вукичевић М. Король Петр I и Сербия. Пг., 1915.
- Вучковић В. Унутрашње кризе Србије и први светски рат // ИЧ. 1966. Књ. 14–15.
- Гајевић Д. Млада Босна и Југословенство // Преглед. Сарајево, 1983. № 10.
- Георгиев А. Английская дипломатия в период июльского кризиса 1914 // ВИЖ. 1940. № 1.
- Готлиб В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960.
- Гуч П. История современной Европы. М., 1925. Т. 1: (Делькассе, Бюлов, Извольский, Эренталь); Т. 2: (Грей, Пуанкаре, Сазонов, Берхтольд).
- Дедиџер В. Сарајево, 1914. Београд, 1966.
- Дедиџер В. Планови надвојводе Ф. Фердинанда о реорганизацији Хабсбуршке монархије // Југословенске народи пред први светски рат. Београд, 1967.
- Джоргејм Э. Кто хотел войны?: Очерк дипломатических переговоров, предшествовавших войне. Пг., 1915.
- Ђаковић М. О паду црногорске државе и њене династије // Нова Европа, 1926.
- Ђорђевић Д. Србија и хабсбуршка монархија. Узроци сукоба // ИГ. 1959. № 1.
- Екмеџић М. Русија и Балкан, 1914 // ЛМС. 1971. Књ. V.
- Екмеџић М. Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973.
- Емец В. А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916) // ИЗ. 1956. Т. 56.
- Емец В. А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914–1918. // ИЗ. 1965. Т. 77.
- Емец В. А. Позиция России и ее союзников в вопросе о помощи Сербии в 1915 г. // Там же.
- Ерусалимский А. С. Документы о подготовке мировой войны, 1914–1918 // ВИЖ. 1940. № 1.
- Живановић М. Пуковник Апис: Солунски процес, 1917. Београд, 1955.
- Зайончковский А. М. Мировая война, 1914–1918. М., 1938. Т. 1.
- Заленика М. Рат Србије и Црне Горе, 1915. Београд, 1954.
- Јанковић Д. Србија и југословенско питање, 1914–1915. Београд, 1973.

- Исламов Т. М.** Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972.
- История дипломатии.** М., 1963. Т. 2.
- История первой мировой войны, 1914–1916.** М., 1975. Т. 1.
- История Югославии.** М., 1963. Т. 1.
- Корсун Н. Г.** Балканский фронт первой мировой войны. М., 1939.
- Кросс Б. Б.** Предпосылки отхода Румынии от Тройственного союза накануне первой мировой войны // ВИ. 1971. № 10.
- Лапчевич Д.** Рат и српска социјална демократија. Београд, 1925.
- Лаж М.** Борба око Београда у IX и X 1914 // Годишњак музеа града Београда. Београд, 1957. Кн. IV.
- Лижарев М. А.** Секретная дипломатия в эпоху мировой войны // Анналы. Пг., 1923. Т. 3.
- Мандрик И. А.** Попытка осуществления русско-венгерского сближения накануне первой мировой войны // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1982. С. 28.
- Марковић Л. Никола П. Пашић** // Пашић: Илустровани радикални алманах. Београд, 1924. Кн. 1.
- Марковић Л. Никола Пашић** као дипломат: Из велике епохе, 1903–1918. Суботица, 1929.
- Мельгунов С. П.** Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957.
- Митровић А.** Страване немачке окупационе зоне и аустро-угорске управе у Србији (1915–1916) // ИГ. 1957. № 3/4.
- Митровић А.** Споразум Централних сила о поделу балканских и ближне-восточних сировина: Уговор од 8 января 1918 // Балканика, 1982–1983. Т. 13–14.
- Митровић А.** Србија у првом светском рату. Београд, 1984.
- Нарочницкий Л. Л.** Великие державы и Сербия в 1914 // ННИ. 1976. № 1.
- Ников Н.** Транзит на австро-германско оружје за Българија и Турција в началото на Първата световна война // Сб. Българско-германски отношения и връзки: Изследования и материали. С., 1982. Т. 1.
- Николајевић М.** Србија и њени савезници. Београд, 1923.
- Нотовић Ф. О.** Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1947. Т. 1.
- Нотовић Ф. О.** Разгром Сербии в 1915 г. и «помощь союзников» // Красный арх. 1933. Т. V–VI (65–66).
- Овчина М.** Влада Гагиновић у кругу руских револуционара // Преглед, 1986. № 4.
- Опачић П.** Ратни план аустро-угарског генералштаба за рат против Србије и ратни план српског генералштаба за одбрану земље од аустро-угарске агресије // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976.
- Павловић Ж.** Битка на Колубари. Београд, 1928.
- Петровић М.** Узроци пропасти Краљевине Србије у 1915. Ниш, 1922.
- Петровић Н.** Заједнички аустро-угарски кабинет и југословенско питање, 1912–1918 // Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967.
- Писарев Ю. А.** Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.
- Писарев Ю. А.** Сараевское убийство 28 июня 1914 г. // ННИ. 1970.
- Писарев Ю. А.** Млада Босна и другие организации югославянско омладины // КСИС. 1970. Вып. 26.
- Писарев Ю. А.** Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1971.
- Покровский М. Н.** Как началась война 1914 // Пролетар. революция, 1924. № 7.
- Покровский М. Н.** Империалистическая война. М., 1928.
- Полиетика Н. П.** Возникновение первой мировой войны. М., 1935; 1964.
- Поповић Н.** Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1978.
- Ракочевић Н.** Црна Гора у правом светском рату. 1914–1918. Цетинје, 1969.
- Ракочевић Н.** Неки подаци о стању српској војсци у Црној Гори крајем 1915 // ИЗап. 1973. № 1/2.
- Ростунов И. И.** Русский фронт в первой мировой войне. М., 1976.
- Сетон-Ватсон Р. В.** Сарајево. Загреб, 1925.

- Симић Б. (Марко).* Препород српске војске и борба за уједињење: (Апис и неговe следбеници) // Там же. 1927. № 2.
- Симић Б. (Марко).* Никола Хартвиг: (Сполна политика Србије пред први светски рат) // Нова Европа. 1928. № 8/9.
- Скоко С.* Војвода Радомир Путник. Београд, 1955.
- Скоко С.* Војно-политички положај Србије после Букурештског мира, 1913 // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976.
- Спасојевић А.* Тешкоћи око организовања румунског транзита прско Србије, 1914–1915 // ИГ. 1967. № 3/4.
- Станојевић С.* Убијство ерцгерцога Франца Фердинанда. Београд, 1923.
- Тарле Е. В.* Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г.
- Топаловић М.* О односима српског и бугарског радничког покрета у периоду 1903–1918 // Српска социјалдемократска партија. Београд, 1965.
- Трзић В.* Напад Аустро-Угарска на Србију и Црну Гору, 1914 // ИЗап. 1964. № 3.
- Халсгартен Г.* Империализм до 1914 г. М., 1961.
- Храбак Б.* Југословенско питање на седницама аустро-угарског заједничког министарства, 1914–1918 // ИЗап. 1969. Св. 4.
- Храбак Б.* Сепаратни мир са Србијом у политичкој стратегији Централних сила (1914–1915) // Зборник филозофског факултета у Приштини. 1969. N 6а.
- Храбак Б.* Русија и «спасавање» Србије у јесен 1915 године // ИЧ. 1976. Књ XXIV.
- Храбак Б.* Покушај стварања антиаустројског блока балканских земаља (аугуст 1914) // Зборник за историју. Нови Сад, 1982. № 26.
- Шаццалло К. Ф.* К попыткам сепаратных переговоров о мире в 1915 г. // ВИ. 1970. № 9.
- Albertini Z.* The origins of the war of 1914. L., 1953. Vol. 2.
- Andrew Rossos.* Russia and the Balkans. Toronto, 1981.
- Bauer H.* Sarajevo: Die Frage der Verantwortlichkeit des serbischen Regierung an dem Attentat von 1914: Diss. Stuttgart, 1929.
- Boghitschewitsch M.* La casuses de la guerre. P., 1925.
- Fischer E.* Die kritische 39. Tage von Sarajevo bis zum Weltbrand. B., 1938.
- Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962.
- Fischer F.* Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.
- Fischer F.* Juli 1914: Wir sind nicht hineingeschlitent. Reinbeck bei Hamburg, 1983.
- Franz G.* Erzherzog Franz Ferdinand und die Pläne zur Reform der Habsburger Monarchie. Brünn etc., 1943.
- Galantai J.* Die Österreich-Ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Budapest. 1979.
- Gutsche W.* Sarajevo, 1914: Vom Attentat zum Weltkrieg. B., 1984.
- Hanak P.* Ungarn in Donaumonarchie. Wien, 1984.
- Harbak B.* Nemački pokusaj za stvaranje srednjeevropskog Saveza, 1915–1916 // Zbornik Filozofskog fakulteta u Prištini. 1969. N 6а.
- Humo A.* Mjesto Bosne u političkoj borbi protiv Austro-Ugarske // Pregled. 1977. N 7/8.
- Klein P.* Weltpolitische Ambitionen Österreich-Ungarns vor 1914 // Jahrbuch für Geschichte. B., 1984.
- Linke H.* Das zarische Russland und der Erste Weltkrieg: Diplomatie und Kriegsziele, 1914–1917. München, 1982.
- Löding D.* Deutschlands und Österreich-Ungarns Balkanpolitik von 1912–1914: Diss. Hamburg, 1969.
- Lütz H.* Das Entscheidende über Halt in Belgrad // BM. 1927. N 7.
- Marjanović M.* Londonski ugovor iz godine 1915. Zagreb, 1960.
- Mitrović A.* Prodor na Balkan i Srbija, 1908–1918. Beograd, 1981.
- Plaschka H.* Aus den Haft-Akten der Sarajevo-Attentäter // Balkanika. 1977. N 8.
- Popović C.* Apisov poverljiv raport // Pregled. 1964. N 7/8.
- Popović S.* Sarajevski Vidovdan, 1914. Beograd, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР – Архив внешней политики России
АВИИ – Архив Вјно историјског института Југославике народне армије.
АЈ – Архив Југославије
АСАНУ – Архив Српске Академије наука и уметности
АС – Архив Србије.
ВРС – Велики рат Србије за ослобођење и уједињење. Београд, 1924–1937. Књ. 1–32.
ВИ – Вопросы истории
ВИЖ – Военно-исторический журнал
ВУА – Военно-ученый архив
ДА ДСИП – Државни архив Државног секретариата иностранных послова СФР
ДАСРС – Државни архив Социалистичке републике Србије.
ДАСРЦГ – Државни архив Социалистичке републике Црне Горе
ДСП – Документи о спољној политици Краљевине Србије. Београд, 1980–1981. Т. 1–VII.
ИГ – Историјски гласник (Београд)
ИЗ – Исторические записки (Москва)
ИЗап – Историјски записи (Титоград)
ИИП – Известия на Института за история (София)
ИП – Историски преглед (София)
ИЧ – Историјски часопис (Београд)
КСИС – Краткие сообщения института славяноведения
ЛМС – Летопис матице Српске (Нови Сад)
ЛОГИА – Ленинградский Областной Государственный исторический архив
МОЭИ – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. М.; Л., 1931–1935.
ННИ – Новая и новейшая история
ПА – Политический архив
ПО – Политическо одељење
СКГ – Српски књижевни гласник (Београд)
УЗИС – Ученые записки Института славяноведения АН СССР
ЦГА ВМФ СССР – Центральный Государственный архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГВИА СССР – Центральный Государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР – Центральный Государственный исторический архив СССР
АВН – Архив Војне и Херцеговине

- BD – British documents on the origin of the war, 1898–1914. L., 1926–1932.
- BM – Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung. Die Kriegsschuldfrage für Erforschung der Kriegsursachen. B.
- DA – Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Wien, 1919. Bd. 1–3.
- DD – Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. B., 1927. Bd. 1–4.
- DDF – Documents diplomatiques français relative aux origines de la guerre 1914. 3^e sér. P., 1935–1936.
- GP – Die grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. B., 1922–1927
- HHSTA Wien – Haus-Hof und Staatsarchiv. Wien
- JIC – Jugoslovenski istorijski časopis
- L'Allemagne – L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre Mondiale. Documents. P., 1962–1976. Vol. 1–3
- ÖUA – Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914: Diplomatisch Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Ausser. Wien; Leipzig, 1930. Bd. 1–9.
- PA – Politische Archiv
- Protokolle – Protokolle des gemeinsamen Ministerrates Österreich-Ungarischen Monarchie (1914–1918). Budapest, 1966.
- ZMF – Zemalско Ministarstvo Finansije

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	3
	ВВЕДЕНИЕ	8
Глава I.	САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО	23
Глава II.	ЕВРОПА ДО И ПОСЛЕ САРАЕВА	39
Глава III.	ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС 1914 г. И «СЛАВЯНСКАЯ ОПАСНОСТЬ»	50
Глава IV.	ОТ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО УЛЬТИМАТУМА К ВОЙ- НЕ С СЕРБИЕЙ.	70
Глава V.	ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ	97
Глава VI.	РОССИЯ И СЕРБИЯ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ	116
Глава VII.	СЕРБИЯ И СОЮЗНИКИ (1915 г.)	137
Глава VIII.	СЕРБИЯ В ПЕРИОД «МИРНОЙ ПЕРЕДЫШКИ» И РОССИЯ	143
Глава IX.	1915 ГОД: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ СЕРБИИ	160
Глава X.	ГЕРМАНСКИЙ БЛОК И СЕРБИЯ В 1915 г.	171
Глава XI.	ПЛАН РУССКОЙ СТАВКИ ПО СПАСЕНИЮ СЕРБИИ И СОЮЗНИКИ	187
Глава XII	КАТАСТРОФА	195
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
	СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	209
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	218

Научное издание

Юрий Алексеевич Писарев
ТАЙНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
Россия и Сербия в 1914—1915 гг.

Утверждено к печати
отделением истории АН СССР

Редактор издательства Е. И. Михайлова
Художник Н. Н. Симагин
Художественный редактор М. Д. Богачев
Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректоры К. И. Келаскина,
Л. В. Щеголев

ИБ № 46611

Сдано в набор 1.06.90
Подписано к печати 26.09.90
Формат 60×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 14. Усл. кр. отт. 14,25
Уч.-изд. л. 15,8
Тираж 1550 экз. Тип. зак. 180
Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В издательстве

«НАУКА»

в 1991 г.

выйдут в свет:

В. Н. Виноградов

БРИТАНСКИЙ ЛЕВ НА БАЛКАНАХ

Британская политика на Балканах в XIX в. рассматривается через призму деятельности ведущих политиков этой страны — королевы Виктории, Джорджа Каннинга, Генри Джона Пальмерстона и др. Показано их стремление удержать Балканский п-ов под османским владычеством, противодействие освободительному движению народов за свое освобождение, англо-русское соперничество в этом регионе. С новых позиций, на новых архивных материалах рассматривается роль русских царей и дипломатов — Александра I, Николая I, К. В. Нессельроде, А. М. Горчакова и др.

Для широкого круга читателей.

А. Кравчук

ПЕРИКЛ И АСПАЗИЯ

А. Кравчук — известный специалист по истории античности. В настоящей книге замечательный политический деятель древнего мира Перикл и его подруга Аспазия показаны на широком историческом и бытовом фоне, в окружении жителей Древних Афин. Среди них и те, чьи имена вошли в сокровищницу мировой культуры: Геродот, Сократ, Эсхил, Фидий и др. Показывается быт и нравы афинян, их обычаи, увлечения и т. д.

Для широкого круга читателей.

Л. А. Файнберг

ОХОТНИКИ АМЕРИКАНСКОГО СЕВЕРА (индейцы и эскимосы)

Каждый народ имеет только ему присущие национальные особенности. Это отражается в материальной культуре, в особенностях быта, оригинальности обычаев. В полной мере свойственно это и коренным жителям Северной Америки — индейцам и эскимосам. В книге рассказывается, как различные группы этих народов приспособились к условиям тайги, лесотундры, тундры и морских льдов. Показывается также, как изменилась судьба аборигенов после европейской колонизации.

Для этнографов, историков, широкого круга читателей.

СЕМЬЯ У НАРОДОВ АМЕРИКИ

Книга — первая в отечественной науке обобщающая работа по семье Американского континента. На большом историческом материале авторы показывают, как складываются и живут семьи США, Бразилии, Аргентины, Кубы и др. Интересно рассказывается о традициях, обычаях, обрядах, численности семей разных национальностей, о ценностных ориентациях, воспитании детей.

Для историков, этнографов и широкого круга читателей.

Адреса книготорговых предприятий «Академкнига»

Магазины «Книга — почтой»

- 252107 Киев, ул. Татарская, 6
197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7
117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 «Книга — почтой»
370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 «Книга — почтой»
232600 Вильнюс, ул. Университетского, 4 «Книга — почтой»
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 «Книга — почтой»
320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 «Книга — почтой»
734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 «Книга — почтой»
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 «Книга — почтой»
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 «Книга — почтой»
252030 Киев, ул. Ленина, 42
252142 Киев, пр-т Вернадского, 79
252025 Киев, ул. Осипенко, 17-
277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 «Книга — почтой»
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 «Книга — почтой»
660049 Красноярск, пр-т Мира, 84
443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 «Книга — почтой»
191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57
190164 Ленинград, Таможенный пер. 2
194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4
220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 «Книга — почтой»
103009 Москва, ул. Горького, 19-а
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 «Книга — почтой»
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1 «Книга — почтой»
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 «Книга — почтой»
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 «Книга — почтой»
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 «Книга — почтой»
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 «Книга — почтой»
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 «Книга — почтой»

3 р. 30 к.



Ю.А.Писарев

ТАЙНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ РОССИЯ И СЕРБИЯ В 1914-1915 ГГ.



ТАЙНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. РОССИЯ И СЕРБИЯ В 1914-1915 ГГ.